

Н.В. ГОГОЛЬ 4

Н.В. ГОГОЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Н. В. ГОГОЛЬ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
С. И. МАШИНСКОГО, А. Л. СЛОНИМСКОГО,
Н. Л. СТЕПАНОВА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Н. В. ГОГОЛЬ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Подготовка текста
и примечания

А. Л. СЛОНИМСКОГО

НА ЗЕРКАЛО НЕЧА ПЕНЯТЬ,
КОЛИ РОЖА КРИВА.
Народная пословица.

РЕВИЗОР

Комедия
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.
Анна Андреевна, жена его.
Мáрья Антоновна, дочь его.
Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.
Жена его.
Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.
Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.
Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.
Петр Иванович Добчинский } городские
Петр Иванович Бобчинский } помещики.
Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.
Осип, слуга его.
Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.
Федор Андреевич Люлюков } отставные чинов-
Иван Лазаревич Растаковский } ники, почетные
Степан Иванович Коробкин } лица в городе.
Степан Ильич Уховертов, частный пристав.
Свистунов }
Пуговицын } полицейские.
Держиморда }
Абдулин, купец.
Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.
Мишка, слуга городничего.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

ЗАМЕЧАНИЯ ДЛЯ ГОСПОД АКТЕРОВ

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженые, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполовину на романах и альбомах, вполовину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове,— один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту

роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

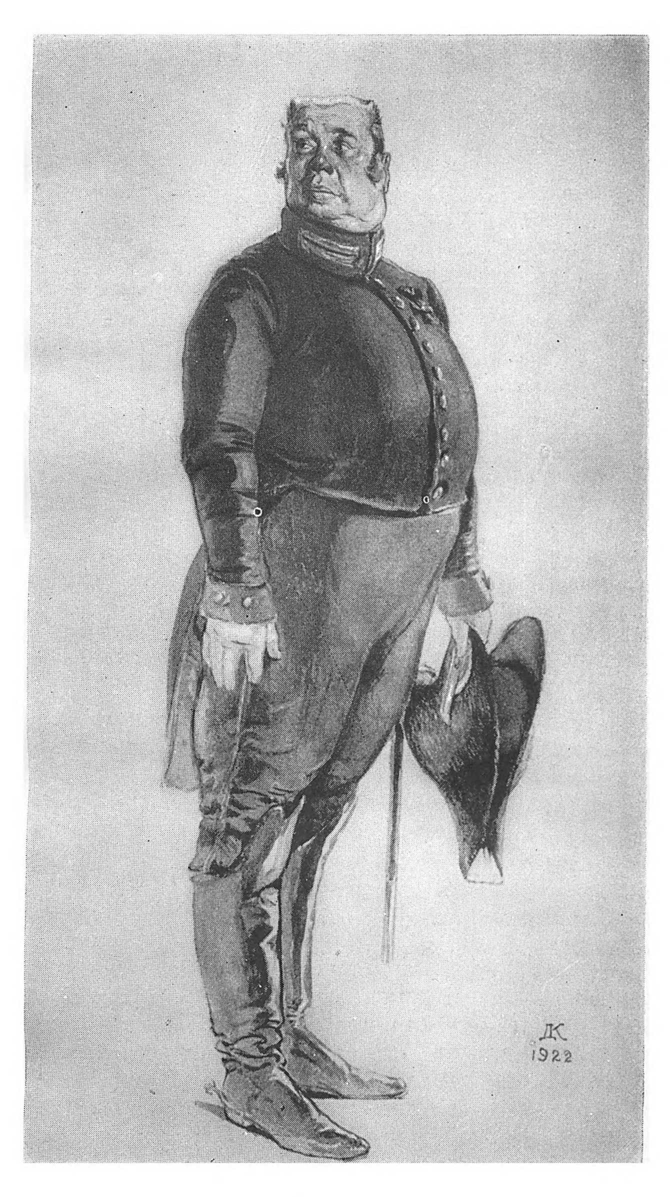
Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Ревизор

Рисунок Д. Кардовского. 1922

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписаньем.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписаньем!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель *(бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)*... и уведомить

тебя». А! вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд *(значительно поднимает палец вверх)*. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» *(остановясь)*, ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрыпке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! *(Вздохнув.)* До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предуведомил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, про-

езжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович,— всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше,— лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник.

Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода,— это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак *(делает гримасу)*, и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хвать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи бог служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего,— инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин».— «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника».— «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю *(берет его под руку и отводит в сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслажденьем прочтешь — так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» — с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шасть...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что, что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский *(перебивая)*. Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский *(перебивая)*. Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул.

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с,— так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Я уж все, все, все знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский *(перебивая)*. Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уж услыхали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский *(перебивая)*. За бочонком для французской водки.

Бобчинский *(отводя его руки)*. За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... энтого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича... «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский *(перебивая)*. Недурной наружности, в партикулярном платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь *(вертит рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-то Иванович уж

мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечает на это: «Это»,— говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник,— да-с,— едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию,— ревизор.

Городничий *(в страхе)*. Что вы, господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу он... Такой наблюдательный: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу,— больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Две недели! *(В сторону.)* Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! *(Хватается за голову.)*

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось бог вынесет и теперь. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных; да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

ЯВЛЕНИЕ IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий *(хватаясь за голову)*. Ах, боже мой, боже мой! Ступай скорее на улицу, или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий *(принимая шпагу, к квартальному)*. Беги сейчас возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет... Эк шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице... черт возьми, по улице — по метле! и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки,— смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым — а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вче-

рашнего дня случилась за городом драка,— поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откудова и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)* Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. *(Берет вместо шляпы футляр.)* Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Петр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий *(бросая коробку)*. Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами — и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! *(Уходит и возвращается.)* Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Муж! Антоша! Антон! *(Говорит скоро.)* А все ты, а всё за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку». *(Подбегает к окну и кричит.)* Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости — после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? *(С пренебрежением.)* Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство; услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно чрез два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Чрез два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! *(Свешивается в окно.)* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побеги расспроси, куда поехали; да расспроси хорошенько: что за приезжий, каков он, — слышишь? Подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! *(Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постеле.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! *(Дразнит его.)* «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги

бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! *(Усмехается и трясет головою.)* Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублев полтораста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? — оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдает фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*. Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай... эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков *(голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе)*. Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорит, этаких шерамыжников и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шу-

тить не буду, я прямо с жалобою, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Х л е с т а к о в. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

О с и п. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Х л е с т а к о в. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

О с и п. Да, право, сударь...

Х л е с т а к о в. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Х л е с т а к о в один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит,— нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и всё обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишко! В овошенных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. *(Насвистывает сначала из «Роберта», потом «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни се ни то.)* Никто не хочет идти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Х л е с т а к о в, О с и п и т р а к т и р н ы й с л у г а.

С л у г а. Хозяин приказал спросить, что вам угодно.

Х л е с т а к о в. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

С л у г а. Слава богу.

Х л е с т а к о в. Ну что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

С л у г а. Да, слава богу, все хорошо.

Х л е с т а к о в. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее,— видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит *(вытягиваясь и представляя лакея)*: «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет

какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я...» *(Потирает руки и подшаркивает ножкой.)* Тьфу! *(плюет)* даже тошнит, так есть хочется.

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков *(прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле)*. Несут! несут! несут!

Слуга *(с тарелками и салфеткой)*. Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. Этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, черт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкусу нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защищая рукою кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Черт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, канальи, чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! Совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя; и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип *(входит)*. Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков *(испугавшись)*. Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж, если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу... Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? *(Бодрится и выпрямливается.)* Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы...» *(У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и съеживается.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков *(кланяется)*. Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков *(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морил голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Г о р о д н и ч и й *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Х л е с т а к о в. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть — в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. *(Бодрится.)* Я, я, я...

Г о р о д н и ч и й *(в сторону.)* О господи ты боже, какой сердитый! Все узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Х л е с т а к о в *(храбрясь)*. Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! *(Стучит кулаком по столу.)* Что вы? что вы?

Г о р о д н и ч и й *(вытянувшись и дрожа всем телом)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Х л е с т а к о в. Нет, я не хочу! Вот еще! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Б о б ч и н с к и й выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Г о р о д н и ч и й *(дрожа)*. По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Х л е с т а к о в. Да что? мне нет никакого дела до них. *(В размышлении.)* Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко...

Ревизор

Рисунок Д. Кардовского. 1922

Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий *(в сторону)*. О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. *(Вслух.)* Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий *(поднося бумажки)*. Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков *(принимая деньги)*. Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий *(в сторону)*. Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! *(К городничему и Добчинскому.)* А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... *(Добчинскому.)* Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий *(в сторону)*. Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо,

подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. *(Вслух.)* Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием,— и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий *(в сторону)*. Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! *(Вслух.)* Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий *(в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение)*. В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо востро. *(Вслух.)* Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлеченье для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий *(в сторону)*. Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплел! *(Вслух.)* И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности; душа моя жаждет просвещения.

Городничий *(в сторону)*. Славно завязал узелок! Врет, врет — и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется ногтем бы придавил его. Ну, да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух.)* Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. *(Окидывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость, и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь,— не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь — ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особливо если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом. Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давича подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак! еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет. *(Слуге.)* Пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. *(Прячет деньги.)*

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то — богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий *(Добчинскому)*. Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий *(тихо Добчинскому)*. Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки, и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. *(Хлестакову.)* Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?.. А впрочем, тут и чернила, только бумаги — не знаю... Разве на этом счете?

Городничий. Я здесь напишу *(Пишет и в то же время говорит про себя.)* А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. *(Написавши, отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлеп-

ка! Я забегу к Христиану Ивановичу: у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Городничий *(делая Бобчинскому укоризненный знак, Хлестакову)*. Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйте! А слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. *(Осипу.)* Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему,— тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! *(Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.)* Уж и вы! не нашли другого места упасть! И растянулся, как черт знает что такое. *(Уходит; за ним Бобчинский.)*

Запавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уж целый час дожидаемся, а все ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маменька, маменька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идет. Кто же это идет? Небольшого роста... во фраке... Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. *(Машет платком.)* Эй, вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу,— из чего же ты споришь? *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда — все равно. Что? очень строгий? А? А муж, муж? *(Немного отступя от окна, с досадою.)* Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам? Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевесть. Мое почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Анна Андреевна. Ну что? Ну, рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу: такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Ревизор

Рисунок П. Боклевского [1882]

А н н а А н д р е е в н а. Ну, расскажите: что и как?

Д о б ч и н с к и й. Да, слава богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

А н н а А н д р е е в н а. Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите.

Д о б ч и н с к и й. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, что ж... это все, однако ж, вздор. Расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Д о б ч и н с к и й. Молодой, молодой человек; лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик: «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда...» *(размахивает руками)* так это все славно. «Я, говорит, и написать и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

А н н а А н д р е е в н а. А собой каков он: брюнет или блондин?

Д о б ч и н с к и й. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

А н н а А н д р е е в н а. Что тут пишет он мне в записке? *(Читает.)* «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю: к чему же тут соленые огурцы и икра?

Д о б ч и н с к и й. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счет был написан.

А н н а А н д р е е в н а. А, да, точно. *(Продолжает читать.)* «Но, уповая на милосердие божие, кажется все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Д о б ч и н с к и й *(бежит и кричит в дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка!

М и ш к а входит.

А н н а А н д р е е в н а. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку *(садится к столу, пишет записку и между тем говорит)*: эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Д о б ч и н с к и й. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обозревает.

А н н а А н д р е е в н а. Ступайте, ступайте! я не держу вас.

ЯВЛЕНИЕ III

А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

М а р ь я А н т о н о в н а. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

А н н а А н д р е е в н а. Цветное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маменька, вам нейдет палевое!

А н н а А н д р е е в н а. Мне палевое нейдет?

М а р ь я А н т о н о в н а. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

А н н а А н д р е е в н а. Вот хорошо! а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маменька! вы больше червонная дама.

А н н а А н д р е е в н а. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и М и ш к а выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит О с и п с чемоданом на голове.

ЯВЛЕНИЕ IV

М и ш к а и О с и п.

О с и п. Куда тут?

М и ш к а. Сюда, дядюшка, сюда!

О с и п. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

М и ш к а. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

О с и п. Какой генерал?

М и ш к а. Да барин ваш.

О с и п. Барин? Да какой он генерал?

М и ш к а. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть.

Мишка. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово. Простова блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простова-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, всё будем есть. Ну, понесем чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович *(подбегая)*. Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство,— может быть, вам покажется даже невероятным,— все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно?..» Наградит ли оно, или нет — конечно, в его воле; по крайней мере я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Б о б ч и н с к и й *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Х л е с т а к о в. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Л у к а Л у к и ч *(в сторону)*. А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Г о р о д н и ч и й. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Х л е с т а к о в. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Т е ж е, А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

Г о р о д н и ч и й. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Х л е с т а к о в *(раскланиваясь)*. Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

А н н а А н д р е е в н а. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Х л е с т а к о в *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

А н н а А н д р е е в н а. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Х л е с т а к о в. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

А н н а А н д р е е в н а. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною.

Х л е с т а к о в. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comprenez vous [1], в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... *(посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней)* так вознаградил за всё...

А н н а А н д р е е в н а. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Х л е с т а к о в. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

А н н а А н д р е е в н а. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Х л е с т а к о в. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

А н н а А н д р е е в н а. Я живу в деревне...

Х л е с т а к о в. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». *(Городничему.)* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

---

[1] понимаете ли *(франц.)*.

Вместе.
Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.
Артемий Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!
Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат,— отвечает, бывало,— так как-то всё...» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всем.)* Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница сто́ит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал,— куда уехал, неизвестно.

Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало,— нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми! После видят, нечего делать,— ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково, положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо востро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент,— просто землетрясенье, все дрожит и трясется, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната и все что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Вот это, Петр Иванович, человек-то! Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович *(Луке Лукичу)*. Страшно, просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петербург махнет донесение? *(Уходит в задумчивости вместе с смотрителем училищ, произнеся:)* Прощайте, сударыня!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

А н н а А н д р е е в н а. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

М а р ь я А н т о н о в н а. Право, маменька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А,— говорит себе,— дай уж посмотрю на нее!»

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Г о р о д н и ч и й *(входит на цыпочках)*. Чш... ш...

А н н а А н д р е е в н а. Что?

Г о р о д н и ч и й. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? *(Задумывается.)* Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

А н н а А н д р е е в н а. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нем образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Г о р о д н и ч и й. Ну, уж вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам всё — фиитирлюшки! Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

А н н а А н д р е е в н а. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... *(Посматривает на дочь.)*

Г о р о д н и ч и й *(один)*. Ну, уж с вами говорить!..

Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. *(Отворяет дверь и говорит в дверь.)* Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. *(После небольшого молчания.)* Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давича в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

ЯВЛЕНИЕ X

Т е ж е и О с и п. Все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

А н н а А н д р е е в н а. Подойди сюда, любезный!

Г о р о д н и ч и й. Чш!.. что? что? спит?

О с и п. Нет еще, немножко потягивается.

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, как тебя зовут?

О с и п. Осип, сударыня.

Г о р о д н и ч и й *(жене и дочери)*. Полно, полно вам! *(Осипу.)* Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

О с и п. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

А н н а А н д р е е в н а. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

О с и п *(в сторону)*. А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит после еще лучше накормят. *(Вслух.)* Да, бывают и графы.

М а р ь я А н т о н о в н а. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

А н н а А н д р е е в н а. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Г о р о д н и ч и й. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

А н н а А н д р е е в н а. А чин какой на твоем барине?

О с и п. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтоб все было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твое лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит, или...

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь: дело идет о жизни человека... *(К Осипу.)* Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик,— оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип *(принимая деньги)*. А покорнейше благодарю, сударь. Дай бог вам всякого здоровья! бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленький носик у твоего барина!..

Городничий. Да постойте, дайте мне!.. *(К Осипу.)* А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! Бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду».— «А,— думаю себе *(махнув рукою)*,— бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты го-

воришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? *(Прячет деньги.)* Разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! *(Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.)* Боже вас сохрани шуметь! Идите себе! полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдем, Машенька! я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай,— и уши потом заткнешь. *(Обращаясь к Осипу.)* Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! *(Закрывает ему рот.)* Эк как каркнула ворона! *(Дразнит его.)* Был по приказанию! Как из бочки, так рычит. *(К Осипу.)* Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! *(Показывает ногою.)* Слышите? Чш... чш... *(Уходит на цыпочках вслед за квартальными.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах.

Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович *(строит всех полукружием.)* Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, черт возьми! раскричится: государственный человек. А разве в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слыхали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все *(пристают к нему)*. Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович!

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания:

Голос Бобчинского. Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний: «Ай! ай!» — наконец все выпираются, и комната остается пуста.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович *(входя и останавливаясь, про себя)*. Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. *(Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.)* Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьею?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. *(В сторону.)* А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Аммос Федорович *(высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону)*. Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович *(потерявшись и роняя на пол ассигнации)*. Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович *(дрожа всем телом)*. Никак нет-с. *(В сторону.)* О боже, вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков *(подымая)*. Да, это деньги.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Ну, все кончено — пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович *(поспешно)*. Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. *(В сторону.)* Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте, как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.)* Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович *(раскланиваясь и уходя, в сторону)*. Ну, город наш!

Хлестаков *(по уходе его)*. Судья — хороший человек!

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне,— не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслух.)* Какой странный со мною случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастие. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встает, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смея долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере услужлив. Я люблю таких людей.

Я В Л Е Н И Е V

Х л е с т а к о в и Л у к а Л у к и ч, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Л у к а Л у к и ч *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу.)* Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Х л е с т а к о в. А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Л у к а Л у к и ч *(про себя, в нерешимости).* Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Х л е с т а к о в. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подает ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Л у к а Л у к и ч *(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя).* Черт побери все! сгубила проклятая робость!

Х л е с т а к о в. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Л у к а Л у к и ч. Не смею знать.

Х л е с т а к о в. Нет, нет, не отговаривайтесь! Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Л у к а Л у к и ч. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну, и сам не знаю, что говорю.

Х л е с т а к о в. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели! Видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... *(В сторону.)* Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич *(хватаясь за карманы, про себя)*. Вот те штука, если нет! Есть, есть! *(Вынимает и подает, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шпагу)*. Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *(летит вон почти бегом и говорит в сторону)*. Ну, слава богу! авось не заглянет в классы!

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я—признаюсь, это моя слабость,—люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста,

мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами,— конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель,— поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

Артемий Филиппович. То есть, не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности... *(Раскланивается с тем, чтобы уйти.)*

Хлестаков *(провожая)*. Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы — рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков *(громко и скоро)*. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Ревизор
Рисунок П. Боклевского [1882]

Д о б ч и н с к и й. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Х л е с т а к о в. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Б о б ч и н с к и й *(шаря в карманах)*. У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Д о б ч и н с к и й *(смотря в бумажник)*. Двадцать пять рублей всего.

Б о б ч и н с к и й. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Д о б ч и н с к и й. Нет, право, и в прорехе нет.

Х л е с т а к о в. Ну, все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это все равно. *(Принимает деньги.)*

Д о б ч и н с к и й. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Х л е с т а к о в. А что это?

Д о б ч и н с к и й. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Х л е с т а к о в. Да?

Д о б ч и н с к и й. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Х л е с т а к о в. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Д о б ч и н с к и й. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Б о б ч и н с к и й. Да, большие способности имеет.

Х л е с т а к о в. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да... *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Б о б ч и н с к и й. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Х л е с т а к о в. А что, о чем?

Б о б ч и н с к и й. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Б о б ч и н с к и й. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Д о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Б о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Х л е с т а к о в. Ничего, ничего! Мне очень приятно. *(Выпровожает их.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Х л е с т а к о в один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки — пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

О с и п выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок,— берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу

тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатили!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет)*. Ну, хорошо. Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

О с и п. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Х л е с т а к о в *(пишет)*. Хорошо. Принеси только свечу.

О с и п *(выходит и говорит за сценой)*. Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Х л е с т а к о в *(продолжает писать)*. Любопытно знать, где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. *(Свертывает и надписывает.)*

О с и п приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(Дает Осипу письмо.) На, отнеси.

Г о л о с а к у п ц о в. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Г о л о с Д е р ж и м о р д ы. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Х л е с т а к о в. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

О с и п *(глядя в окно)*. Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Х л е с т а к о в *(подходя к окну)*. А что вы, любезные?

Г о л о с а к у п ц о в. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Х л е с т а к о в. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(Принимает из окна просьбы, развертывает одну из них и читает:) «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина...» Черт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости!

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

К у п ц ы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Х л е с т а к о в. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

К у п ц ы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Х л е с т а к о в. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста — ну, тогда совсем дело другое: взаймы я могу взять.

К у п ц ы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Х л е с т а к о в. Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

К у п ц ы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*. Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Х л е с т а к о в. Ну, и подносик можно.

К у п ц ы *(кланяясь)*. Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Х л е с т а к о в. О нет, я взяток никаких...

О с и п. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку,— и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

К у п ц ы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Х л е с т а к о в. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? *(Подходит к окну.)* А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков *(в окно)*. Пропустить ее.

ЯВЛЕНИЕ XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша *(кланяясь в ноги)*. Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал мошенник, сделал — побей бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж? он уж тебе не годится». Да я-то знаю — годится или не годится; это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в

рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! Чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего! А если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпровожает старуху.)*

Слесарша *(уходя)*. Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоели, черт возьми! Не впускай, Осип!

Осип *(кричит в окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? *(Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

Ревизор
Рисунок П. Боклевского [1882]

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков *(рисуется)*. Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков *(рисуется)*. А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принесть удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. *(Села.)*

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!..» Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... *(Отдвигает стул.)*

Хлестаков *(придвигая стул)*. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков *(придвигаясь)*. Отчего ж далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует ее в плечо и смотрит в окно)*. Это сорока.

Марья Антоновна *(встает в негодовании)*. Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков *(удерживая ее)*. Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... *(Силится уйти.)*

Хлестаков *(продолжая удерживать ее)*. Из любви, право из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. *(Падает на колени.)* Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидев Хлестакова на коленях)*. Ах, какой пассаж!

Хлестаков *(вставая)*. А, черт возьми!

Анна Андреевна *(дочери)*. Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков *(в сторону)*. А она тоже очень аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колени.)* Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери?

Хлестаков. Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.)* Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна *(сквозь слезы)*. Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков *(схватывая за руку дочь)*. Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(с изумлением)*. Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, сто́ит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастия.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперед не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Г о р о д н и ч и й. Не смею верить, недостоин такой чести.

Х л е с т а к о в. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов...

Г о р о д н и ч и й. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

А н н а А н д р е е в н а. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Г о р о д н и ч и й. Не могу верить.

Х л е с т а к о в. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Г о р о д н и ч и й. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Г о р о д н и ч и й. Да благословит вас бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Т е ж е и О с и п.

О с и п. Лошади готовы.

Х л е с т а к о в. А, хорошо... я сейчас.

Г о р о д н и ч и й. Как-с? Изволите ехать?

Х л е с т а к о в. Да, еду.

Г о р о д н и ч и й. А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это... На одну минуту только... на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Целует ее ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)* А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста,— я не хочу воспользоваться вашею ошибкою,— так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! *(Вынимает из бумажника.)* Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! *(Берет и рассматривает ассигнации.)* Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна!

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую, вынь ковер самый лучший — что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! Теперь давай-ка с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет! *(Бьет рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залетные!

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня? Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчи-

ки! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дискать, какую честь бог послал городничему,— что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может все сделать, все, все, все! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе

и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там — стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты ездишь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим. А там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему всё бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что, много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничий *(с неудовольствием)*. А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что?

а? что теперь скажете? Теперь я вас... у!.. обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! — дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша» не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы *(кланяясь)*. Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович! Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы *(кланяются в ноги)*. Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. Не погуби! Теперь: не погуби! а прежде что? Я бы вас... *(Махнув рукой.)* Ну, да бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь смотри держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с богом!

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Федорович *(еще в дверях)*. Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастие?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастием. Я душевно обрадовался, когда услышал. *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Анна Андреевна! *(Подходя к ручке Марьи Антоновны.)* Марья Антоновна!

Растаковский *(входит)*. Антона Антоновича поздравляю. Да продлит бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к ручке Марьи Антоновны.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к ее ручке.)*

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастием.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! *(Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства.)* Марья Антоновна! Имею честь поздравить. *(Подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» — потом к Марье Антоновне, говоря: «Марья Антоновна!» Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! *(Подходит к ручке.)* Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастии, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать; очень забавно будете проводить время.

Бобчинский *(перебивая)*. Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай бог вам всякого богатства, червонцев и сынка-с этакого маленького, вон энтакого-с *(показывает рукою)*, чтоб можно было на ладонку посадить, да-с! Все будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!..

ЯВЛЕНИЕ VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам, Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь...

Жена Луки Лукича *(бежит вперед)*. Поздравляю вас, Анна Андреевна!

Целуются.

А я так, право, обрадовалась. Говорят мне: «Анна Андреевна выдает дочку». «Ах, боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастие Анне Андреевне!» «Ну,— думаю себе,— слава богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъявить лично Анне Андреевне...» «Ах, боже мой! — думаю себе,— Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела»,— и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька,

рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

Гости садятся.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом все это началось, постепенный ход всего то есть дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь»,— он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна, не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

М а р ь я А н т о н о в н а. Право, маменька, он обо мне это говорил.

А н н а А н д р е е в н а. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Г о р о д н и ч и й. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

М н о г и е и з г о с т е й. Скажите пожалуйста!

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Экая штука!

Л у к а Л у к и ч. Вот подлинно, судьба уж так вела.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Не судьба, батюшка, судьба — индейка: заслуги привели к тому. *(В сторону.)* Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Г о р о д н и ч и й. Нет, мне теперь не до кобельков.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Ж е н а К о р о б к и н а. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастию! вы не можете себе представить.

К о р о б к и н. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Г о р о д н и ч и й. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

А н н а А н д р е е в н а. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Г о р о д н и ч и й. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... *(Чихает.)*

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Ч а с т н о г о п р и с т а в а. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Б о б ч и н с к о г о. Сто лет и куль червонцев!

Д о б ч и н с к о г о. Продли бог на сорок сороков!

А р т е м и я Ф и л и п п о в и ч а. Чтоб ты пропал!

Ж е н ы К о р о б к и н а. Черт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай бог получить!

Растаковский. От человека невозможно, а от бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, черт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится, например какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор,— я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну,— думаю себе,— верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой,— но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое!

Городничий *(запальчиво)*. Как ни се ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да еще и черт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер *(читает)*. «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать,— думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! Там нет этого.

Почтмейстер *(показывает письмо)*. Читайте сами.

Городничий *(читает)*. «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер *(продолжая читать)*. «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер *(продолжая читать)*. Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» *(Оставляя читать.)* Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. *(Надевает очки и читает.)* «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую».

Почтмейстер *(к зрителям)*. Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович *(продолжая читать)*. «Надзиратель над богоугодным заведе... и... й... и...» *(Заикается.)*

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берет письмо.)*

Артемий Филиппович *(не давая письма)*. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! *(Коробкину.)* Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдает письмо.)* Вот, позвольте... *(Закрывает пальцем.)* Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин *(читая)*. «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович *(к зрителям)*. И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин *(продолжая читать)*. «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич *(к зрителям)*. Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Слава богу, хоть по крайней мере обо мне нет!

Коробкин *(читает)*. «Судья...»

Аммос Федорович. Вот тебе на! *(Вслух.)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин *(продолжает)*. «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон...» *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин *(продолжая читать)*. «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой репримант неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Федорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий *(бьет себя по лбу)*. Как я —нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! *(махнул рукой)* нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что́ обидно! Чина, звания

не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь?— Над собою смеетесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил — вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Д о б ч и н с к и й. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

Б о б ч и н с к и й. А вот и нет; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

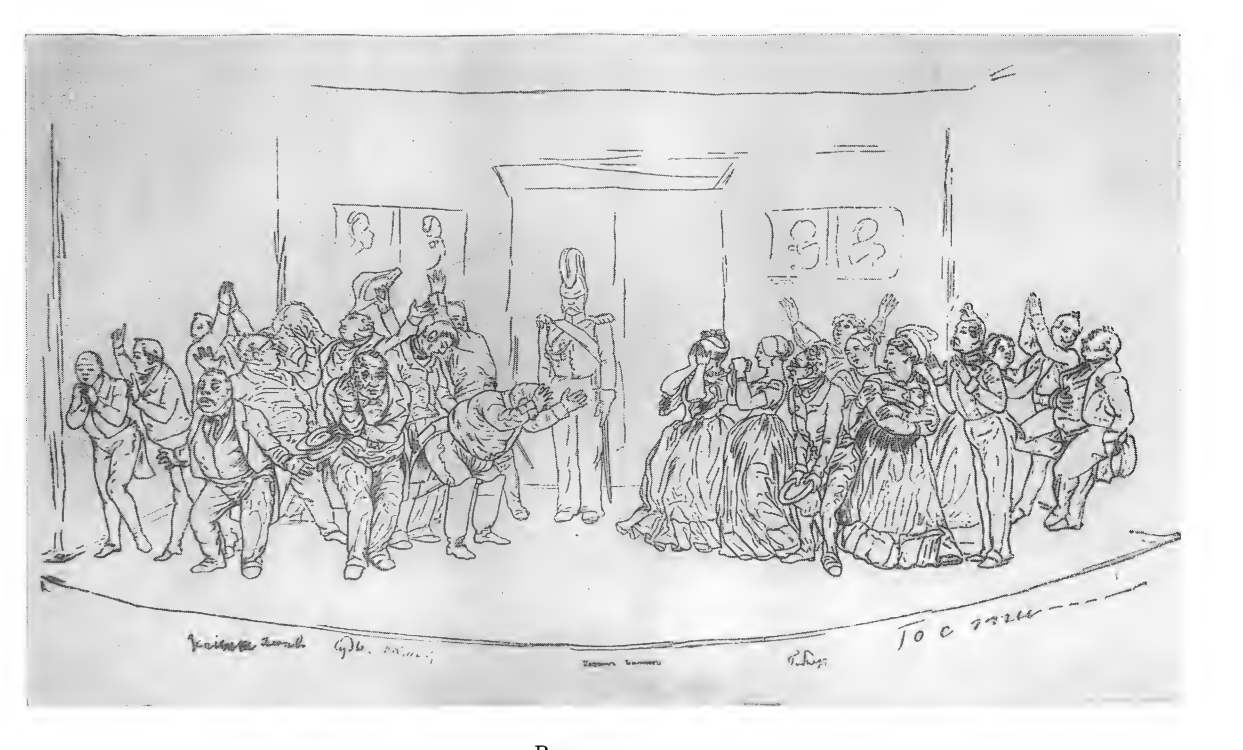
Те же и жандарм.

Ж а н д а р м. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнесть: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Ревизор

Рисунок неизвестного художника

ЖЕНИТЬБА

*Совершенно невероятное событие
в двух действиях*

(Писано в 1833 году)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Агафья Тихоновна, купеческая дочь, невеста.
Арина Пантелеймоновна, тетка.
Фекла Ивановна, сваха.
Подколесин, служащий, надворный советник.
Кочкарев, друг его.
Яичница, экзекутор.
Анучкин, отставной пехотный офицер.
Жевакин, моряк.
Дуняшка, девочка в доме.
Стариков, гостинодворец.
Степан, слуга Подколесина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Комната холостяка.

Подколесин один, лежит на диване с трубкой.

Вот как начнешь эдак один на досуге подумывать, так видишь, что наконец точно нужно жениться. Что, в самом деле? Живешь, живешь, да такая наконец скверность становится. Вот опять пропустил мясоед. А ведь, кажется, все готово, и сваха вот уж три месяца ходит. Право, самому как-то становится совестно. Эй, Степан!

ЯВЛЕНИЕ II

Подколесин, Степан.

Подколесин. Не приходила сваха?

Степан. Никак нет.

Подколесин. А у портного был?

Степан. Был.

Подколесин. Что ж он, шьет фрак?

Степан. Шьет.

Подколесин. И много уже нашил?

Степан. Да, уж довольно. Начал уж петли метать.

Подколесин. Что ты говоришь?

Степан. Говорю: начал уж петли метать.

Подколесин. А не спрашивал он, на что, мол, нужен барину фрак?

Степан. Нет, не спрашивал.

Подколесин. Может быть, он говорил, не хочет ли барин жениться?

Степан. Нет, ничего не говорил.

Подколесин. Ты видел, однако ж, у него и другие фраки? Ведь он и для других тоже шьет?

Степан. Да, фраков у него много висит.

Подколесин. Однако ж ведь сукно-то на них будет, чай, похуже, чем на моем?

Степан. Да, это будет поприглядистее, что на вашем.

Подколесин. Что ты говоришь?

Степан. Говорю: это поприглядистее, что на вашем.

Подколесин. Хорошо. Ну, а не спрашивал: для чего, мол, барин из такого тонкого сукна шьет себе фрак?

Степан. Нет.

Подколесин. Не говорил ничего о том, что не хочет ли, дискать, жениться?

Степан. Нет, об этом не заговаривал.

Подколесин. Ты, однако же, сказал, какой на мне чин и где служу?

Степан. Сказывал.

Подколесин. Что ж он на это?

Степан. Говорит: буду стараться.

Подколесин. Хорошо. Теперь ступай.

Степан уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Подколесин один.

Я того мнения, что черный фрак как-то солиднее. Цветные больше идут секретарям, титулярным и прочей мелюзге, молокососно что-то. Те, которые чином повыше, должны больше наблюдать, как говорится,

этого... вот позабыл слово! и хорошее слово, да позабыл. Да, батюшка, уж как ты там себе ни переворачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет. Эй, Степан!

ЯВЛЕНИЕ IV

Подколесин, Степан.

Подколесин. А ваксу купил?

Степан. Купил.

Подколесин. Где купил? В той лавочке, про которую я тебе говорил, что на Вознесенском проспекте?

Степан. Да-с, в той самой.

Подколесин. Что ж, хороша вакса?

Степан. Хороша.

Подколесин. Ты пробовал чистить ею сапоги?

Степан. Пробовал.

Подколесин. Что ж, блестит?

Степан. Блестеть-то она блестит хорошо.

Подколесин. А когда он отпускал тебе ваксу, не спрашивал, для чего, мол, барину нужна такая вакса?

Степан. Нет.

Подколесин. Может быть не говорил ли: не затевает ли, дискать, барин жениться?

Степан. Нет, ничего не говорил.

Подколесин. Ну, хорошо, ступай себе.

ЯВЛЕНИЕ V

Подколесин один.

Кажется, пустая вещь сапоги, а ведь, однако же, если дурно сшиты да рыжая вакса, уж в хорошем обществе и не будет такого уважения. Всё как-то не того... Вот еще гадко, если мозоли. Готов вытерпеть бог знает что, только бы не мозоли. Эй, Степан!

ЯВЛЕНИЕ VI

Подколесин, Степан.

Степан. Чего изволите?

Подколесин. Ты говорил сапожнику, чтоб не было мозолей?

Степан. Говорил.

Подколесин. Что ж он говорит?

Степан. Говорит, хорошо.

Степан уходит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Подколесин, потом Степан.

Подколесин. А ведь хлопотливая, черт возьми, вещь женитьба! То, да се, да это. Чтобы то да это было исправно,— нет, черт побери, это не так легко, как говорят. Эй, Степан!

Степан входит.

Я хотел тебе еще сказать...

Степан. Старуха пришла.

Подколесин. А, пришла; зови ее сюда.

Степан уходит.

Да, это вещь... вещь не того... трудная вещь.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Подколесин и Фекла.

Подколесин. А, здравствуй, здравствуй, Фекла Ивановна. Ну что? как? Возьми стул, садись, да и рассказывай. Ну, так как же, как? Как, бишь, ее: Меланья?..

Фекла. Агафья Тихоновна.

Подколесин. Да, да, Агафья Тихоновна. И верно, какая-нибудь сорокалетняя дева?

Ф е к л а. Уж вот нет так нет. То есть, как женитесь, так каждый день станете похваливать да благодарить.

П о д к о л е с и н. Да ты врешь, Фекла Ивановна.

Ф е к л а. Устарела я, отец мой, чтобы врать; пес врет.

П о д к о л е с и н. А приданое-то, приданое? Расскажи-ка вновь.

Ф е к л а. А приданое: каменный дом в Московской части, о двух елтажах, уж такой прибыточный, что истинно удовольствие. Один лабазник платит семьсот за лавочку. Пивной погреб тоже большое общество привлекает. Два деревянных хлигеря: один хлигерь совсем деревянный, другой на каменном фундаменте; каждый рублев по четыреста приносит доходу. Огород есть еще на Выборгской стороне: третьего года купец нанимал под капусту; и такой купец трезвый, совсем не берет хмельного в рот, и трех сыновей имеет: двух уж поженил, «а третий, говорит, еще молодой, пусть посидит в лавке, чтобы торговлю было полегче отправлять. Я уж, говорит, стар, так пусть сын посидит в лавке, чтобы торговля шла полегче».

П о д к о л е с и н. Да собой-то, какова собой?

Ф е к л а. Как рефинат! Белая, румяная, как кровь с молоком, сладость такая, что и рассказать нельзя. Уж будете вот по этих пор довольны *(показывая на горло)*; то есть и приятелю и неприятелю скажете: «Ай да Фекла Ивановна, спасибо!»

П о д к о л е с и н. Да ведь она, однако ж, не штаб-офицерка?

Ф е к л а. Купца третьей гильдии дочь. Да уж такая, что и генералу обиды не нанесет. О купце и слышать не хочет. «Мне, говорит, какой бы ни был муж, хоть и собой-то невзрачен, да был бы дворянин». Да, такой великатес! А к воскресному-то как наденет шелковое платье — так вот те Христос, так и шумит. Княгиня просто!

П о д к о л е с и н. Да ведь я-то потому тебя спрашивал, что я надворный советник, так мне, понимаешь...

Ф е к л а. Да уж обноковенно, как не понимать. Был у нас и надворный советник, да отказали: не пондравился. Такой уж у него нрав-то странный был: что ни скажет слово, то и соврет, а такой на взгляд видный. Что ж делать, так уж ему бог дал. Он-то и сам не рад, да уж не может, чтобы не прилгнуть. Такая уж на то воля божия.

П о д к о л е с и н. Ну, а кроме этой, других там нет никаких?

Ф е к л а. Да какой же тебе еще? Уж это что ни есть лучшая.

П о д к о л е с и н. Будто уж самая лучшая?

Ф е к л а. Хоть по всему свету исходи, такой не найдешь.

П о д к о л е с и н. Подумаем, подумаем, матушка. Приходи-ка послезавтра. Мы с тобой, знаешь, опять вот эдак: я полежу, а ты расскажешь...

Ф е к л а. Да помилуй, отец! уж вот третий месяц хожу к тебе, а проку-то нинасколько. Все сидит в халате да трубку знай себе покуривает.

П о д к о л е с и н. А ты думаешь небось, что женитьба все равно что «эй, Степан, подай сапоги!» Натянул на ноги, да и пошел? Нужно порассудить, порассмотреть.

Ф е к л а. Ну, так что ж? Коли смотреть, так и смотри. На то товар, чтобы смотреть. Вот прикажи-тка подать кафтан да теперь же, благо утреннее время, и поезжай.

П о д к о л е с и н. Теперь? А вон видишь, как пасмурно. Выеду, а вдруг хватит дождем.

Ф е к л а. А тебе же худо! Ведь в голове седой волос уж глядит, скоро совсем не будешь годиться для супружеска дела. Невидаль, что он придворный советник! Да мы таких женихов приберем, что и не посмотрим на тебя.

П о д к о л е с и н. Что за чепуху несешь ты? Из чего вдруг угораздило тебя сказать, что у меня седой волос? Где ж седой волос? *(Щупает свои волосы.)*

Ф е к л а. Как не быть седому волосу, на то живет человек. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примете такой капитан,

что ты ему и под плечо не подойдешь, а говорит-то — как труба; в алгалантьерстве служит.

Подколесин. Да врешь, я посмотрю в зеркало; где ты выдумала седой волос? Эй, Степан, принеси зеркало! Или нет, постой, я пойду сам. Вот еще боже сохрани. Это хуже, чем оспа. *(Уходит в другую комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Фекла и Кочкарев, вбегая.

Кочкарев. Что Подколесин?.. *(Увидев Феклу.)* Ты как здесь? Ах, ты!.. Ну послушай, на кой черт ты меня женила?

Фекла. А что ж дурного? Закон исполнил.

Кочкарев. Закон исполнил! Эк невидаль жена! Без нее-то разве я не мог обойтись?

Фекла. Да ведь ты ж сам пристал: жени, бабушка, да и полно.

Кочкарев. Ах ты, крыса старая!.. Ну, а здесь зачем? Неужли Подколесин хочет...

Фекла. А что ж? Бог благодать послал.

Кочкарев. Нет! Эк мерзавец, ведь мне ничего об этом. Каков! Прошу покорно: спотишка, а?

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Подколесин с зеркалом в руках, в которое вглядывается очень внимательно.

Кочкарев *(подкрадываясь сзади, пугает его)*. Пуф!

Подколесин *(вскрикнув и роняя зеркало)*. Сумасшедший! Ну зачем, зачем... Ну что за глупости! Перепугал, право, так, что душа не на месте.

Кочкарев. Ну, ничего, пошутил.

Подколесин. Что за шутки вздумал? До сих пор не могу очнуться от испуга. И зеркало вон разбил. Ведь это вещь не даровая: в английском магазине куплено.

К о ч к а р е в. Ну полно: я сыщу тебе другое зеркало.

П о д к о л е с и н. Да, сыщешь. Знаю я эти другие зеркала. Целым десятком кажет старее, и рожа выходит косяком.

К о ч к а р е в. Послушай, ведь я бы должен больше на тебя сердиться. Ты от меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться ведь задумал?

П о д к о л е с и н. Вот вздор: совсем и не думал.

К о ч к а р е в. Да ведь улика налицо. *(Указывает на Феклу.)* Ведь вот стоит — известно, что за птица. Ну что ж, ничего, ничего. Здесь нет ничего такого. Дело христианское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь: я беру на себя все дела. *(К Фекле.)* Ну, говори, как, что и прочее? Дворянка, чиновница или в купечестве, что ли, и как зовут?

Ф е к л а. Агафья Тихоновна.

К о ч к а р е в. Агафья Тихоновна Брандахлыстова?

Ф е к л а. Ан нет — Купердягина.

К о ч к а р е в. В Шестилавочной, что ли, живет?

Ф е к л а. Уж вот нет; будет поближе к Пескам, в Мыльном переулке.

К о ч к а р е в. Ну да, в Мыльном переулке, тотчас за лавочкой — деревянный дом?

Ф е к л а. И не за лавочкой, а за пивным погребом.

К о ч к а р е в. Как же за пивным,— вот тут-то я не знаю.

Ф е к л а. А вот как поворотишь в проулок, так будет тебе прямо будка, и как будку минешь, свороти налево, и вот тебе прямо в глаза — то есть, так вот тебе прямо в глаза и будет деревянный дом, где живет швея, что жила прежде с сенатским обер-секлехтарем. Ты к швее-то не заходи, а сейчас за нею будет второй дом, каменный — вот этот дом и есть ее, в котором, то есть, она живет, Агафья Тихоновна-то, невеста.

К о ч к а р е в. Хорошо, хорошо. Теперь я все это обделаю; а ты ступай,— в тебе больше нет нужды.

Ф е к л а. Как так? Неужто ты сам свадьбу хочешь заправить?

К о ч к а р е в. Сам, сам; ты уж не мешайся только.

Ф е к л а. Ах, бесстыдник какой! Да ведь это не мужское дело. Отступись, батюшка, право!

К о ч к а р е в. Пойди, пойди. Не смыслишь ничего, не мешайся! Знай, сверчок, свой шесток,— убирайся!

Ф е к л а. У людей только чтобы хлеб отымать, безбожник такой! В такую дрянь вмешался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. *(Уходит с досадой.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

П о д к о л е с и н и К о ч к а р е в.

К о ч к а р е в. Ну, брат, этого дела нельзя откладывать. Едем.

П о д к о л е с и н. Да ведь я еще ничего. Я так только подумал...

К о ч к а р е в. Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю так, что и не услышишь. Мы сей же час едем к невесте, и увидишь, как всё вдруг.

П о д к о л е с и н. Вот еще! Сейчас бы и ехать!

К о ч к а р е в. Да за чем же, помилуй, за чем дело?.. Ну, рассмотри сам: ну что из того, что ты неженатый? Посмотри на свою комнату. Ну, что в ней? Вон невычищенный сапог стоит, вон лоханка для умывания, вон целая куча табаку на столе, и ты вот сам лежишь, как байбак, весь день на боку.

П о д к о л е с и н. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю сам, что нет.

К о ч к а р е в. Ну, а как будет у тебя жена, так ты просто ни себя, ничего не узнаешь: тут у тебя будет диван, собачонка, чижик какой-нибудь в клетке, рукоделье... И, вообрази, ты сидишь на диване, и вдруг к тебе подсядет бабеночка, хорошенькая эдакая, и ручкой тебя...

П о д к о л е с и н. А, черт, как подумаешь, право, какие в самом деле бывают ручки. Ведь просто, брат, как молоко.

К о ч к а р е в. Куды тебе! Будто у них только что ручки!.. У них брат... Ну да что и говорить! у них, брат, просто черт знает чего нет.

Подколесин. А ведь сказать тебе правду, я люблю, если возле меня сядет хорошенькая.

Кочкарев. Ну видишь, сам раскусил. Теперь только нужно распорядиться. Ты уж не заботься ни о чем. Свадебный обед и прочее — это все уж я... Шампанского меньше одной дюжины никак, брат, нельзя, уж как ты себе хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылок непременно. У невесты, верно, есть куча тетушек и кумушек — эти шутить не любят. А рейнвейн —черт с ним, не правда ли? а? А что же касается до обеда — у меня, брат, есть на примете придворный официант: так, собака, накормит, что просто не встанешь.

Подколесин. Помилуй, ты так горячо берешься, как будто бы в самом деле уж и свадьба.

Кочкарев. А почему ж нет? Зачем же откладывать? Ведь ты согласен?

Подколесин. Я? Ну нет... я еще не совсем согласен.

Кочкарев. Вот тебе на! Да ведь ты сейчас объявил, что хочешь.

Подколесин. Я говорил только, что не худо бы.

Кочкарев. Как, помилуй! Да мы уж совсем было все дело... Да что? разве тебе не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесин. Нет... нравится.

Кочкарев. Ну, так что ж? За чем дело стало?

Подколесин. Да дело ни за чем не стало, а только странно...

Кочкарев. Что ж странно?

Подколесин. Как же не странно: все был неженатый, а теперь вдруг — женатый.

Кочкарев. Ну ну... ну не стыдно ли тебе? Нет, я вижу, с тобой нужно говорить сурьезно: я буду говорить откровенно, как отец с сыном. Ну посмотри, посмотри на себя внимательно, вот, например, так, как смотришь теперь на меня. Ну что ты теперь такое? Ведь просто бревно, никакого значения не имеешь. Ну для чего ты живешь? Ну взгляни в зеркало, что ты там видишь? глупое лицо — больше ничего. А тут, вообрази, около тебя будут ребятишки, ведь не то что двое или трое, а, может быть, целых шестеро, и все на тебя

как две капли воды. Ты вот теперь один, надворный советник, экспедитор или там начальник какой, бог тебя ведает, а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькие эдакие канальчонки, и какой-нибудь постреленок, протянувши ручонки, будет теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: ав, ав, ав! Ну есть ли что-нибудь лучше этого, скажи сам?

Подколесин. Да ведь они только шалуны большие: будут всё портить, разбросают бумаги.

Кочкарев. Пусть шалят, да ведь все на тебя похожи — вот штука.

Подколесин. А оно, в самом деле, даже смешно, черт побери: этакой какой-нибудь пышка, щенок эдакой, и уж на тебя похож.

Кочкарев. Как не смешно, конечно смешно. Ну, так поедем.

Подколесин. Пожалуй, поедем.

Кочкарев. Эй, Степан! Давай скорее своему барину одеваться.

Подколесин *(одеваясь перед зеркалом)*. Я думаю, однако ж, что нужно бы в белом жилете.

Кочкарев. Пустяки, все равно.

Подколесин *(надевая воротнички)*. Проклятая прачка, так скверно накрахмалила воротнички — никак не стоят. Ты ей скажи, Степан, что если она, глупая, так будет гладить белье, то я найму другую. Она, верно, с любовниками проводит время, а не гладит.

Кочкарев. Да ну, брат, поскорее! Как ты копаешься!

Подколесин. Сейчас, сейчас. *(Надевает фрак и садится.)* Послушай, Илья Фомич. Знаешь ли что? Поезжай-ка ты сам.

Кочкарев. Ну вот еще; с ума сошел разве? Мне ехать! Да кто из нас женится: ты или я?

Подколесин. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкарев. Ну есть ли в тебе капля ума? Ну не олух ли ты? Собрался совершенно, и вдруг: не нужно! Ну скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлец ли ты после этого?

Подколесин. Ну что ж ты бранишься? с какой стати? что я тебе сделал?

Кочкарев. Дурак, дурак набитый, это тебе всякий скажет. Глуп, вот просто глуп, хоть и экспедитор. Ведь о чем стараюсь? О твоей пользе; ведь изо рта выманят кус. Лежит, проклятый холостяк! Ну скажи, пожалуйста, ну на что ты похож? Ну, ну, дрянь, колпак, сказал бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесин. И ты хорош в самом деле! *(Вполголоса.)* В своем ли ты уме? Тут стоит крепостной человек, а он при нем бранится, да еще эдакими словами; не нашел другого места.

Кочкарев. Да как же тебя не бранить, скажи, пожалуйста? Кто может тебя не бранить? У кого достанет духу тебя не бранить? Как порядочный человек, решился жениться, последовал благоразумию и вдруг— просто сдуру, белены объелся, деревянный чурбан...

Подколесин. Ну, полно, я еду — чего ж ты раскричался?

Кочкарев. Еду! Конечно, что ж другое делать, как не ехать! *(Степану.)* Давай ему шляпу и шинель.

Подколесин *(в дверях)*. Такой, право, странный человек! С ним никак нельзя водиться: выбранит вдруг ни за что ни про что. Не понимает никакого обращения.

Кочкарев. Да уж кончено, теперь не браню.

Оба уходят.

ЯВЛЕНИЕ XII

Комната в доме Агафьи Тихоновны.

Агафья Тихоновна раскладывает на картах, из-за руки глядит тетка Арина Пантелеймоновна.

Агафья Тихоновна. Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король, слезы, любовное письмо; с левой стороны трефовый изъявляет большое участье, но какая-то злодейка мешает.

Арина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, был трефовый король?

Агафья Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю кто.

Агафья Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хороший торговец, что по суконной линии, Алексей Дмитриевич Стариков.

Агафья Тихоновна. Вот уж верно не он! я хоть что ставлю, не он.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агафья Тихоновна, волос уж такой русый. Нет другого трефового короля.

Агафья Тихоновна. А вот же нет: трефовый король значит здесь дворянин. Купцу далеко до трефового короля.

Арина Пантелеймоновна. Эх, Агафья Тихоновна, а ведь не то бы ты сказала, как бы покойник-то Тихон, твой батюшка, Пантелеймонович был жив. Бывало, как ударит всей пятерней по столу да вскрикнет: «Плевать я, говорит, на того, который стыдится быть купцом; да не выдам же, говорит, дочь за полковника. Путь их делают другие! А и сына, говорит, не отдам на службу. Что, говорит, разве купец не служит государю так же, как и всякий другой?» Да всей пятерней-то так по столу и хватит. А рука-то в ведро величиною — такие страсти! Ведь если сказать правду, он и усахарил твою матушку, а покойница прожила бы подолее.

Агафья Тихоновна. Ну вот, чтобы и у меня еще был такой злой муж! Да ни за что не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна. Да ведь Алексей-то Дмитриевич не такой.

Агафья Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода: станет есть, все потечет по бороде. Нет, нет, не хочу!

Арина Пантелеймоновна. Да ведь где же достать хорошего дворянина? Ведь его на улице не сыщешь.

Агафья Тихоновна. Фекла Ивановна сыщет. Она обещалась сыскать самого лучшего.

Арина Пантелеймоновна. Да ведь она лгунья, мой свет.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Фекла.

Фекла. Ан нет, Арина Пантелеймоновна, грех вам понапрасну поклеп взводить.

Агафья Тихоновна. Ах, это Фекла Ивановна! Ну что, говори, рассказывай! Есть?

Фекла. Есть, есть, дай только прежде с духом собраться — так ухлопоталась! По твоей комиссии все дома исходила, по канцеляриям, по министериям истаскалась, в караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, ведь меня чуть было не прибили, ей-богу! Старуха-то, что женила Аферовых, так было приступила ко мне: «Ты такая и этакая, только хлеб перебиваешь, знай свой квартал»,— говорит. «Да что ж,— сказала я напрямик,— я для своей барышни, не прогневайся, все готова удовлетворить». Зато уж каких женихов тебе припасла! То есть, и стоял свет и будет стоять, а таких еще не было! Сегодня же иные и прибудут. Я забежала нарочно тебя предварить.

Агафья Тихоновна. Как же сегодня? Душа моя Фекла Ивановна, я боюсь.

Фекла. И, не пугайся, мать моя! дело житейское. Приедут, посмотрят, больше ничего. И ты посмотришь их: не понравятся — ну и уедут.

Арина Пантелеймоновна. Ну уж, чай, хороших приманила!

Агафья Тихоновна А сколько их? много?

Фекла. Да человек шесть есть.

Агафья Тихоновна (*вскрикивает*). Ух!

Фекла. Ну что ж ты, мать моя, так вспорхнулась? Лучше выбирать: один не придется, другой придется.

Агафья Тихоновна. Что ж они: дворяне?

Фекла. Все как на подбор. Уж такие дворяне, что еще и не было таких.

Агафья Тихоновна. Ну, какие же, какие?

Фекла. А славные все такие, хорошие, аккуратные. Первый Балтазар Балтазарович Жевакин, такой славный, во флоте служил,— как раз по тебе придется. Говорит, что ему нужно, чтобы невеста была в теле, а поджаристых совсем не любит. А Иван-то Павлович, что служит езекухтором, такой важный, что и приступу нет. Такой видный из себя, толстый; как закричит на меня: «Ты мне не толкуй пустяков, что невеста такая и эдакая! ты скажи напрямик, сколько за ней движимого и недвижимого?» — «Столько-то и столько-то, отец мой!» — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вклеил такое словцо, что и неприлично тебе сказать. Я так вмиг и спознала: э, да это должен быть важный господин.

Агафья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Фекла. А еще Никанор Иванович Анучкин. Это уж такой великатный! а губы, мать моя,— малина, совсем малина! такой славный. «Мне, говорит, нужно, чтобы невеста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умела говорить». Да, тонкого поведенья человек, немецкая штука! А сам-то такой субтильный, и ножки узенькие, тоненькие.

Агафья Тихоновна. Нет, мне эти субтильные как-то не того... не знаю... Я ничего не вижу в них...

Фекла. А коли хочешь поплотнее, так возьми Ивана Павловича. Уж лучше нельзя выбрать никого. Уж тот, неча сказать, барин так барин: мало в эти двери не войдет,— такой славный.

Агафья Тихоновна. А сколько лет ему?

Фекла. А человек еще молодой: лет пятьдесят, да и пятидесяти еще нет.

Агафья Тихоновна. А фамилия как?

Фекла. А фамилия Иван Павлович Яичница.

Агафья Тихоновна. Это такая фамилия?

Фекла. Фамилия.

Агафья Тихоновна. Ах боже мой, какая фамилия! Послушай, Феклуша, как же это, если я выйду за него замуж и вдруг буду называться Агафья Тихоновна Яичница? Бог знает что такое!

Фекла. И, мать моя, да на Руси есть такие прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли

услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина — славный жених.

Агафья Тихоновна. А какие у него волосы?

Фекла. Хорошие волосы.

Агафья Тихоновна. А нос?

Фекла. Э... и нос хороший. Всё на своем месте. И сам такой славный. Только не погневайся: уж на квартире одна только трубка и стоит, больше ничего нет — никакой мебели.

Агафья Тихоновна. А еще кто?

Фекла. Акинф Степанович Пантелеев, чиновник, титулярный советник, немножко заикается только, зато уж такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну что ты все: чиновник, чиновник! А не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи.

Фекла. А пьет, не прекословлю, пьет. Что ж делать, уж он титулярный советник; зато такой тихий, как шелк.

Агафья Тихоновна. Ну нет, я не хочу, чтобы муж у меня был пьяница.

Фекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочем, что ж такого, что иной раз выпьет лишнее,— ведь не всю же неделю бывает пьян: иной день выберется и трезвый.

Агафья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Фекла. Да есть еще один, да тот только такой... бог с ним! Эти будут почище.

Агафья Тихоновна. Ну, да кто же он?

Фекла. А не хотелось бы и говорить про него. Он-то, пожалуй, андворный советник и петлицу носит, да уж на подъем куды тяжел, не выманишь из дому.

Агафья Тихоновна. Ну, а еще кто? Ведь тут только всего пять, а ты говорила шесть.

Фекла. Да неужто тебе еще мало? Смотри ты, как тебя вдруг поразобрало, а ведь давича было испугалась.

Арина Пантелеймоновна. Да что с них, с дворян-то твоих? Хоть их у тебя и шестеро, а, право, купец один станет за всех.

Ф е к л а. А нет, Арина Пантелеймоновна. Дворянин будет почтенней.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Да что в почтенье-та? А вот Алексей Дмитриевич да в собольей шапке, в санках-то как прокатится...

Ф е к л а. А дворянин-то с аполетой пройдет навстречу, скажет: «Что ты, купчишка? свороти с дороги!» Или: «Покажи, купчишка, бархату самого лучшего!» А купец: «Извольте, батюшка!» — «А сними-ка, невежа, шляпу!» — вот что скажет дворянин.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. А купец, если захочет, не даст сукна; а вот дворянин-то и голенькой, и не в чем ходить дворянину!

Ф е к л а. А дворянин зарубит купца.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. А купец пойдет жаловаться в полицию.

Ф е к л а. А дворянин пойдет на купца к сенахтору.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. А купец к губернахтору.

Ф е к л а. А дворянин...

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Врешь, врешь: дворянин... Губернахтор больше сенахтора! Разносилась с дворянином! а дворянин при случае так же гнет шапку...

В дверях слышен звонок.

Никак, звонит кто-то.

Ф е к л а. Ахти, это они!

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Кто они?

Ф е к л а. Они... кто-нибудь из женихов.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а *(вскрикивает)*. Ух!

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Святые, помилуйте нас, грешных! В комнате совсем не прибрано. *(Схватывает все, что ни есть на столе, и бегает по комнате.)* Да салфетка-то, салфетка на столе совсем черная. Дуняшка, Дуняшка!

Д у н я ш к а является.

Скорее чистую салфетку! *(Стаскивает салфетку и мечется по комнате.)*

А г а ф ь я Т и х о н о в н а Ах, тетушка, как мне быть? Я чуть не в рубашке!

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Ах, мать моя, беги скорей одеваться! *(Мечется по комнате.)*

Д у н я ш к а приносит салфетку; в дверях звонят.

Беги скажи: «сейчас»!

Дуняшка кричит издалека: «Сейчас!»

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Тетушка, да ведь платье не выглажено.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Ах, господи милосердный, не погуби! Надень другое.

Ф е к л а *(вбегая)*. Что ж вы нейдете? Агафья Тихоновна, поскорей, мать моя!

Слышен звонок.

Ахти, а ведь он все дожидается!

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Дуняшка, введи его и проси обождать.

Дуняшка бежит в сени и отворяет дверь. Слышны голоса: «Дома?» — «Дома, пожалуйте в комнату». Все с любопытством стараются рассмотреть в замочную скважину.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а *(вскрикивает)*. Ах, какой толстый!

Ф е к л а. Идет, идет!

Все бегут опрометью.

ЯВЛЕНИЕ XIV

И в а н П а в л о в и ч Я и ч н и ц а и д е в ч о н к а.

Д е в ч о н к а. Погодите здесь. *(Уходит.)*

Я и ч н и ц а. Пожалуй, пождать — пождем, как бы только не замешкаться. Отлучился ведь только на минутку из департамента. Вдруг вздумает генерал: «А где экзекутор?» — «Невесту пошел выглядывать». Чтоб не задал он такой невесты... А, однако ж, рассмотреть еще раз роспись. *(Читает.)* «Каменный двухэтажный дом...» *(Подымает глаза вверх и обсматривает комнату.)* Есть! *(Продолжает читать.)* «Флигеля два:

флигель на каменном фундаменте, флигель деревянный...» Ну, деревянный плоховат. «Дрожки, сани парные с резьбой, под большой ковер и под малый...» Может быть, такие, что в лом годятся? Старуха, однако ж, уверяет, что первый сорт; хорошо, пусть первый сорт. «Две дюжины серебряных ложек...» Конечно, для дома нужны серебряные ложки. «Две лисьих шубы...» Гм... «Четыре больших пуховика и два малых. *(Значительно сжимает губы.)* Шесть пар шелковых и шесть пар ситцевых платьев, два ночных капота, два...» Ну, это статья пустая! «Белье, салфетки...» Это пусть будет, как ей хочется. Впрочем, нужно все это поверить на деле. Теперь, пожалуй, обещают и домы, и экипажи, а как женишься — только и найдешь, что пуховики да перины.

Слышен звонок. Д у н я ш к а бежит впопыхах через комнату отворять дверь. Слышны голоса: «Дома?» — «Дома».

ЯВЛЕНИЕ XV

И в а н П а в л о в и ч и А н у ч к и н.

Д у н я ш к а. Погодите тут. Они выдут. *(Уходит)*.

А н у ч к и н раскланивается с Яичницей.

Я и ч н и ц а. Мое почтение!

А н у ч к и н. Не с папенькой ли прелестной хозяйки дома имею честь говорить?

Я и ч н и ц а. Никак нет, вовсе не с папенькой. Я даже еще не имею детей.

А н у ч к и н. Ах, извините! извините!

Я и ч н и ц а *(в сторону)*. Физиогномия этого человека мне что-то подозрительна: чуть ли он не за тем же сюда пришел, за чем и я. *(Вслух.)* Вы, верно, имеете какую-нибудь надобность к хозяйке дома?

А н у ч к и н. Нет, что ж... надобности никакой нет, а так, зашел с прогулки.

Я и ч н и ц а *(в сторону)*. Врет, врет, с прогулки! Жениться, подлец, хочет!

Слышен звонок. Д у н я ш к а бежит через комнату отворять дверь. В сенях голоса: «Дома?» — «Дома».

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Жевакин, в сопровождении девчонки.

Жевакин *(девчонке)*. Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улице попристало немало. Вон там, пожалуйста, сними пушинку. *(Поворачивается.)* Так! спасибо, душенька. Вот еще, посмотри, там как будто паучок лазит! а на подборах-то сзади ничего нет? Спасибо, родимая! Вон тут еще, кажется. *(Гладит рукою рукав фрака и поглядывает на Анучкина и Ивана Павловича.)* Суконцо-то ведь аглицкое! Ведь каково носится! В девяносто пятом году, когда была эскадра наша в Сицилии, купил я его еще мичманом и сшил с него мундир; в восемьсот первом, при Павле Петровиче, я был сделан лейтенантом,— сукно было совсем новешенькое; в восемьсот четырнадцатом сделал экспедицию вокруг света, и вот только по швам немного поистерлось; в восемьсот пятнадцатом вышел в отставку, только перелицевал: уж десять лет пошу — до сих пор почти что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка! *(Делает ей ручку и, подходя к зеркалу, слегка взъерошивает волосы.)*

Анучкин. А как, позвольте узнать, Сицилия... вот вы изволили сказать: Сицилия,— хорошая это земля Сицилия?

Жевакин. А, прекрасная! Мы тридцать четыре дня там пробыли; вид, я вам доложу, восхитительный! эдакие горы, эдак деревцо какое-нибудь гранатное, и везде италианочки, такие розанчики, так вот и хочется поцеловать.

Анучкин. И хорошо образованны?

Жевакин. Превосходным образом! Так образованные, как вот у нас только графини разве. Бывало, пойдешь по улице — ну, русский лейтенант... Натурально, здесь эполеты *(показывает на плеча)*, золотое шитье... и эдак красоточки черномазенькие,— у них ведь возле каждого дома балкончики, и крыши, вот как этот пол, совершенно плоски. Бывало, эдак смотришь, и сидит эдакой розанчик... Ну, натурально, чтобы не ударить лицом в грязь... *(Кланяется и размахивает*

рукою.) И она эдак только. *(Делает рукою движение.)* Натурально, одета: здесь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамские разные сережки... ну, словом, такой лакомый кусочек...

Анучкин. А как, позвольте еще вам сделать вопрос,— на каком языке изъясняются в Сицилии?

Жевакин. А натурально, все на французском.

Анучкин. И все барышни решительно говорят по-французски?

Жевакин. Все-с решительно. Вы даже, может быть, не поверите тому, что я вам доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхал от них по-русски.

Анучкин. Ни одного слова?

Жевакин. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянах и прочих синьорах, то есть разных ихних офицерах; но возьмите нарочно простого тамошнего мужика, который перетаскивает на шее всякую дрянь, попробуйте скажите ему: «Дай, братец, хлеба»,— не поймет, ей-богу не поймет; а скажи по-французски: «Dateci del pane» или «portate vino!»[1] — поймет, и побежит, и точно принесет.

Иван Павлович. А любопытная, однако ж, как я вижу, должна быть земля эта Сицилия. Вот вы сказали — мужик: что мужик, как он? так ли совершенно, как и русский мужик, широк в плечах и землю пашет, или нет?

Жевакин. Не могу вам сказать: не заметил, пашут или нет, а вот насчет нюханья табаку, так я вам доложу, что все не только нюхают, а даже за губу-с кладут. Перевозка тоже очень дешева; там все почти вода и везде гондолы... Натурально, сидит эдакая италианочка, такой розанчик, одета: манишечка, платочек... С нами были и аглицкие офицеры; ну, народ, так же как и наши,— моряки; и сначала, точно, было очень странно: не понимаешь друг друга,— но потом, как хорошо обознакомились, начали свободно понимать: покажешь, бывало, эдак на бутылку или стакан — ну, тотчас и знает, что это значит выпить; приставишь

---

[1] Дайте хлеба... принесите вина! *(итал.)*

эдак кулак ко рту и скажешь только губами: паф-паф — знает: трубку выкурить. Вообще, я вам доложу, язык довольно легкий, наши матросы в три дни каких-нибудь стали совершенно понимать друг друга.

Иван Павлович. А преинтересная, как вижу, жизнь в чужих краях. Мне очень приятно сойтись с человеком бывалым. Позвольте узнать: с кем имею честь говорить?

Жевакин. Жевакин-с, лейтенант в отставке. Позвольте с своей стороны тоже спросить: с кем-с имею счастье изъясняться?

Иван Павлович. В должности экзекутора, Иван Павлович Яичница.

Жевакин *(не дослышав)*. Да, я тоже перекусил. Дороги-то, знаю, впереди будет довольно, а время холодновато: селедочку съел с хлебцем.

Иван Павлович. Нет, кажется вы не так поняли: это фамилия моя — Яичница.

Жевакин *(кланяясь)*. Ах, извините! я немножко туговат на ухо. Я, право, думал, что вы изволили сказать, что покушали яичницу.

Иван Павлович. Да что делать? я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил называться мне Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на «собачий сын».

Жевакин. А это, однако ж, бывает. У нас вся третья эскадра, все офицеры и матросы,— все были с престранными фамилиями: Помойкин, Ярыжкин, Перепреев лейтенант. А один мичман, и даже хороший мичман, был по фамилии просто Дырка. И капитан, бывало: «Эй ты, Дырка, поди сюда!» И, бывало, над ним всегда пошутишь: «Эх ты, дырка эдакой!»— говоришь, бывало, ему.

Слышен в сенях звонок, Фекла бежит через комнату отворять.

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакин. Здравствуй; как живешь, душа моя?

Анучкин. Здравствуйте, матушка Фекла Ивановна.

Фекла *(бежит впопыхах)*. Спасибо, отцы мои! Здорова, здорова. *(Отворяет дверь.)*

В сенях раздаются голоса: «Дома?» — «Дома». Потом несколько почти неслышных слов, на которые Фекла отвечает с досадою: «Смотри ты какой!»

ЯВЛЕНИЕ XVII

Те же, Кочкарев, Подколесин и Фекла.

Кочкарев *(Подколесину)*. Ты помни, только кураж и больше ничего. *(Оглядывается и раскланивается с некоторым изумлением; про себя.)* Фу ты, какая куча народу! Это что значит? Уж не женихи ли? *(Толкает Феклу и говорит ей тихо.)* С которых сторон понабрала ворон, а?

Фекла *(вполголоса)*. Тут тебе ворон нет, всё честные люди.

Кочкарев *(ей)*. Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Фекла. Гляди налёт на свой полёт, а и похвастаться нечем: шапка в рубль, а щи без круп.

Кочкарев. Небось твои разживные, по дыре в кармане. *(Вслух.)* Да что она делает теперь? Ведь эта дверь, верно, к ней в спальню? *(Подходит к двери.)*

Фекла. Бесстыдник! говорят тебе, еще одевается.

Кочкарев. Эка беда! что ж тут такого? Ведь только посмотрю и больше ничего. *(Смотрит в замочную скважину.)*

Жевакин. А позвольте мне полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мне только один разочек.

Кочкарев *(продолжая смотреть)*. Да ничего не видно, господа. И распознать нельзя, что такое белеет: женщина или подушка.

Все, однако ж, обступают дверь и продираются взглянуть.

Чш... кто-то идет!

Все отскакивают прочь.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же, Арина Пантелеймоновна и Агафья Тихоновна. Все раскланиваются.

Арина Пантелеймоновна. А по какой причине изволили одолжить посещением?

Яичница. А по газетам узнал я, что желаете вступить в подряды насчет поставки лесу и дров, и потому, находясь в должности экзекутора при казенном месте, я пришел узнать, какого роду лес, в каком количестве и к какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хоть подрядов никаких не берем, а приходу рады. А как по фамилии?

Яичница. Коллежский асессор Иван Павлович Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнейше садиться. *(Обращается к Жевакину и смотрит на него.)* А позвольте узнать...

Жевакин. Я тоже, в газетах вижу объявляют о чем-то: дай-ка, думаю себе, пойду. Погода же показалась хорошею, по дороге везде травка...

Арина Пантелеймоновна. А как-с по фамилии?

Жевакин. А лейтенант морской службы в отставке, Балтазар Балтазаров Жевакин второй. Был у нас еще другой Жевакин, да тот еще прежде моего вышел в отставку: был ранен, матушка, под коленком, и пуля так странно прошла, что коленка-то самого не тронула, а по жиле прохватила — как иголкой сшило, так что, когда, бывало, стоишь с ним, все кажется, что он хочет тебя коленком сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнейше садиться. *(Обращаясь к Анучкину.)* А позвольте узнать, по какой причине?..

Анучкин. По соседству-с. Находясь довольно в близком соседстве...

Арина Пантелеймоновна. Не в доме ли купеческой жены Тулубовой, что насупротив, изволите жить?

А н у ч к и н. Нет, я покамест живу еще на Песках, но имею, однако же, намерение со временем перебраться сюда-с в соседство, в эту часть города.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. А прошу покорнейше садиться. *(Обращаясь к Кочкареву.)* А позвольте узнать...

К о ч к а р е в. Да неужли вы меня не узнаете? *(Обращаясь к Агафье Тихоновне.)* И вы также, сударыня?

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Сколько мне кажется, совсем не видала вас.

К о ч к а р е в. Однако ж припомните. Вы меня, верно, где-нибудь видели.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Право, не знаю. Уж разве не у Бирюшкиных ли?

К о ч к а р е в. Именно, у Бирюшкиных.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Ах, ведь вы не знаете, с ней ведь история случилась.

К о ч к а р е в. Как же, вышла замуж.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Нет, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожках, а кучер-то был пьян и вывалил с дрожек.

К о ч к а р е в. Да то-то я помню, что-то было: или вышла замуж, или переломила ногу.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. А как по фамилии?

К о ч к а р е в. Как же, Илья Фомич Кочкарев, в родстве ведь мы. Жена моя беспрестанно говорит о том... Позвольте, позвольте *(берет за руку Подколесина и подводит его)*: приятель мой, Подколесин Иван Кузьмич, надворный советник; служит экспедитором, один все дела делает, усовершенствовал отличнейше свою часть.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. А как по фамилии?

К о ч к а р е в. Подколесин Иван Кузьмич, Подколесин. Директор так только, для чина поставлен, а все дела он делает, Иван Кузьмич Подколесин.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Так-с. Прошу покорнейше садиться.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же и Стариков.

Стариков *(кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь в бока)*. Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна. Ребята на Гостином дворе сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агафья Тихоновна *(отворачиваясь с пренебрежением, вполголоса, но так, что он слышит)*. Здесь не купеческая лавка.

Стариков. Вона! Аль невпопад пришли? Аль и без нас дело сварили?

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу, Алексей Дмитриевич; хоть шерсти не продаем, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

Все уселись. Молчание.

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождик, а теперь как будто и прошло.

Агафья Тихоновна. Да-с, уж эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а в другое время совершенно дождливая. Очень большая неприятность.

Жевакин. Вот в Сицилии, матушка, мы были с эскадрой в весеннее время,— если пригонять, так выйдет к нашему февралю,— выйдешь, бывало, из дому: день солнечный, а потом эдак дождик; и смотришь, точно как будто дождик.

Яичница. Неприятнее всего, когда в такую погоду сидишь один. Женатому человеку совсем другое дело — не скучно; а если в одиночестве — так это просто...

Жевакин. О, смерть, совершенная смерть!..

Анучкин. Да-с, это можно сказать...

Кочкарев. Какое! Просто терзанье! жизни не будешь рад; не приведи бог испытать такое положение.

Яичница. А как, сударыня, если бы пришлось вам избрать предмет? Позвольте узнать ваш вкус. Извините, что я так прямо. В какой службе, вы полагаете, быть приличнее мужу?

Ж е в а к и н. Хотели ли бы вы, сударыня, иметь мужем человека, знакомого с морскими бурями?

К о ч к а р е в. Нет, нет. Лучший, по моему мнению, муж есть человек, который один почти управляет всем департаментом.

А н у ч к и н. Почему же предубеждение? Зачем вы хотите оказать пренебрежение к человеку, который хотя, конечно, служил в пехотной службе, но умеет, однако ж, ценить обхождение высшего общества.

Я и ч н и ц а. Сударыня, разрешите вы!

Агафья Тихоновна молчит.

Ф е к л а. Отвечай же, мать моя. Скажи им что-нибудь.

Я и ч н и ц а. Как же, матушка?..

К о ч к а р е в. Как же ваше мнение, Агафья Тихоновна?

Ф е к л а *(тихо ей)*. Скажи же, скажи: благодарствую, мол, с моим удовольствием. Не хорошо же так сидеть.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а *(тихо)*. Мне стыдно, право стыдно, я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Ф е к л а. Ах, не делай этого сраму, не уходи; совсем острамишься. Они невесть что подумают.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а *(так же)*. Нет, право уйду. Уйду, уйду! *(Убегает.)*

Фекла и Арина Пантелеймоновна уходят вслед за нею.

ЯВЛЕНИЕ XX

Т е ж е, кроме ушедших.

Я и ч н и ц а. Вот тебе на, и ушли все! Это что значит?

К о ч к а р е в. Что-нибудь, верно, случилось.

Ж е в а к и н. Как-нибудь насчет дамского туалетца... Эдак поправить что-нибудь... манишечку... пришпилить.

Ф е к л а входит. Все к ней навстречу с вопросами: «Что, что такое?»

К о ч к а р е в. Что-нибудь случилось?

Ф е к л а. Как можно, чтобы случилось. Ей-богу, ничего не случилось.

К о ч к а р е в. Да зачем же она вышла?

Ф е к л а. Да пристыдили, потому и вышла; совсем исконфузили, так что не высидела на месте. Просит извинить: ввечеру-де на чашку чаю чтобы пожаловали. *(Уходит.)*

Я и ч н и ц а *(в сторону)*. Ох уж эта мне чашка чаю! Вот за что не люблю сватаний — пойдет возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послезавтра на чашку, да нужно еще подумать. А ведь дело дрянь, ничуть не головоломное. Черт побери, я человек должностной, мне некогда!

К о ч к а р е в *(Подколесину)*. А ведь хозяйка недурна, а?

П о д к о л е с и н. Да, недурна.

Ж е в а к и н. А ведь хозяечка-то хороша.

К о ч к а р е в *(в сторону)*. Вот черт побери! Этот дурак влюбился. Еще будет мешать, пожалуй. *(Вслух.)* Совсем нехороша, совсем нехороша.

Я и ч н и ц а. Нос велик.

Ж е в а к и н. Ну, нет, носа я не заметил. Она... эдакой розанчик.

А н у ч к и н. Я сам тоже их мненья. Нет, не то, не то... Я даже думаю, что вряд ли она знакома с обхождением высшего общества. Да и знает ли она еще по-французски?

Ж е в а к и н. Да что ж вы, смею спросить, не попробовали, не поговорили с ней по-французски? Может быть, и знает.

А н у ч к и н. Вы думаете, я говорю по-французски? Нет, я не имел счастия воспользоваться таким воспитанием. Мой отец был мерзавец, скотина. Он и не думал меня выучить французскому языку. Я был тогда еще ребенком, меня легко было приучить — стоило только посечь хорошенько, и я бы знал, я бы непременно знал.

Ж е в а к и н. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что ж вам за прибыль, если она...

А н у ч к и н. А нет, нет. Женщина совсем другое

дело. Нужно, чтобы она непременно знала, а без того у ней и то, и это... *(показывает жестами)* — все уж будет не то.

Я и ч н и ц а *(в сторону)*. Ну, об этом заботься кто другой. А я пойду да обсмотрю со двора дом и флигеля: если только все как следует, так сего же вечера добьюсь дела. Эти женишки мне не опасны — народ что-то больно жиденький. Таких невесты не любят.

Ж е в а к и н. Пойти выкурить трубочку. А что, не по дороге ли нам? Вы где, позвольте спросить, живете?

А н у ч к и н. А на Песках, в Петровском переулке.

Ж е в а к и н. Да-с, будет круг: я на острову, в Восемнадцатой линии; а впрочем, все-таки я вас попровожу.

С т а р и к о в. Нет, тут что-то спесьевато. Ай припомните потом, Агафья Тихоновна, и нас. С моим почтением, господа! *(Кланяется и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XXI

П о д к о л е с и н и К о ч к а р е в.

П о д к о л е с и н. А что ж, пойдем и мы.

К о ч к а р е в. Ну что, ведь правда, хозяйка мила?

П о д к о л е с и н. Да что! мне, признаюсь, она не нравится.

К о ч к а р е в. Вот на! это что? Да ведь ты сам согласился, что она хороша.

П о д к о л е с и н. Да так, как-то не того: и нос длинный, и по-французски не знает.

К о ч к а р е в. Это еще что? тебе на что по-французски?

П о д к о л е с и н. Ну, все-таки невеста должна знать по-французски.

К о ч к а р е в. Почему ж?

П о д к о л е с и н. Да потому что... уж я не знаю почему, а все уж будет у ней не то.

К о ч к а р е в. Ну вот, дурак сейчас один сказал, а он и уши развесил. Она красавица, просто красавица; такой девицы не сыщешь нигде.

П о д к о л е с и н. Да мне самому сначала она было приглянулась, да после, как начали говорить: длинный нос, длинный нос,— ну, я рассмотрел, и вижу сам, что длинный нос.

К о ч к а р е в. Эх ты, пирей, не нашел дверей! Они нарочно толкуют, чтобы тебя отвадить; и я тоже не хвалил,— так уж делается. Это, брат, такая девица! Ты рассмотри только глаза ее: ведь это черт знает что за глаза; говорят, дышат! А нос — я не знаю, что за нос! белизна — алебастр! Да и алебастр не всякий сравнится. Ты рассмотри сам хорошенько.

П о д к о л е с и н *(улыбаясь)*. Да теперь-то я опять вижу, что она как будто хороша.

К о ч к а р е в. Разумеется, хороша! Послушай, теперь, так как они все ушли, пойдем к ней, изъяснимся — и всё кончим!

П о д к о л е с и н. Ну, этого я не сделаю.

К о ч к а р е в. Отчего ж?

П о д к о л е с и н. Да что ж за нахальство? Нас много, пусть она сама выберет.

К о ч к а р е в. Ну да что тебе смотреть на них: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я их всех в одну минуту спроважу.

П о д к о л е с и н. Да как же ты их спровадишь?

К о ч к а р е в. Ну, уж это мое дело. Дай мне только слово, что потом не будешь отнекиваться.

П о д к о л е с и н. Почему ж не дать? изволь. Я не отпираюсь: я хочу жениться.

К о ч к а р е в. Руку!

П о д к о л е с и н *(подавая)*. Возьми!

К о ч к а р е в. Ну, этого только мне и нужно.

Оба уходят.

Женитьба
Рисунок К. Савицкого

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в доме Агафьи Тихоновны.

ЯВЛЕНИЕ I

Агафья Тихоновна одна, потом Кочкарев.

Агафья Тихоновна. Право, такое затруднение — выбор! Если бы еще один, два человека, а то четыре. Как хочешь, так и выбирай. Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, худощав; Иван Кузьмич тоже недурен. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже хоть и толст, а ведь очень видный мужчина. Прошу покорно, как тут быть? Балтазар Балтазарович опять мужчина с достоинствами. Уж как трудно решиться, так просто рассказать нельзя, как трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась. А теперь поди подумай! просто голова даже стала болеть. Я думаю, лучше всего кинуть жребий. Положиться во всем на волю божию: кто выкинется, тот и муж. Напишу их всех на бумажках, сверну в трубочки, да и пусть будет что будет. *(Подходит к столику, вынимает оттуда ножницы и бумагу, нарезывает билетики и скатывает, продолжая говорить.)* Такое несчастное положение девицы, особливо еще влюб-

ленной. Из мужчин никто не войдет в это, и даже просто не хотят понять этого. Вот они все, уж готовы! остается только положить их в ридикуль, зажмурить глаза, да и пусть будет что будет. *(Кладет билетики в ридикуль и мешает их рукою.)* Страшно... Ах, если бы бог дал, чтобы вынулся Никанор Иванович. Нет, отчего же он? Лучше ж Иван Кузьмич. Отчего же Иван Кузьмич? чем же худы те, другие?.. Нет, нет, не хочу... какой выберется, такой пусть и будет. *(Шарит рукою в ридикуле и вынимает вместо одного все.)* Ух! все! все вынулись! А сердце так и колотится! Нет, одного! одного! непременно одного! *(Кладет билетики в ридикуль и мешает.)*

В это время входит потихоньку Кочкарев и становится позади.

Ах, если бы вынуть Балтазара... Что я! хотела сказать Никанора Ивановича... нет, не хочу, не хочу. Кого прикажет судьба!

Кочкарев. Да возьмите Ивана Кузьмича, всех лучше.

Агафья Тихоновна. Ах! *(Вскрикивает и закрывает лицо обеими руками, страшась взглянуть назад.)*

Кочкарев. Да чего ж вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Ах, мне стыдно, вы подслушали.

Кочкарев. Ничего, ничего! Ведь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агафья Тихоновна *(вполовину открывая лицо)*. Мне, право, стыдно.

Кочкарев. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Ах! *(Вскрикивает и закрывается вновь руками.)*

Кочкарев. Право, чудо человек, усовершенствовал часть свою... просто удивительный человек.

Агафья Тихоновна *(понемногу открывает лицо)*. Как же, а другой? а Никанор Иванович? ведь он тоже хороший человек.

Кочкарев. Помилуйте, это дрянь против Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Отчего же?

Кочкарев. Ясно отчего. Иван Кузьмич человек... ну, просто человек... человек, каких не сыщешь.

Агафья Тихоновна. Ну, а Иван Павлович?

Кочкарев. И Иван Павлович дрянь! все они дрянь.

Агафья Тихоновна. Будто бы уж все?

Кочкарев. Да вы только посудите, сравните только: это, как бы то ни было, Иван Кузьмич; а ведь то что ни попало: Иван Павлович, Никанор Иванович, черт знает что такое!

Агафья Тихоновна. А ведь, право, они очень... скромные.

Кочкарев. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народ. Охота же вам быть прибитой на другой день после свадьбы.

Агафья Тихоновна. Ах боже мой! Уж это точно такое несчастие, хуже которого не может быть.

Кочкарев. Еще бы! Хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агафья Тихоновна. Так, по вашему совету, лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкарев. Ивана Кузьмича, натурально Ивана Кузьмича. *(В сторону.)* Дело, кажется, идет на лад. Подколесин сидит в кондитерской, пойти поскорей за ним.

Агафья Тихоновна. Так вы думаете — Ивана Кузьмича?

Кочкарев. Непременно Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. А тем, другим, разве отказать?

Кочкарев. Конечно отказать.

Агафья Тихоновна. Да ведь как же это сделать? как-то стыдно.

Кочкарев. Почему ж стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замуж.

Агафья Тихоновна. Да ведь они не поверят, станут спрашивать: да почему, да как?

Кочкарев. Ну, так если вы хотите кончить за одним разом, скажите просто: «Пошли вон, дураки!»

Агафья Тихоновна. Как же можно так сказать?

Кочкарев. Ну да уж попробуйте. Я вас уверяю, что после этого все выбегут вон.

Агафья Тихоновна. Да ведь это выйдет уж как-то бранно.

Кочкарев. Да ведь вы больше их не увидите, так не все ли равно?

Агафья Тихоновна. Да все как-то нехорошо... они ведь рассердятся.

Кочкарев. Какая ж беда, если рассердятся? Если бы из этого что бы нибудь вышло, тогда другое дело; а ведь здесь самое большее, если кто-нибудь из них плюнет в глаза, вот и все.

Агафья Тихоновна. Ну вот видите!

Кочкарев. Да что же за беда? Ведь иным плевали несколько раз, ей-богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егозил и надоедал своему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес — плюнул в самое лицо, ей-богу! «Вот тебе, говорит, твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья, однако же, все-таки прибавил. Так что ж из того, что плюнет? Если бы, другое дело, был далеко платок, а то ведь он тут же, в кармане,— взял да и вытер.

В сенях звонят.

Стучатся: кто-нибудь из них, верно; я бы не хотел теперь с ними встретиться. Нет ли у вас там другого выхода?

Агафья Тихоновна. Как же, по черной лестнице. Но, право, я вся дрожу.

Кочкарев. Ничего, только присутствие духа. Прощайте! *(В сторону.)* Поскорей приведу Подколесина.

ЯВЛЕНИЕ II

Агафья Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришел немного пораньше, чтобы поговорить с вами наедине, на досуге. Ну, сударыня, насчет чина, я уже полагаю, вам известно: служу коллежским асессором, любим начальниками, подчиненные слушаются... недостает только одного: подруги жизни.

Агафья Тихоновна. Да-с.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямик: да или нет? *(Смотрит ей в плеча; в сторону.)* О, она не то, что как бывают худенькие немки,— кое-что есть!

Агафья Тихоновна. Я еще очень молода-с... не расположена еще замуж.

Яичница. Помилуйте, а сваха зачем хлопочет? Но, может быть, вы хотите что-нибудь другое сказать? изъяснитесь...

Слышен колокольчик.

Черт побери, никак не дадут делом заняться.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Жевакин.

Жевакин. Извините, сударыня, что я, может быть, слишком рано. *(Оборачивается и видит Яичницу.)* Ах, уж есть... Ивану Павловичу мое почтение!

Яичница *(в сторону)*. Провалился бы ты с своим почтением! *(Вслух.)* Так как же, сударыня?.. Скажите одно только слово: да или нет?..

Слышен колокольчик; Яичница плюет с сердцов.

Опять колокольчик!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Анучкин.

Анучкин. Может быть, я, сударыня, ранее, чем следует и повелевает долг приличия... *(Видя прочих, испускает восклицание и раскланивается.)* Мое почтение!

Я и ч н и ц а *(в сторону)*. Возьми себе свое почтение! Нелегкая тебе принесла, подломились бы тебе твои поджарые ноги! *(Вслух.)* Так как же, сударыня, решите,— я человек должностной, времени у меня немного: да или нет?

А г а ф ь я Т и х о н о в н а *(в смущении)*. Не нужно-с... не нужно-с... *(В сторону.)* Ничего не понимаю, что говорю.

Я и ч н и ц а. Как не нужно? в каком отношении не нужно?

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Ничего-с, ничего... Я не того-с... *(Собираясь с духом.)* Пошли вон!.. *(В сторону, всплеснувши руками.)* Ах боже мой, что я такое сказала?

Я и ч н и ц а. Как «пошли вон»? Что такое значит «пошли вон»? Позвольте узнать, что вы разумеете под этим? *(Подбоченившись, подступает к ней грозно.)*

А г а ф ь я Т и х о н о в н а *(взглянув ему в лицо, вскрикивает)*. Ух, прибьет, прибьет! *(Убегает.)*

Яичница стоит разинувши рот. Вбегает на крик А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а и, взглянув ему в лицо, вскрикивает тоже: «Ух, прибьет!» — и убегает.

Я и ч н и ц а. Что за притча такая! Вот, право, история!

В дверях звенит звонок и слышны голоса.

Г о л о с К о ч к а р е в а. Да входи, входи, что ж ты остановился?

Г о л о с П о д к о л е с и н а. Да ступай ты вперед. Я только на минуту: оправлюсь, расстегнулась стремешка.

Г о л о с К о ч к а р е в а. Да ты улизнешь опять.

Г о л о с П о д к о л е с и н а. Нет, не улизну! ей-богу, не улизну!

ЯВЛЕНИЕ V

Т е ж е и К о ч к а р е в.

К о ч к а р е в. Ну вот, очень нужно поправлять стремешку.

Я и ч н и ц а *(обращаясь к нему)*. Скажите, пожалуйста, невеста дура, что ли?

Кочкарев. А что? случилось разве что?

Яичница. Да непонятные поступки: выбежала, стала кричать: «Прибьет, прибьет!» Черт знает что такое!

Кочкарев. Ну да, это за ней водится. Она дура.

Яичница. Скажите, ведь вы ей родственник?

Кочкарев. Как же, родственник.

Яичница. А как родственник, позвольте узнать?

Кочкарев. Право, не знаю: как-то тетка моей матери что-то такое ее отцу или отец ее что-то такое моей тетке — об этом знает жена моя, это их дело.

Яичница. И давно за ней водится дурь?

Кочкарев. А еще с самого сызмала.

Яичница. Да, конечно лучше, если бы она была умней, а впрочем, и дура тоже хорошо. Были бы только статьи прибавочные в хорошем порядке.

Кочкарев. Да ведь за ней ничего нет.

Яичница. Как так, а каменный дом?

Кочкарев. Да ведь только слава, что каменный, а знали бы вы, как он выстроен: стены ведь выведены в один кирпич, а в середине всякая дрянь — мусор, щепки, стружки.

Яичница. Что вы?

Кочкарев. Разумеется. Будто не знаете, как теперь строятся домы? — лишь бы только в ломбард заложить.

Яичница. Однако ж ведь дом не заложен.

Кочкарев. А кто вам сказал? Вот в том-то и дело — не только заложен, да за два года еще проценты не выплачены. Да в сенате есть еще брат, который тоже запускает глаза на дом; сутяги такого свет не производил: с родной матери последнюю юбку снял, безбожник!

Яичница. Как же мне старуха сваха... Ах она бестия эдакая, изверг рода челове... *(В сторону.)* Однако ж он, может быть, и врет. Под строжайший допрос старуху, и если только правда... ну... я заставлю запеть ее не так, как другие поют.

Анучкин. Позвольте вас побеспокоить тоже вопросом. Признаюсь, не зная французского языка, чрез-

вычайно трудно судить самому, знает ли женщина по-французски, или нет. Как хозяйка дома, знает?..

Кочкарев. Ни бельмеса.

Анучкин. Что вы?

Кочкарев. Как же? я это очень хорошо знаю. Она училась вместе с женой в пансионе, известная была ленивица, вечно в дурацкой шапке сидит. А французский учитель просто бил ее палкой.

Анучкин. Представьте же, что у меня с первого разу, как только ее увидел, было какое-то предчувствие, что она не знает по-французски.

Яичница. Ну, черт с французским! Но как сваха-то проклятая... Ах ты, бестия эдакая, ведьма! Ведь если бы вы знали, какими словами она расписала! Живописец, вот совершенный живописец! «Дом, флигеля, говорит, на фундаментах, серебряные ложки, сани»,— вот садись, да и катайся! — словом, в романе редко выберется такая страница. Ах ты, подошва ты старая! Попадись только ты мне...

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Фекла.

Все, увидев ее, обращаются к ней с следующими словами:

Яичница. А! вот она! А подойди-ка сюда, старая греховодница! а подойди-ка сюда!

Анучкин. Так-то вы обманули меня, Фекла Ивановна?

Кочкарев. Ну-ка ступай, Варвара, на расправу!

Фекла. И ни слова не разберу: оглушили совсем!

Яичница. Дом строен в один кирпич, старая подошва, а ты наврала: и с мезонинами, и черт знает с чем.

Фекла. А не знаю, не я строила. Может быть, нужно было в один кирпич, оттого так и построили.

Яичница. Да и в ломбард еще заложен! Черти б тебя съели, ведьма ты проклятая! *(Притопывая ногой.)*

Фекла. Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить стал за удовольствие, что хлопотала о нем.

А н у ч к и н. Да, Фекла Ивановна, вот вы и мне тоже насказали, что она знает по-французски.

Ф е к л а. Знает, родимый, все знает, и по-немецкому, и по-всякому; какие хочешь манеры — всё знает.

А н у ч к и н. Ну нет, кажется, она только по-русски и говорит.

Ф е к л а. Что ж тут худого? Понятливее по-русски, потому и говорит по-русски. А кабы умела по-басурмански, то тебе же хуже — и сам бы не понял ничего. Уж тут нечего толковать про русскую речь! речь звестно какая: все святые говорили по-русски.

Я и ч н и ц а. А подойди-ка сюда, проклятая! подойди-ка ко мне!

Ф е к л а *(пятясь ближе к дверям)*. И не подойду, я знаю тебя. Ты человек тяжелый, ни за что прибьешь.

Я и ч н и ц а. Ну, смотри, голубушка, это не пройдет тебе! Вот я тебя как сведу в полицию, так ты у меня будешь знать, как обманывать честных людей. Вот ты увидишь! А невесте скажи, что она подлец! Слышишь, непременно скажи. *(Уходит.)*

Ф е к л а. Смотри ты какой! расходился как! Что толст, так думает, ему и равного никого нет. А я скажу, что ты сам подлец, вот что!

А н у ч к и н. Признаюсь, любезнейшая, никак не думал я, чтобы вы стали так обманывать. Знай я, что невеста с таким образованием, да я... да и нога бы моя, просто, не была здесь. Вот как-с. *(Уходит.)*

Ф е к л а. Белены объелись или выпили лишнее! Вишь, переборщики нашлись какие! Свела с ума глупая грамота!

ЯВЛЕНИЕ VII

Ф е к л а, К о ч к а р е в, Ж е в а к и н.
Кочкарев хохочет во все горло, смотря на Феклу и указывая на нее пальцем.

Ф е к л а *(с досадою)*. Ты что горло дерешь?

Кочкарев продолжает хохотать.

Эк как разобрало его!

К о ч к а р е в. Сваха-то! сваха-то! Мастерица женить! знает, как повести дело! *(Продолжает хохотать.)*

Ф е к л а. Эк его заливается! Знать, покойница свихнула с ума в тот час, как тебя рожала! *(Уходит с досадою.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

К о ч к а р е в, Ж е в а к и н.

К о ч к а р е в *(продолжая хохотать)*. Ох, не могу, право не могу! Силы не выдержат, чувствую, что тресну от смеха! *(Продолжает хохотать.)*

Жевакин, глядя на него, начинает тоже смеяться.

(В усталости валится на стул.) Ох, право, выбился из сил. Чувствую, что если засмеюсь еще, порву последние жилы.

Ж е в а к и н. Мне нравится веселость вашего нрава. У нас в эскадре капитана Болдырева был мичман Петухов, Антон Иванович; тоже эдак был веселого нрава. Бывало, ему, ничего больше, покажешь эдак один палец — вдруг засмеется, ей-богу, и до самого вечера смеется. Ну, глядя на него, бывало, и себе сделается смешно, и смотришь, наконец и сам точно эдак смеешься.

К о ч к а р е в *(переводя дыханье)*. Ох, господи, помилуй нас, грешных! Ну что она вздумала, дура? Ну, куда ж ей женить, ей ли женить? Вот я женю так женю!

Ж е в а к и н. Нет? так вы можете не в шутку женить?

К о ч к а р е в. Еще бы! кого угодно на ком угодно.

Ж е в а к и н. Если так, жените меня на здешней хозяйке.

К о ч к а р е в. Вас? да зачем вам жениться?

Ж е в а к и н. Как зачем? вот, позвольте заметить, странный немножко вопрос! А известное дело зачем.

К о ч к а р е в. Да ведь вы слышали, у ней приданого ничего нет.

Ж е в а к и н. На нет и суда нет. Конечно, это дурно, а впрочем, с эдакою прелюбезною девицею, с ее обхожденьями, можно прожить и без приданого. Небольшая комнатка *(размеривает примерно руками)*,

эдак здесь маленькая прихожая, небольшая ширмочка или какая-нибудь вроде эдакой перегородки...

Кочкарев. Да что вам в ней так понравилось?

Жевакин. А сказать правду — мне понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматёр со стороны женской полноты.

Кочкарев (*поглядывая на него искоса, говорит в сторону*). А ведь сам уж куды не пощеголяет; точно кисет, из которого вытрясли табак. (*Вслух.*) Нет, вам совсем не следует жениться.

Жевакин. Как так?

Кочкарев. Да так. Ну что у вас за фигура, между нами будь сказано? Нога петушья...

Жевакин. Петушья?

Кочкарев. Конечно. Что с вас за вид!

Жевакин. То есть как, однако же, петушья нога?

Кочкарев. Да просто, петушья.

Жевакин. Мне кажется, это, однако ж, касается насчет личности...

Кочкарев. Да ведь я говорю потому, что знаю: вы рассудительный человек; другому я не скажу. Я вас женю, извольте,— только на другой.

Жевакин. Нет уж, я бы просил, чтобы на другой меня не женили. Уж будьте эдак благодетельны, чтобы на этой.

Кочкарев. Извольте, женю! Только с условием: вы не мешайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невесте. Я всё сделаю без вас.

Жевакин. Да как, однако же, всё без меня? Все-таки мне хоть на глаза нужно будет показаться.

Кочкарев. Совсем не нужно. Идите домой и ждите; сего же вечера все будет сделано.

Жевакин (*потирает руки*). А вот это уж куды бы хорошо! Да не нужно ли аттестат, послужной список? Может быть, невеста захочет полюбопытствовать? Я сбегаю за ними в минуту.

Кочкарев. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой. Я вам сегодня же дам знать. (*Выпроважает его.*) Да, черта с два, как бы не так! Что ж это?

Что ж это Подколесин не идет? Это, однако ж, странно Неужели он до сих пор поправляет свою стремешку? Уж не побежать ли за ним?

ЯВЛЕНИЕ IX

Кочкарев, Агафья Тихоновна.

Агафья Тихоновна *(осматриваясь)*. Что, ушли? никого нет?

Кочкарев. Ушли, ушли, никого.

Агафья Тихоновна. Ах, если бы вы знали, как я вся дрожала! Эдакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этот Яичница! Какой он должен быть тиран для жены. Мне все так вот и кажется, что он сейчас воротится.

Кочкарев. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь из них двух покажет нос свой здесь.

Агафья Тихоновна. А третий?

Кочкарев. Какой третий?

Жевакин *(высовывает голову в двери)*. Смерть хочется знать, как она будет изъясняться обо мне своим ротиком... розанчик эдакой!

Агафья Тихоновна. А Балтазар Балтазарович?

Жевакин. А, вот оно! вот оно! *(Потирает руки.)*

Кочкарев. Фу ты пропасть! Я думал, о ком вы говорите. Да ведь это просто черт знает что, набитый дурак.

Жевакин. Это что такое? Уж этого я, признаюсь, никак не понимаю.

Агафья Тихоновна. А он, однако же, на вид показался очень хорошим человеком.

Кочкарев. Пьяница!

Жевакин. Ей-богу, не понимаю.

Агафья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкарев. Помилуйте, отъявленный мерзавец!

Жевакин *(громко)*. Нет, позвольте, уж этого я никак не просил вас говорить. Что-нибудь замолвить в мой профит, похвалить — другое дело; а чтобы эда-

ким образом, эдакими словами — уж извольте разве кого-нибудь другого, а уж я слуга покорный!

Кочкарев *(в сторону.)* Как это угораздило его подвернуться? *(Агафье Тихоновне вполголоса.)* Смотрите, смотрите: на ногах не держится. Эдакое мыслéте он всякий день пишет. Прогоните его, да и концы в воду! *(В сторону.)* А Подколесина нет как нет. Экой мерзавец! Уж я ж вымещу на нем! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Агафья Тихоновна и Жевакин.

Жевакин *(в сторону)*. Обещался хвалить, а вместо того выбранил! Престранный человек! *(Вслух.)* Вы, сударыня, не верьте...

Агафья Тихоновна. Извините, мне нездоровится... болит-с голова. *(Хочет уйти.)*

Жевакин. Но, может быть, вам что-нибудь во мне не нравится? *(Указывая на голову.)* Вы не глядите на то, что у меня здесь маленькая плешина. Это ничего, это от лихорадки; волоса сейчас вырастут.

Агафья Тихоновна. Мне все равно-с, что бы у вас там ни было.

Жевакин. У меня, сударыня... если надену черный фрак, так цвет лица будет побелее.

Агафья Тихоновна. Для вас лучше. Прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

Жевакин один, говорит вслед ей.

Сударыня, позвольте, скажите причину: зачем? почему? Или во мне какой-либо существенный есть изъян, что ли?.. Ушла! Престранный случай! Вот уж никак в семнадцатый раз случается со мною, и всё почти одинаким образом: кажется, эдак сначала все хорошо, а как дойдет дело до развязки — смотришь, и откажут. *(Ходит по комнате в размышлении.)* Да... Вот эта уж будет никак семнадцатая невеста! И чего же ей, однако ж, хочется? Чего бы ей, например, эдак... с какой

стати... *(Подумав.)* Темно, чрезвычайно темно! Добро бы был нехорош чем. *(Осматривается.)* Кажется, нельзя сказать этого — всё слава богу, натура не обидела. Непонятно. Разве не пойти ли домой да порыться в сундучке? Там у меня были стишки, против которых точно ни одна не устоит... Ей-богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назад оглобли. А жаль, право жаль. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Подколесин и Кочкарев входят и оба оглядываются назад.

Кочкарев. Он не заметил нас! Видел, с каким длинным носом вышел?

Подколесин. Неужели и ему так же отказано, как и тем?

Кочкарев. Наотрез.

Подколесин *(с самодовольною улыбкой)*. А преконфузно, однако же, должно быть, если откажут.

Кочкарев. Еще бы!

Подколесин. Я все еще не верю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитает меня всем.

Кочкарев. Какое предпочитает! Она от тебя просто без памяти. Такая любовь: одних имен каких надавала. Такая страсть — так просто и кипит!

Подколесин (*самодовольно усмехается*). А ведь в самом деле — женщина, если захочет, каких слов не наскажет. Век бы не выдумал: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкарев. Что еще эти слова! Вот как женишься, так ты увидишь в первые два месяца, какие пойдут слова. Просто, брат, ну вот так и таешь.

Подколесин *(усмехается)*. Будто?

Кочкарев. Как честный человек! Послушай, теперь, однако ж, скорее к делу. Изъясни ей и открой сию же минуту сердце и требуй руки.

Подколесин. Нò как же сию минуту? что ты!

Кочкарев. Непременно сию же минуту... А вот и она сама.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Агафья Тихоновна.

Кочкарев. Я привел к вам, сударыня, смертного, которого вы видите. Еще никогда не было так влюбленного — просто не приведи бог, и неприятелю не пожелаю...

Подколесин *(толкая его под руку, тихо)*. Ну, уж ты, брат, кажется, слишком.

Кочкарев *(ему)*. Ничего, ничего. *(Ей тихо.)* Будьте посмелее, он очень смирен; старайтесь быть как можно развязнее. Эдак поворотите как-нибудь бровями или, потупивши глаза, так вдруг и срезать его, злодея, или выставьте ему как-нибудь плечо, и пусть его, мерзавец, смотрит! Напрасно, впрочем, вы не надели платья с короткими рукавами; да, впрочем, и это хорошо. *(Вслух.)* Ну, я оставляю вас в приятном обществе! Я на минуточку загляну только к вам в столовую и на кухню; нужно распорядиться: сейчас придет официант, которому заказан ужин; может быть, и вина принесены... До свиданья! *(Подколесину.)* Смелее, смелее! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XIV

Подколесин и Агафья Тихоновна.

Агафья Тихоновна. Прошу покорнейше садиться.

Садятся и молчат.

Подколесин. Вы, сударыня, любите кататься?

Агафья Тихоновна. Как-с кататься?

Подколесин. На даче очень приятно летом кататься в лодке.

Агафья Тихоновна. Да-с, иногда с знакомыми прогуливаемся.

Подколесин. Какое-то лето будет — неизвестно.

Агафья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

Оба молчат.

Подколесин. Вы, сударыня, какой цветок больше любите?

Агафья Тихоновна. Который покрепче пахнет-с: гвоздику-с.

Подколесин. Дамам очень идут цветы.

Агафья Тихоновна. Да, приятное занятие.

Молчание.

В которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесин. В Вознесенской, а неделю назад тому был в Казанском соборе. Впрочем, молиться все равно, в какой бы ни было церкви. В той только украшение лучше.

Молчат. Подколесин барабанит пальцами по столу.

Вот скоро будет екатерингофское гулянье.

Агафья Тихоновна. Да, чрез месяц, кажется.

Подколесин. Даже и месяца не будет.

Агафья Тихоновна. Должно быть, веселое будет гулянье.

Подколесин. Сегодня восьмое число. *(Считает по пальцам.)* Девятое, десятое, одиннадцатое... чрез двадцать два дни.

Агафья Тихоновна. Представьте, как скоро!

Подколесин. Я сегодняшнего дни даже не считаю.

Молчание.

Какой это смелый русский народ!

Агафья Тихоновна. Как?

Подколесин. А работники. Стоит на самой верхушке... Я проходил мимо дома, так щекатурщик штукатурит и не боится ничего.

Агафья Тихоновна. Да-с. Так это в каком месте?

Подколесин. А вот по дороге, по которой я хожу всякий день в департамент. Я ведь каждое утро хожу в должность.

Молчание. Подколесин опять начинает барабанить пальцами, наконец берется за шляпу и раскланивается.

А г а ф ь я   Т и х о н о в н а. А вы уже хотите...

П о д к о л е с и н. Да-с. Извините, что, может быть, наскучил вам.

А г а ф ь я   Т и х о н о в н а. Как-с можно! Напротив, я должна благодарить за подобное препровождение времени.

П о д к о л е с и н *(улыбаясь)*. А мне так, право, кажется, что я наскучил.

А г а ф ь я   Т и х о н о в н а. Ах, право нет.

П о д к о л е с и н. Ну, так если нет, так позвольте мне и в другое время, вечерком когда-нибудь...

А г а ф ь я   Т и х о н о в н а. Очень приятно-с.

Раскланиваются. Подколесин уходит.

ЯВЛЕНИЕ XV

А г а ф ь я   Т и х о н о в н а одна.

Какой достойный человек! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный, и рассудительный. Да, приятель его давича справедливо сказал; жаль только, что он так скоро ушел, а я бы еще хотела его послушать. Как приятно с ним говорить! И ведь, главное, то хорошо, что совсем не пустословит. Я было хотела ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробела, сердце так стало биться... Какой превосходный человек! Пойду расскажу тетушке. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

П о д к о л е с и н и К о ч к а р е в входят.

К о ч к а р е в. Да зачем домой? Вздор какой! Зачем домой?

П о д к о л е с и н. Да зачем же мне оставаться здесь? Ведь я все уже сказал, что следует.

К о ч к а р е в. Стало быть, сердце ей ты уж открыл?

П о д к о л е с и н. Да вот только разве что сердца еще не открыл.

К о ч к а р е в. Вот те история! Зачем же не открыл?

П о д к о л е с и н. Ну, да как же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чем, вдруг сказать с боку припеку: «Сударыня, дайте я на вас женюсь!»

К о ч к а р е в. Ну да о чем же вы, о каком вздоре толковали битых полчаса?

П о д к о л е с и н. Ну, мы переговорили обо всем, и, признаюсь, я очень доволен; с большим удовольствием провел время.

К о ч к а р е в. Да послушай, посуди ты сам: когда же все это успеем? Ведь через час нужно ехать в церковь, под венец.

П о д к о л е с и н. Что ты, с ума сошел? Сегодня под венец!

К о ч к а р е в. Почему ж нет?

П о д к о л е с и н. Сегодня под венец!

К о ч к а р е в. Да ведь ты ж сам дал слово, сказал, что как только женихи будут прогнаны — сейчас готов жениться.

П о д к о л е с и н. Ну, я и теперь не прочь от слова. Только не сейчас же; месяц по крайней мере нужно дать роздыху.

К о ч к а р е в. Месяц!

П о д к о л е с и н. Да, конечно.

К о ч к а р е в. Да ты с ума сошел, что ли?

П о д к о л е с и н. Да меньше месяца нельзя.

К о ч к а р е в. Да ведь я официанту заказал ужин, бревно ты! Ну, послушай, Иван Кузьмич, не упрямься, душенька, женись теперь.

П о д к о л е с и н. Помилуй, брат, что ты говоришь? как же теперь?

К о ч к а р е в. Иван Кузьмич, ну я тебя прошу. Если не хочешь для себя, так для меня по крайней мере.

П о д к о л е с и н. Да, право, нельзя.

К о ч к а р е в. Можно, душа, все можно. Ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

П о д к о л е с и н. Да, право, нет. Неловко, совсем неловко.

К о ч к а р е в. Да что неловко? кто тебе сказал это? Ты посуди сам; ведь ты человек умный. Я говорю тебе это не с тем, чтобы к тебе подольститься, не потому,

что ты экспедитор, а просто говорю из любви... Ну, полно же, душенька, решись, взгляни оком благоразумного человека.

Подколесин. Да если бы было можно, так я бы...

Кочкарев. Иван Кузьмич! Лапушка, милочка! Ну хочешь ли, я стану на колени перед тобой?

Подколесин. Да зачем же?..

Кочкарев *(становясь на колени)*. Ну, вот я и на коленях! Ну, видишь сам, прошу тебя. Век не забуду твоей услуги, не упрямься, душенька!

Подколесин. Ну нельзя, брат, право нельзя.

Кочкарев *(вставая, в сердцах)*. Свинья!

Подколесин. Пожалуй, бранись себе.

Кочкарев. Глупый человек! Еще никогда не было такого.

Подколесин. Бранись, бранись.

Кочкарев. Я для кого же старался, из чего бился? Все для твоей, дурак, пользы. Ведь что мне? Я сейчас брошу тебя; мне какое дело?

Подколесин. Да кто ж просил тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкарев. Да ведь ты пропадешь, ведь ты без меня ничего не сделаешь. Не жени тебя, ведь ты век останешься дураком.

Подколесин. Тебе что до того?

Кочкарев. О тебе, деревянная башка, стараюсь.

Подколесин. Я не хочу твоих стараний.

Кочкарев. Ну так ступай же к черту!

Подколесин. Ну и пойду.

Кочкарев. Туда тебе и дорога!

Подколесин. Что ж, и пойду.

Кочкарев. Ступай, ступай, и чтобы ты себе сейчас же переломил ногу. Вот от души посылаю тебе желание, чтобы тебе пьяный извозчик въехал дышлом в самую глотку! Тряпка, а не чиновник! Вот клянусь тебе, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мне больше не показывайся!

Подколесин. И не покажусь. *(Уходит.)*

Кочкарев. К дьяволу, к своему старому приятелю! *(Отворяя дверь, кричит ему вслед.)* Дурак!

ЯВЛЕНИЕ XVII

Кочкарев один, ходит в сильном движении взад и вперед.

Ну был ли когда виден на свете подобный человек? Эдакой дурак! Да если уж пошло на правду, то и я хорош. Ну скажите, пожалуйста, вот я на вас всех сошлюсь. Ну не олух ли я, не глуп ли я? Из чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что он мне? родня, что ли? И что я ему такое: нянька, тетка, свекруха, кума, что ли? Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нем, не даю себе покою, нелегкая прибрала бы его совсем? А просто черт знает из чего! Поди ты спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает! Эдакой мерзавец! Какая противная, подлая рожа! Взял бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя в нос, в уши, в рот, в зубы — во всякое место! *(В сердцах дает несколько щелчков на воздух.)* Ведь вот что досадно: вышел себе — ему и горя мало; с него все это так, как с гуся вода,— вот что нестерпимо! Пойдет к себе на квартиру и будет лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бывают противные рожи, но ведь эдакой просто не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей-богу не сочинишь! Так вот нет же, пойду нарочно ворочу его, бездельника! Не дам улизнуть, пойду приведу подлеца! *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Агафья Тихоновна входит.

Уж так, право, бьется сердце, что изъяснить трудно. Везде, куды ни поворочусь, везде так вот и стоит Иван Кузьмич. Точно правда, что от судьбы никак нельзя уйти. Давича совершенно хотела было думать о другом, но чем ни займусь — пробовала сматывать нитки, шила ридикуль,— а Иван Кузьмич все так вот и лезет в руку. *(Помолчав.)* И так вот, наконец, ожидает меня перемена состояния! Возьмут меня, поведут в церковь... потом оставят одну с мужчиною — уф! Дрожь так меня и пробирает. Прощай, прежняя моя девичья жизнь! *(Плачет.)* Столько лет провела в спокойствии...

Вот жила, жила — а теперь приходится выходить замуж! Одних забот сколько: дети, мальчишки, народ драчливый; а там и девочки пойдут; подрастут — выдавай их замуж. Хорошо еще, если выйдут за хороших, а если за пьяниц или за таких, что готов сегодня же поставить на карточку все что ни есть на нем! *(Начинает мало-помалу опять рыдать.)* Не удалось и повеселиться мне девическим состоянием, и двадцати семи лет не пробыла в девках... *(Переменяя голос.)* Да что ж Иван Кузьмич так долго мешкается?

ЯВЛЕНИЕ XIX

Агафья Тихоновна и Подколесин (выталкивается на сцену из дверей двумя руками Кочкарева).

Подколесин *(запинаясь)*. Я пришел вам, сударыня, изъяснить одно дельце... Только я бы хотел прежде знать, не покажется ли оно вам странным?

Агафья Тихоновна *(потупляя глаза)*. Что же такое?

Подколесин. Нет, сударыня, вы скажите наперед: не покажется ли вам странно?

Агафья Тихоновна *(так же)*. Не могу знать, что такое.

Подколесин. Но признайтесь: верно, вам покажется странным то, что я вам скажу?

Агафья Тихоновна. Помилуйте, как можно, чтобы было странно,— от вас все приятно слышать.

Подколесин. Но этого вы еще никогда не слышали.

Агафья Тихоновна потупляет еще более глаза; в это время входит потихоньку Кочкарев и становится у него за плечами.

Это вот в чем... Но пусть лучше я вам скажу когда-нибудь после.

Агафья Тихоновна. А что же это такое?

Подколесин. А это... Я хотел было, признаюсь, теперь объявить вам это, да все еще как-то сомневаюсь.

К о ч к а р е в *(про себя, складывая руки)*. Господи ты боже мой, что это за человек! Это просто старый бабий башмак, а не человек, насмешка над человеком, сатира на человека!

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Отчего же вы сомневаетесь?

П о д к о л е с и н. Да все как-то берет сомнение.

К о ч к а р е в *(вслух)*. Как это глупо, как это глупо! Да вы, сударыня, видите: он просит руки вашей, желает объявить, что он без вас не может жить, существовать. Спрашивает только, согласны ли вы его осчастливить.

П о д к о л е с и н *(почти испугавшись, толкает его, произнося тихо)*. Помилуй, что ты!

К о ч к а р е в. Так что ж, сударыня? Решаетесь вы сему смертному доставить счастие?

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Я никак не смею думать, чтобы я могла составить счастие... А впрочем, я согласна.

К о ч к а р е в. Натурально, натурально, так бы давно. Давайте ваши руки!

П о д к о л е с и н. Сейчас! *(Хочет сказать что-то ему на ухо. Кочкарев показывает ему кулак и хмурит брови; он дает руку.)*

К о ч к а р е в *(соединяя руки)*. Ну, бог вас благословит! Согласен и одобряю ваш союз. Брак — это есть такое дело... Это не то, что взял извозчика, да и поехал куды-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вот только мне времени нет, а после я расскажу тебе, что это за обязанность. Ну, Иван Кузьмич, поцелуй свою невесту. Ты теперь можешь это сделать. Ты теперь должен это сделать.

Агафья Тихоновна потупляет глаза.

Ничего, ничего, сударыня; это так должно, пусть поцелует.

П о д к о л е с и н. Нет, сударыня, позвольте, теперь уж позвольте. *(Целует ее и берет за руку.)* Какая прекрасная ручка! Отчего это у вас, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, я хочу, чтобы сей же час было венчанье, непременно сей же час.

Агафья Тихоновна. Как сейчас? Уж это, может быть, очень скоро.

Подколесин. И слышать не хочу! Хочу еще скорее, чтобы сию же минуту было венчанье.

Кочкарев. Браво! хорошо! Благородный человек! Я, признаюсь, всегда ожидал от тебя много в будущем! Вы, сударыня, в самом деле поспешите теперь поскорее одеться: я, сказать правду, послал уже за каретою и напросил гостей. Они все теперь поехали прямо в церковь. Ведь у вас венчальное платье готово, я знаю.

Агафья Тихоновна. Как же, давно готово. Я в минуточку оденусь.

ЯВЛЕНИЕ XX

Кочкарев и Подколесин.

Подколесин. Ну, брат, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отец родной для меня не сделал бы того, что ты. Вижу, что ты действовал из дружбы. Спасибо, брат, век буду помнить твою услугу. *(Тронутый.)* Будущей весною навещу непременно могилу твоего отца.

Кочкарев. Ничего, брат, я рад сам. Ну, подойди, я тебя поцелую. *(Целует его в одну щеку, а потом в другую.)* Дай бог, чтоб ты прожил благополучно *(целуются)*, в довольстве и достатке; детей бы нажили кучу...

Подколесин. Благодарю, брат. Именно наконец теперь только я узнал, что такое жизнь. Теперь предо мною открылся совершенно новый мир, теперь я вот вижу, что все это движется, живет, чувствует, эдак как-то испаряется, как-то эдак, не знаешь даже сам, что делается. А прежде я ничего этого не видел, не понимал, то есть просто был лишенный всякого сведения человек, не рассуждал, не углублялся и жил вот, как и всякий другой человек живет.

Кочкарев. Рад, рад! Теперь я пойду посмотрю только, как убрали стол; в минуту ворочусь. *(В сторону.)* А шляпу все лучше на всякий случай припрятать. *(Берет и уносит шляпу с собою.)*

ЯВЛЕНИЕ XXI

Подколесин один.

В самом деле, что я был до сих пор? Понимал ли значение жизни? Не понимал, ничего не понимал. Ну, каков был мой холостой век? Что я значил, что я делал? Жил, жил, служил, ходил в департамент, обедал, спал — словом, был в свете самый препустой и обыкновенный человек. Только теперь видишь, как глупы все, которые не женятся; а ведь если рассмотреть — какое множество людей находится в такой слепоте. Если бы я был где-нибудь государь, я бы дал повеление жениться всем, решительно всем, чтобы у меня в государстве не было ни одного холостого человека!.. Право, как подумаешь: чрез несколько минут — и уже будешь женат. Вдруг вкусишь блаженство, какое, точно, бывает только разве в сказках, которого просто даже не выразишь, да и слов не найдешь, чтобы выразить. *(После некоторого молчанья.)* Однако ж что ни говори, а как-то даже делается страшно, как хорошенько подумаешь об этом. На всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя, и уж после ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего — все кончено, все сделано. Уж вот даже и теперь назад никак нельзя попятиться: чрез минуту и под венец; уйти даже нельзя — там уж и карета, и все стоит в готовности. А будто в самом деле нельзя уйти? Как же, натурально нельзя: там в дверях и везде стоят люди; ну, спросят: зачем? Нельзя, нет. А вот окно открыто; что если бы в окно? Нет, нельзя; как же, и неприлично, да и высоко. *(Подходит к окну.)* Ну, еще не так высоко: только один фундамент, да и тот низенький. Ну нет, как же, со мной даже нет картуза. Как же без шляпы? неловко. А неужто, однако же, нельзя без шляпы? А что, если бы попробовать, а? Попробовать, что ли? *(Становится на окно и, сказавши:* «Господи благослови», — *соскакивает на улицу; за сценой кряхтит и охает.)* Ох! однако ж высоко! Эй, извозчик!

Голос извозчика. Подавать, что ли?

Голос Подколесина. На Канавку, возле Семеновского мосту.

Голос извозчика. Да гривенник, без лишнего.

Голос Подколесина. Давай! пошел!

Слышен стук отъезжающих дрожек.

ЯВЛЕНИЕ XXII

Агафья Тихоновна входит в венчальном платье, робко и потупив голову.

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сделалось стыдно, и я вся дрожу. Ах! если бы его хоть на минутку на эту пору не было в комнате, если бы он за чем-нибудь вышел! *(С робостью оглядывается.)* Да где ж это он? Никого нет. Куда же он вышел? *(Отворяет дверь в прихожую и говорит туда.)* Фекла, куда ушел Иван Кузьмич?

Голос Феклы. Да он там.

Агафья Тихоновна. Да где же там?

Фекла *(входя)*. Да ведь он тут сидел, в комнате.

Агафья Тихоновна. Да ведь нет его, ты видишь.

Фекла. Ну да уж из комнаты он тоже не выходил, я сидела в прихожей.

Агафья Тихоновна. Да где же он?

Фекла. Я уж не знаю где; не вышел ли на другой выход, по черной лесенке, или не сидит ли в комнате Арины Пантелеймоновны?

Агафья Тихоновна. Тетушка! тетушка!

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Те же и Арина Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна *(разодетая)*. А что такое?

Агафья Тихоновна. Иван Кузьмич у вас?

Арина Пантелеймоновна. Нет, он тут должен быть; ко мне не заходил.

Ф е к л а. Ну, так и в прихожей тоже не был, ведь я сидела.

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Ну, так и здесь же нет его, вы видите.

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Т е ж е и К о ч к а р е в.

К о ч к а р е в. А что такое?

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Да Ивана Кузьмича нет.

К о ч к а р е в. Как нет? ушел?

А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Нет, и не ушел даже.

К о ч к а р е в. Как же — и нет, и не ушел?

Ф е к л а. Уж куды бы мог он деваться, я и ума не приложу. В передней я все сидела и не сходила с места.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Ну, уж по черной лестнице никак не мог пройти.

К о ч к а р е в. Как же, черт возьми? Ведь пропасть тоже, не выходя из комнаты, никак он не мог. Разве не спрятался ли?.. Иван Кузьмич! где ты? не дурачься, полно, выходи скорее! Ну что за шутки такие? в церковь давно пора! *(Заглядывает за шкаф, искоса запускает даже глаз под стулья.)* Непонятно! Но нет, он не мог уйти, никаким образом не мог. Да он здесь; в той комнате и шляпа, я ее нарочно положил туда.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Уж разве спросить девчонку? Она стояла все на улице, не знает ли она как-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!..

ЯВЛЕНИЕ XXV

Т е ж е и Д у н я ш к а.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Где Иван Кузьмич, ты не видала?

Д у н я ш к а. Да оне-с выпрыгнули в окошко.

Агафья Тихоновна вскрикивает, всплеснувши руками.

В с е т р о е. В окошко?

Д у н я ш к а. Да-с, а потом, как выскочили, взяли извозчика и уехали.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а. Да ты вправду говоришь?

К о ч к а р е в. Врешь, не может быть!

Д у н я ш к а. Ей-богу, выскочили! Вот и купец в мелочной лавочке видел. Порядили за гривенника извозчика и уехали.

А р и н а П а н т е л е й м о н о в н а (*подступая к Кочкареву*). Что ж вы, батюшка, в издевку-то разве, что ли? посмеяться разве над нами задумали? на позор разве мы достались вам, что ли? Да я шестой десяток живу, а такого сраму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вам плюну в лицо, коли вы честный человек. Да вы после этого подлец, коли вы честный человек. Осрамить перед всем миром девушку! Я — мужичка, да не сделаю этого. А еще и дворянин! Видно, только на пакости да на мошенничества у вас хватает дворянства! *(Уходит в сердцах и уводит невесту.)*

Кочкарев стоит как ошеломленный.

Ф е к л а. Что? А вот он тот, что знает повести дело! без свахи умеет заварить свадьбу! Да у меня пусть такие и эдакие женихи, общипанные и всякие, да уж таких, чтобы прыгали в окна,— таких нет, прошу простить.

К о ч к а р е в. Это вздор, это не так, я побегу к нему, я возвращу его! *(Уходит.)*

Ф е к л а. Да, поди ты, вороти! Дела-то свадебного не знаешь, что ли? Еще если бы в двери выбежал — ино дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно — уж тут просто мое почтение!

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

(1832 по 1837 год)

ИГРОКИ

Дела давно минувших дней.

Комната в городском трактире.

ЯВЛЕНИЕ I

Ихарев входит в сопровождении трактирного слуги Алексея и своего собственного, Гаврюшки.

Алексей. Пожалуйте-с, пожалуйте! Вот-с покойчик! уж самый покойный, и шуму нет вовсе.

Ихарев. Шума нет, да, чай, конного войска вдоволь, скакунов?

Алексей. То есть изволите говорить насчет блох? Уж будьте покойны. Если блоха или клоп укусит, уж это наша ответственность: уж с тем стоим.

Ихарев *(Гаврюшке)*. Ступай выносить из коляски.

Гаврюшка уходит.

(Алексею.) Тебя как зовут?

Алексей. Алексей-с.

Ихарев. Ну, послушай *(значительно)*, рассказывай, кто у вас живет?

Алексей. Да живут теперь много; все номера почти заняты.

Ихарев. Кто же именно?

А л е к с е й. Швохнев Петр Петрович, Кругель полковник, Степан Иванович Утешительный.

И х а р е в. Играют?

А л е к с е й. Да вот уж шесть ночей сряду играют.

И х а р е в. Пара целковиков! *(Сует ему в руку.)*

А л е к с е й *(кланяясь)*. Покорнейше благодарю.

И х а р е в. После еще будет.

А л е к с е й. Покорнейше-с благодарю.

И х а р е в. Между собой играют?

А л е к с е й. Нет, недавно обыграли поручика Артуновского, у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысяч.

И х а р е в. Вот тебе еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупал?

А л е к с е й. Нет-с, они сами брали вместе.

И х а р е в. Да у кого?

А л е к с е й. Да у здешнего купца Вахрамейкина.

И х а р е в. Врешь, врешь, плут!

А л е к с е й. Ей-богу.

И х а р е в. Хорошо. Мы с тобой потолкуем ужо.

Г а в р ю ш к а вносит шкатулку.

Ставь ее здесь. Теперь ступайте приготовьте мне умыться и побриться.

Слуги уходят.

ЯВЛЕНИЕ II

И х а р е в один, отпирает шкатулку, всю наполненную карточными колодами.

Каков вид, а? Каждая дюжина золотая. По́том, трудом досталась всякая. Легко сказать, до сих пор рябит в глазах проклятый крап. Но ведь зато, ведь это тот же капитал. Детям можно оставить в наследство! Вот она, заповедная колодишка — просто перл! За то ж ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мне, душенька, так, как послужила сестрица твоя, выиграй мне также восемьдесят тысяч, так я тебе, приехавши в деревню, мраморный памятник поставлю. В Москве закажу. *(Услышав шум, поспешно закрывает шкатулку.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Алексей и Гаврюшка несут лоханку, рукомойник и полотенце.

Ихарев. Что, эти господа где теперь? Дома?

Алексей. Да-с, они теперь в общей зале.

Ихарев. Пойду взглянуть на них, что за народ. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Алексей и Гаврюшка.

Алексей. Что, издалека едете?

Гаврюшка. А из Рязани.

Алексей. А сами тамошней губернии?

Гаврюшка. Нет, сами из Смоленской.

Алексей. Так-с. Так поместье-то, выходит, в Смоленской губернии?

Гаврюшка. Нет, не в Смоленской. В Смоленской сто душ да в Калужской восемьдесят.

Алексей. Понимаю, в двух то есть губерниях.

Гаврюшка. Да, в двух губерниях. У нас одной дворни: Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим лакей, Иван — тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий, повар Семен, Варух садовник, Дементий кучер. Вот как у нас.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Кругель, Швохнев (осторожно входя).

Кругель. Право, я боюсь, чтоб он нас не застал здесь.

Швохнев. Ничего, Степан Иванович его удержит. *(Алексею.)* Ступай, брат, тебя зовут!

Алексей уходит. Швохнев, подходя поспешно к Гаврюшке.

Откуда барин?

Гаврюшка. Да теперь из Рязани.

Швохнев. Помещик?

Гаврюшка. Помещик.

Швохнев. Играет?

Гаврюшка. Играет.

Швохнев. Вот тебе красуля. *(Дает ему бумажку.)* Рассказывай все!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни-ни, не бойся!

Швохнев. Что, как он теперь, в выигрыше? а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохнев. Нет, а что?

Гаврюшка. Недели три тому назад мы его обыграли на восемьдесят тысяч деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да ковер, да золотые эполеты одной выжиги дали на шестьсот рублей.

Швохнев *(взглянув на Кругеля значительно)*. А? Восемьдесят тысяч!

Кругель покачал головою.

Думаешь, нечисто? Это мы сейчас узнаем. *(Гаврюшке.)* Послушай, когда барин остается дома один, что делает?

Гаврюшка. Да как что делает? Известно, что делает. Он уж барин, так держит себя хорошо: он ничего не делает.

Швохнев. Врешь, чай карт из рук не выпускает.

Гаврюшка. Не могу знать, я с барином всего две недели. С ним прежде все Павлушка ездил. У нас тоже есть Герасим лакей, опять Иван лакей, Иван псарь, Иван музыкант, Дементий кучер, да намедни из деревни одного взяли.

Швохнев *(Кругелю)*. Думаешь, шулер?

Кругель. И очень может быть.

Швохнев. А попробовать все-таки попробуем.

Оба убегают.

ЯВЛЕНИЕ VI

Гаврюшка один.

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будет Матрене на чепец да пострельчонкам тоже по прянику. Эх, люблю походную жисть! Уж всегда что-нибудь при-

обретешь: барин пошлет купить чего-нибудь — все уж с рубля гривенничек положишь себе в карман. Как подумаешь, что за житье господам на свете! куда хошь катай! В Смоленске наскучило, поехал в Рязань, не захотел в Рязань — в Казань. В Казань не захотел, валяй под самый Ярослав. Вот только до сих пор не знаю, который из городов будет партикулярней — Рязань или Казань? Казань будет потому партикулярней, что в Казани...

ЯВЛЕНИЕ VII

Ихарев, Гаврюшка, потом Алексей.

Ихарев. В них нет ничего особенного, как мне кажется. А впрочем... Эх, хотелось бы мне их обчистить! Господи боже, как бы хотелось! Как подумаешь, право, сердце бьется. *(Берет щетку, мыло, садится перед зеркалом и начинает бриться.)* Просто рука дрожит, никак не могу бриться.

Входит Алексей.

Алексей. Не прикажете ли чего покушать?

Ихарев. Как же, как же. Принеси закуску на четыре человека. Икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчас его *(указывая на Гаврюшку)*.

Алексей *(Гаврюшке)*. Пожалуйте в кухню, там для вас приготовлено.

Гаврюшка уходит.

Ихарев *(продолжая бриться)*. Послушай! Много они тебе дали?

Алексей. Кто-с?

Ихарев. Ну, да уж не изворачивайся, говори!

Алексей. Да-с, за прислугу пожаловали.

Ихарев. Сколько? пятьдесят рублей?

Алексей. Да-с, пятьдесят рублей дали.

Ихарев. А от меня не пятьдесят, а вон, видишь, на столе лежит сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься? не укусит. От тебя не потребуется больше ничего, как только честности, понимаешь? Карты пусть будут у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое

дело, а вот тебе в придачу от меня дюжину. *(Дает ему запечатанную дюжину.)* Понимаешь?

А л е к с е й. Да уж как не понять? Извольте положиться, это уж наше дело.

И х а р е в. Да карты спрячь хорошенько, чтоб как-нибудь тебя не ощупали или не увидели. *(Кладет щетку и мыло и вытирается полотенцем.)*

Алексей уходит.

Хорошо бы было и очень бы хорошо. А уж как, признаюсь, хочется поддеть их.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Ш в о х н е в, К р у г е л ь и С т е п а н И в а н о в и ч У т е ш и т е л ь н ы й входят с поклонами.

И х а р е в *(с поклоном к ним навстречу)*. Прошу простить. Комната, как видите, не красна углами: четыре стула всего.

У т е ш и т е л ь н ы й. Приветливые ласки хозяина дороже всяких удобств.

Ш в о х н е в. Не с комнатой жить, а с добрыми людьми.

У т е ш и т е л ь н ы й. Именно правда. Я бы не мог быть без общества. *(Кругелю.)* Помнишь, почтеннейший, как я приехал сюды: один-одинешенек. Вообразите: знакомых никого. Хозяйка — старуха. На лестнице какая-то поломойка, урод естественнейший; вижу, увивается около нее какой-то армейщина, видно натощаках... Словом, скука смертная. Вдруг судьба послала вот его, а потом случай свел с ним... Ну, уж как я был рад! Не могу, не могу часу пробыть без дружеского общества. Все что ни есть на душе готов рассказать каждому.

К р у г е л ь. Это, брат, порок твой, а не добродетель. Излишество вредит. Ты, верно, уж не раз был обманут.

У т е ш и т е л ь н ы й. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу без откровенности.

Кругель. Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну со всяким. Дружба — это другое дело.

Утешительный. Так, но человек принадлежит обществу.

Кругель. Принадлежит, но не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь!

Швохнев *(Утешительному)*. Не спорь, брат, ты не прав.

Утешительный *(горячась)*. Нет, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долг! это, это, это...

Швохнев. Ну, зарапортовался! Горяч необыкновенно: еще первые два слова можно понять из того, что он говорит, а уж дальше ничего не поймешь.

Утешительный. Не могу, не могу! Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: «Господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право увлекусь». Точно хмель какой-то, а желчь так и кипит, так и кипит.

Ихарев *(про себя)*. Ну нет, приятель! Знаем мы тех людей, которые увлекаются и горячатся при слове «обязанность». У тебя, может быть, и кипит желчь, да только не в этом случае. *(Вслух.)* А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?

В продолжение их разговора приготовлен на столе завтрак.

Утешительный. Извольте; если не в большую игру, почему нет?

Кругель. От невинных удовольствий я никогда не прочь.

Ихарев. А что, ведь в здешнем трактире, чай, есть карты?

Швохнев. О, только прикажите.

Ихарев. Карты!

Алексей хлопочет около карточного стола.

А между тем прошу, господа! *(Указывая рукой на закуску и подходя к ней.)* Балык, кажется, не того, а икра еще так и сяк.

Швохнев *(посылая в рот кусок)*. Нет, и балык того.

Кругель *(так же)*. И сыр хорош. Икра тоже недурна.

Швохнев *(Кругелю)*. Помнишь, какой отличный сыр ели мы недели две тому назад?

Кругель. Нет, никогда в жизни не позабуду я сыра, который ел я у Петра Александровича Александрова.

Утешительный. Да ведь сыр, почтеннейший, когда хорош? Хорош он тогда, когда сверх одного обеда наворотишь другой,— вот где его настоящее значение. Он все равно что добрый квартермистр, говорит: «Добро пожаловать, господа, есть еще место».

Ихарев. Добро пожаловать, господа, карты на столе.

Утешительный *(подходя к карточному столу)*. А вот оно, старина, старина! Слышь, Швохнев, карты, а? Сколько лет...

Ихарев *(в сторону)*. Да полно тебе корчить!..

Утешительный. Хотите вы держать банчик?

Ихарев. Небольшой — извольте, пятьсот рублей. Угодно снять? *(Мечет банк.)*

Начинается игра. Раздаются восклицания:

Швохнев. Четверка, тузик, оба по десяти.

Утешительный. Подай-ка, брат, мне свою колоду; я выберу себе карту на счастье нашей губернской предводительши.

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утешительный. Швохнев, подай мел. Приписываю и списываю.

Швохнев. Черт побери, пароле!

Утешительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! Позвольте посмотреть, кажется еще две тройки должны быть в колоде.

Утешительный *(вскакивает с места, про себя)*. Черт побери, тут что-то не так. Карты другие, это очевидно.

Игра продолжается.

Ихарев *(Кругелю)*. Позвольте узнать: обе идут?

Кругель. Обе.

Ихарев. Не возвышаете?

Кругель. Нет.

Ихарев *(Швохневу)*. А вы что ж? не ставите?

Швохнев. Позвольте мне эту талию переждать. *(Встает со стула, торопливо подходит к Утешительному и говорит скоро.)* Черт возьми, брат! И передергивает, и все что хочешь. Шулер первой степени!

Утешительный *(в волненье)*. Неужли, однако ж, отказаться от восьмидесяти тысяч?

Швохнев. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утешительный. Ну, это еще вопрос, а пока с ним объясниться!

Швохнев. Как?

Утешительный. Открыться ему во всем.

Швохнев. Для чего?

Утешительный. После скажу. Пойдем.

Подходят оба к Ихареву и ударяют его с обеих сторон по плечу.

Да полно вам тратить попусту заряды!

Ихарев *(вздрогнув)*. Как?

Утешительный. Да что тут толковать, свой своего разве не узнал?

Ихарев *(учтиво)*. Позвольте узнать, в каком смысле я должен разуметь?..

Утешительный. Да просто, без дальнейших слов и церемоний. Мы видели ваше искусство и, поверьте, умеем отдавать справедливость достоинству. И потому от лица наших товарищей предлагаю вам дружеский союз. Соединя наши познания и капиталы, мы можем действовать несравненно успешней, чем порознь.

Ихарев. В какой степени я должен понимать справедливость слов ваших?..

Утешительный. Да вот в какой степени: за искренность мы платим искренностью. Мы признаемся тут же вам откровенно, что сговорились обыграть вас, потому что приняли вас за человека обыкно-

венного. Но теперь видим, что вам знакомы высшие тайны. Итак, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихарев. От такого радушного предложения не могу отказаться.

Утешительный. Итак, подадимте же, всякий из нас, друг другу руки.

Все попеременно пожимают руку Ихареву.

Отныне все общее, притворство и церемонии в сторону! Позвольте узнать, с каких пор начали исследовать глубину познаний?

Ихарев. Признаюсь, это уже с самых юных лет было моим стремлением. Еще в школе во время профессорских лекций я уже под скамьей держал банк моим товарищам.

Утешительный. Я так и полагал. Подобное искусство не может приобресться, не быв практиковано от лет гибкого юношества. Помнишь, Швохнев, этого необыкновенного ребенка?

Ихарев. Какого ребенка?

Утешительный. А вот расскажи!

Швохнев. Подобного события я никогда не позабуду. Говорит мне его зять *(указывая на Утешительного)*, Андрей Иванович Пяткин: «Швохнев, хочешь видеть чудо? Мальчик одиннадцати лет, сын Ивана Михаловича Кубышева, передергивает с таким искусством, как ни один из игроков! Поезжай в Тетюшевский уезд и посмотри!» Я, признаюсь, тот же час отправился в Тетюшевский уезд. Спрашиваю деревню Ивана Михаловича Кубышева и приезжаю прямо к нему. Приказываю о себе доложить. Выходит человек почтенных лет. Я рекомендуюсь, говорю: «Извините, я слышал, что бог наградил вас необыкновенным сыном». — «Да, признаюсь, говорит (и мне понравилось то, что без всяких, понимаете, этих претензий и отговорок), да, говорит, точно: хотя отцу и неприлично хвалить собственного сына, но это действительно в некотором роде чудо. Миша, говорит, поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчик, просто ребенок, мне по плечо не будет, и в глазах ничего нет особенного. Начал он

метать — я просто потерялся. Это превосходит всякое описанье.

Ихарев. Неужто ничего нельзя было приметить?

Швохнев. Ни-ни, никаких следов! Я смотрел в оба глаза.

Ихарев. Это непостижимо!

Утешительный. Феномен, феномен!

Ихарев. И как я подумаю, что при этом еще нужны познания, основанные на остроте глаз, внимательное изученье крапа...

Утешительный. Да ведь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отметины вышли вовсе из употребления; стараются изучить ключ.

Ихарев. То есть ключ рисунка?

Утешительный. Да, ключ рисунка обратной стороны. Есть в одном городе,— в каком именно, я не хочу назвать,— один почтенный человек, который больше ничем уж и не занимается, как только этим. Ежегодно получает он из Москвы несколько сотен колод, от кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоит в том, чтобы разобрать крап всякой карты и послать от себя только ключ. Смотри, мол, у двойки вот как расположен рисунок! у такой-то — вот как! За это одно он получает чистыми деньгами пять тысяч в год.

Ихарев. Это, однако ж, важная вещь.

Утешительный. Да оно, впрочем, так и быть должно. Это то, что называется в политической экономии распределение работ. Все равно каретник: ведь он не весь же экипаж делает сам; он отдает и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человеческой.

Ихарев. Позвольте вам сделать один вопрос: как поступали вы доселе, чтобы пустить в ход колоды? Подкупать слуг ведь не всегда можно.

Утешительный. Сохрани бог! да и опасно. Это значит иногда самого себя продать. Мы делаем это иначе. Один раз мы поступили вот как: приезжает на ярмонку наш агент, останавливается под именем купца в городском трактире. Лавки еще не успел нанять; сундуки и вьюки пока в комнате. Живет он в

трактире, издерживается, ест, пьет — и вдруг пропадает неизвестно куда, не заплативши. Хозяин шарит в комнате. Видит, остался один вьюк; распаковывает — сто дюжин карт. Карты, натурально, сей же час проданы с публичного торга. Пустили рублем дешевле, купцы вмиг расхватали в свои лавки. А в четыре дни проигрался весь город!

Ихарев. Это очень ловко.

Швохнев. Ну, а у того, у помещика?..

Ихарев. Что у помещика?

Утешительный. А это дело тоже было поведено недурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помещик Аркадий Андреевич Дергунов, богатейший человек. Игру ведет отличную, честности беспримерной, к поползновенью, понимаете, никаких путей: за всем смотрит сам, люди у него воспитанны, камергеры, дом — дворец, деревня, сады — все это по аглицкому образцу. Словом, русский барин в полном смысле слова. Мы живем уж там три дня. Как приступить к делу? — просто нет возможности. Наконец придумали. В одно утро пролетает мимо самого двора тройка. На телеге сидят молодцы. Все это пьяно, как нельзя больше, орет песни и дует во весь опор. На такое зрелище, как водится, выбежала вся дворня. Ротозеют, смеются и замечают, что из телеги что-то выпало, подбегают, видят — чемодан. Машут, кричат: «Остановись!» — куды! никто не слышит, умчались, только пыль осталась по всей дороге. Развязали чемодан — видят: белье, кое-какое платье, двести рублей денег и дюжин сорок карт. Ну, натурально, от денег не захотели отказаться, карты пошли на барские столы,— и на другой же день ввечеру все, и хозяин и гости, остались без копейки в кармане, и кончился банк.

Ихарев. Очень остроумно. Ведь вот называют это плутовством и разными подобными именами, а ведь это тонкость ума, развитие.

Утешительный. Эти люди не понимают игры. В игре нет лицеприятия. Игра не смотрит ни на что. Пусть отец сядет со мною в карты — я обыграю отца. Не садись! здесь все равны.

Ихарев. Именно этого не понимают, что игрок

может быть добродетельнейший человек. Я знаю одного, который наклонен к передержкам и к чему хотите, но нищему он отдаст последнюю копейку. А между тем ни за что не откажется соединиться втроем против одного обыграть наверняка. Но, господа, так как пошло на откровенность, я вам покажу удивительную вещь: знаете ли вы то, что называют сводная или подобранная колода, в которой всякая карта может быть угадана мною на значительном расстоянии?

Утешительный. Знаю, но, может быть, другого рода.

Ихарев. Могу вам похвастаться, что подобной нигде не сыщете. Почти полгода трудов. Я две недели после того не мог на солнечный свет смотреть. Доктор опасался воспаленья в глазах. *(Вынимает из шкатулки.)* Вот она! За то уж не прогневайтесь: она у меня носит имя, как человек.

Утешительный. Как, имя?

Ихарев. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утешительный *(усмехаясь)*. Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея — назвать колоду карт Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохнев. Прекрасно! Аделаида Ивановна! очень хорошо...

Утешительный. Аделаида Ивановна. Немка даже! Слышь, Кругель? это тебе жена.

Кругель. Что я за немец? Дед был немец, да и тот не знал по-немецки.

Утешительный *(рассматривая колоду)*. Это, точно, сокровище. Да, никаких совершенно признаков. Неужели, однако ж, всякая карта может быть вами угадана на каком угодно расстоянии?

Ихарев. Извольте, я стану от вас в пяти шагах и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готов асикурировать, если ошибусь.

Утешительный. Ну это какая карта?

Ихарев. Семерка.

Утешительный. Так точно. Эта?

Ихарев. Валет.

Утешительный. Черт возьми, да. Ну, эта?

Ихарев. Тройка.

Утешительный. Непостижимо!

Кругель *(пожимая плечами)*. Непостижимо!

Швохнев. Непостижимо!

Утешительный. Позвольте еще раз рассмотреть. *(Рассматривая колоду.)* Удивительная вещь. Стоит того, чтобы назвать ее именем. Но, позвольте заметить, употребить ее в дело трудно. Разве с слишком неопытным игроком: ведь это нужно подменить самому.

Ихарев. Да ведь это во время самой жаркой игры только делается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрок делается неспокойным; а потеряйся только немного человек, с ним можно все сделать. Вы знаете, что с лучшими игроками случается то, что называют — заиграться. Как поиграет два дни и две ночи сряду не поспавши, ну и заиграется. В азартной игре я всегда подменю колоду. Поверьте, вся штука в том, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средств отвлечь вниманье других есть тысяча. Придеритесь тут же к кому-нибудь из понтёров, скажите, что у него не так записано. Глаза всех обратятся на него — а в это время колода уже и подменена.

Утешительный. Но, однако же, я вижу, что, кроме искусства, вы владеете еще достоинством хладнокровия. Это важная вещь. Приобретение вашего знакомства теперь стало для нас еще значительней. Будем без церемонии, оставим лишние этикеты и станем говорить друг другу «ты».

Ихарев. Этак бы давно следовало.

Утешительный. Человек, шампанского! В память дружеского союза!

Ихарев. Именно, это стоит того, чтобы запить.

Швохнев. Да ведь вот мы собрались для подвигов, орудия все у нас в руках, силы есть, одного недостает только...

Ихарев. Именно, именно, крепости недостает только, на которую бы идти, вот беда!

Утешительный. Что ж делать? неприятеля пока нет. *(Смотря пристально на Швохнева.)* Что? у тебя как будто лицо такое, которое хочет сказать, что есть неприятель.

Швохнев. Есть, да... *(Останавливается.)*

Утешительный. Знаю я, на кого ты метишь.

Ихарев *(с живостью)*. А на кого, на кого? кто это?

Утешительный. Э, вздор, вздор: он выдумал пустяки. Вот видите ли, есть здесь один приезжий помещик, Михал Александрович Глов. Ну, да что об этом толковать, когда он не играет вовсе? Мы уж возились около него... Я месяц за ним ухаживал; и в дружбу и в доверенность вошел, а все ничего не сделал.

Ихарев. Ну да послушай, нельзя ли как-нибудь увидеться с ним? Может быть, почему знать...

Утешительный. Ну, я тебе вперед говорю, что это будет вовсе напрасный труд.

Ихарев. Ну да попробуем, попробуем еще раз.

Швохнев. Ну да приведи его по крайней мере. Ну, не успеем, поговорим просто. Почему не попробовать?

Утешительный. Да, пожалуй, мне ничего это не значит; я приведу его.

Ихарев. Приведи его теперь же, пожалуйста.

Утешительный. Изволь, изволь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, кроме Утешительного.

Ихарев. Ведь точно, почему знать? Иногда дело кажется совсем невозможное...

Швохнев. Я сам того же мнения. Ведь не с богом здесь имеешь дело, а с человеком. А человек все-таки человек. Сегодня нет, завтра нет, послезавтра нет, а на четвертый день, как насядешь на него хорошенько, скажет «да». Иной ведь с виду корчит, что он недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто даром тревогу подымал.

Кругель. Ну, однако ж, этот не таков.

Ихарев. Эх, если бы!.. Поверить нельзя, как возродилась во мне теперь жажда деятельности. Нужно вам знать, что последний мой выигрыш, восемьдесят тысяч у полковника Чеботарева, был сделан в прошед-

шем месяце. С тех пор я не имел практики в продолжение целого месяца. Представить не можете, какую испытал я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохнев. Я понимаю это положение. Это все равно что полководец: что он должен чувствовать, когда нет войны? Это, любезнейший, просто фатальный антракт. Я знаю по себе, с этим нечего шутить.

Ихарев. Поверишь ли, приходит так, что если бы кто сделал пять рублей банку — я готов сесть и играть.

Швохнев. Естественная вещь. Этак проигрывались иногда искуснейшие игроки. Стоскуется, работы нет, и наскочит с горя на одного из тех, которых называют голь и перетыка,— ну и проиграется ни за что!

Ихарев. А богат этот Глов?

Кругель. О! Деньги есть. Кажется, около тысячи душ крестьян.

Ихарев. Эх, черт возьми, подпоить разве его, шампанского велеть подать?

Швохнев. В рот не берет.

Ихарев. Что ж с ним делать? Как подъехать? Но нет, однако ж, все я думаю... ведь игра соблазнительная вещь. Мне кажется, если бы он подсел только к играющим, он бы не утерпел потом.

Швохнев. Да вот мы попробуем. Мы вот здесь в стороне с Кругелем сделаем самую маленькую игру. Но не нужно к нему оказывать большого внимания: старики подозрительны.

Садятся в стороне с картами.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Утешительный и Михайло Александрович Глов, человек почтенных лет.

Утешительный. Вот тебе, Ихарев, рекомендую: Михал Александрович Глов!

Ихарев. Я, признаюсь, давно искал этой чести. Живя в одном трактире...

Глов. Мне тоже очень приятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выезде...

Ихарев *(подавая ему стул)*. Прошу покорнейше!.. Давно изволите жить в этом городе?

Утешительный, Швохнев и Кругель перешептываются между собою.

Глов. Ах, батюшка, уж он мне так надоел, этот город. И телом и душой рад бы отсюда поскорей вырваться.

Ихарев. Что ж, удерживают дела?..

Глов. Дела, дела. Такая комиссия мне эти дела!

Ихарев. Вероятно, тяжба?

Глов. Нет, слава богу, тяжбы нет, но тем не менее затруднительные обстоятельства. Выдаю замуж дочь, батюшка, осьмнадцатилетнюю девицу. Понимаете ли вы отцовское положение? Приехал за разными покупками, а главное, заложить имение. Дело бы уже все кончено, да приказ денег до сих пор не выдает. Даром совершенно живу.

Ихарев. А позвольте узнать, в какую сумму изволили заложить имение?

Глов. В двухстах тысяч. На днях бы должны выдать, да вот затянулось. А мне уж так опротивело здесь жить! Дома-то, знаете, все это оставил на самое короткое время. Дочь невеста... все это ждет. Я уж решился не дожидаться и бросить все.

Ихарев. Как же? и денег не хотите дождаться?

Глов. Что ж делать, батюшка? Вы рассмотрите и мое положение. Ведь вот уж месяц, как не видался с женой и детьми; писем даже не получаю,— бог весть что там делается. Я уж все дело поручаю сыну, который здесь остается. Надоело возиться. *(Обращаясь к Швохневу и Кругелю.)* А что ж вы, господа? Я, кажется, вам помешал. Вы чем-то занимались?

Кругель. Вздор. Это так. От нечего делать вздумали поиграть.

Глов. Кажется, что-то похоже на банчик.

Швохнев. Какое! для препровожденья времени грошовый банчик.

Глов. Эх, господа, послушайте старика. Вы молодые люди. Конечно, тут ничего худого, больше для

развлеченья, да и в грошовую игру нельзя много проиграть, все это так, но всё... Эх, господа, я сам играл и знаю по опыту. Все на свете начинается грошовым делом, а смотришь, маленькая игра как раз кончилась большой.

Швохнев *(Ихареву)*. Ну, пошел уж старикашка плесть свое. *(Глову.)* Ну, вот видите, вы уж тотчас припишете важное следствие всякому вздору; это всегда уж обыкновенная замашка всех пожилых людей.

Глов. Да что ж, ведь я еще не так пожилой человек. Я сужу по опыту.

Швохнев. Я не об вас буду говорить. Но вообще у стариков есть это: например, если они на чем-нибудь обожглись, они твердо уверены — другой непременно обожжется на том же. Если они пошли какой-нибудь дорогою да, зазевавшись, шлепнулись о гололедь,— они уж кричат и выдают правило, что по такой-то дороге никому нельзя ходить, потому что на ней есть в одном месте гололедь и всякий непременно на ней шлепнется лбом, никак не принимая в уваженье того, что другой, может быть, не зазевается и сапоги у него не на скользкой подошве. Нет, у них для этого нет соображенья. Собака укусила человека на улице — все кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Глов. Так, батюшка. Оно, точно, с одной стороны, есть тот грех. Да ведь зато ж и молодые! Ведь уж слишком много рыси: того и смотри что сломит шею!

Швохнев. Вот то-то и есть, что у нас нет середины. Молодым бесится, так что невтерпеж другим, а под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим.

Глов. Такого-то вы обидного мнения насчет стариков?

Швохнев. Да нет, что за обидное мнение? это правда, больше ничего.

Ихарев. Позвольте мне заметить. Твое мнение резко...

Утешительный. Насчет карт я совершенно согласен с Михал Александровичем. Я сам играл,

играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда. Не потому, чтобы проигрался или был вооружен против судьбы; поверьте мне, это еще ничего: проигрыш не так важен, как важно душевное спокойствие. Одно это волнение, чувствуемое во время игры,— кто что ни говори, а это сокращает видимо нашу жизнь.

Г л о в. Так, батюшка, ей-богу! как вы премудро заметили! Позвольте сделать вам нескромный вопрос, сколько времени имею честь пользоваться вашим знакомством, а вот до сих пор...

У т е ш и т е л ь н ы й. Какой вопрос?

Г л о в. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вам год?

У т е ш и т е л ь н ы й. Тридцать девять лет.

Г л о в. Представьте! Что ж такое тридцать девять лет? Еще молодой человек! Ну что, если бы у нас в России было побольше таких, которые бы так мудро рассуждали? Господи ты боже мой, что бы это было: просто золотой век-с, та же астрея. Уж как, ей-богу, благодарен судьбе я за то, что познакомился с вами.

И х а р е в. Поверьте мне, я тоже разделяю это мнение. Мальчишкам я бы не позволил и в руки взять карт. Но благоразумным людям почему не поразвлечься, не позабавиться? Например, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцевать.

Г л о в. Так, всё так; но, поверьте, в жизни нашей есть столько удовольствий, столько обязанностей, так сказать, священных. Эх, господа, послушайте старика! Нет для человека лучшего назначения, как семейная жизнь в домашнем кругу. Все это, что вас окружает — ведь это все волнение, ей-богу-с волнение, а прямого-то блага вы не вкусили еще. Ведь вот я, поверите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своих, ей-богу! Как воображу: дочь кинется на шею: «Папаш ты мой, милый папаш!» Сын опять приехал из гимназии... полгода не видал... Просто слов недостает, ей-богу так. Да после этого на карты смотреть не захочешь.

И х а р е в. Но зачем же отеческие чувства мешать с картами? Отеческие чувства сами по себе, а карты тоже...

А л е к с е й *(входя, говорит Глову)*. Ваш человек спрашивает насчет чемоданов. Прикажете выносить? Лошади уж готовы.

Г л о в. А вот я сейчас! Извините, господа, на одну минуточку вас оставлю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

Ш в о х н е в, И х а р е в, К р у г е л ь, У т е ш и т е л ь н ы й.

И х а р е в. Ну, нет никакой надежды!

У т е ш и т е л ь н ы й. Я говорил это прежде. Не понимаю, как вы не можете видеть человека. Ведь стоит только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположен играть.

И х а р е в. Ну, да все бы таки насесть на него хорошенько. Ну зачем ты сам его поддерживал?

У т е ш и т е л ь н ы й. Да иначе, братец, нельзя. С этими людьми нужно тонко поступать. Не то как раз догадается, что его хотят обыграть.

И х а р е в. Ну да ведь что ж вышло из того? ведь вот уедет все равно.

У т е ш и т е л ь н ы й. Ну, да постой, еще не все дело кончено.

ЯВЛЕНИЕ XII

Т е ж е и Г л о в.

Г л о в. Покорнейше благодарю вас, господа, за приятное знакомство. Жаль только, право, что вот перед самым концом. А впрочем, авось приведет бог опять где-нибудь столкнуться.

Ш в о х н е в. О, вероятно. Дороги битые, а люди толкутся— как не столкнуться? Захоти только судьба.

Г л о в. Ей-богу так, совершенная правда. Судьба захочет, так завтра же увидимся,— совершенная правда. Прощайте, господа! истинно благодарю! А уж вам, Степан Иванович, так обязан! Право, вы усладили мое уединение.

У т е ш и т е л ь н ы й. Помилуйте, не за что. Чем мог служить, служил.

Г л о в. Ну, уж если вы так добры, так сделайте еще одну милость, можно ли вас просить?

У т е ш и т е л ь н ы й. Какую? скажите! Все что угодно готов.

Г л о в. Успокойте старика отца!

У т е ш и т е л ь н ы й. Как?

Г л о в. Я оставляю здесь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадежен: двадцать два года — ну что это за лета? почти ребенок... Кончил учебный курс и уж больше ни о чем и слышать не хочет, как об гусарах. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Что тебе в гусары? Почему знать, может быть, у тебя штатские наклонности. Ты еще не видел почти света, время не уйдет от тебя!..» Ну, сами знаете, молодая натура. Ему уж там, в гусарах, все это блестит: шитье, богатый мундир... Что ж прикажете? Склонностей ведь удержать никак нельзя... Так будьте так великодушны, батюшка Степан Иванович! Он остается теперь один; я возложил на него кое-какие делишки. Молодой человек, все может случиться: чтобы приказные как-нибудь его не обманули... мало ли чего... Так возьмите его под свое покровительство, надзирайте над его поступками, отвлеките его от дурного. Будьте так добры, батюшка! *(Берет его за обе руки.)*

У т е ш и т е л ь н ы й. Извольте, извольте. Все, что может сделать отец для своего сына, все это я сделаю для него.

Г л о в. Ах, батюшка!

Обнимаются и целуются.

Ведь как видно, когда у человека-то доброе сердце, ей-богу! Бог вас наградит за это! Прощайте, господа, от души желаю вам счастливо оставаться.

И х а р е в. Прощайте, доброй дороги!

Ш в о х н е в. Счастливо найти всех домашних!

Г л о в. Благодарю вас, господа!

У т е ш и т е л ь н ы й. А я вас таки провожу к самой коляске и посажу!

Г л о в. Ах, батюшка, как вы добры!

Оба уходят.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Улетела птица!

Швохнев. Да, а было бы чем поживиться.

Ихарев. Признаюсь, как он сказал: двести тысяч, — у меня вздрогнуло в самом сердце.

Кругель. О такой сумме и подумать даже сладко.

Ихарев. Ведь как подумаешь, сколько денег пропадает даром, без всякой совершенно пользы. Ну что из того, что у него будет двести тысяч? Ведь это все так пойдет, на покупку каких-нибудь тряпок, ветошек!

Швохнев. И все это дрянь, гниль.

Ихарев. А ведь сколько даже так пропадает на свете, не обращаясь! Сколько есть мертвых капиталов, которые, именно как мертвецы, лежат в ломбардах! Право, даже жалость. Я бы больше не хотел иметь у себя денег, как столько, сколько лежит в опекунском совете.

Швохнев. Я помирюсь и на половине.

Кругель. Я доволен буду и четвертью.

Швохнев. Ну, не ври, немец: захочешь больше.

Кругель. Как честный человек...

Швохнев. Надуешь.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Утешительный, входит поспешно и с радостным видом.

Утешительный. Ничего, ничего, господа! Уехал, черт его побери, тем лучше! Остался сын. Отец передал ему и доверенность, и все права на получение из приказа денег и поручил надсматривать за всем мне. Сын молодец: так и рвется в гусары. Будет жатва! Я пойду и сей же час приведу его к вам! (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ XV

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Ай да Утешительный!

Швохнев. Браво! дело возымело славный оборот!

Все потирают в радости руки.

Ихарев. Молодец Утешительный! Теперь я понял, зачем он подбирался к отцу и потакал ему. И как все это ловко! как тонко!

Швохнев. О, у него на это талант необыкновенный!

Кругель. Способности невероятные!

Ихарев. Признаюсь, когда отец сказал, что оставляет здесь сына, у меня у самого промелькнула в голове мысль, да ведь только на миг, а уж он тотчас... Сметливость какая!

Швохнев. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же, Утешительный и Глов Александр Михалыч, молодой человек.

Утешительный. Господа! Рекомендую: Александр Михалыч Глов, отличный товарищ, прошу полюбить, как меня.

Швохнев. Очень рад... *(Пожимает ему руку.)*

Ихарев. Знакомство ваше нам...

Кругель. Позвольте вас прямо в наши объятья.

Глов. Господа! я...

Утешительный. Без церемонии, без церемонии. Равенство первая вещь, господа! Глов, здесь, видишь, все товарищи, и потому к черту все этикеты! Съедем прямо на «ты»!

Швохнев. Именно, на «ты»!

Глов. На «ты»! *(Подает им всем руку.)*

Утешительный. Так, браво! Человек, шампанского! Замечаете, господа, как у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нет, твой отец, не говоря дурного слова, большая скотина,— извини, ведь мы

на «ты»,—ну как этого молодца вздумал было в чернильную службу! Ну что, брат, скоро свадьба сестры твоей?

Г л о в. Черт ее побери с ее свадьбой! Мне досадно, что из-за нее отец меня продержал три месяца в деревне.

У т е ш и т е л ь н ы й. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Г л о в. А так хороша... Будь она не сестра... ну, уж я бы ей не спустил.

У т е ш и т е л ь н ы й. Браво, браво, гусар! Сейчас видно гусара! Ну, послушай, а помог бы ты мне, если бы я захотел ее увезти?

Г л о в. Почему ж? помог бы.

У т е ш и т е л ь н ы й. Браво, гусар! Вот оно, что называется настоящий гусар, черт побери! Человек, шампанского! Вот это мой решительно вкус: этаких открытых людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Ш в о х н е в. Дай же и мне обнять его. *(Обнимает его.)*

И х а р е в. Пусть же и я обниму его. *(Обнимает.)*

К р у г е л ь. Ну, так и я ж обниму его, если так. *(Обнимает.)*

А л е к с е й несет бутылку, придерживая пальцем пробку, которая хлопает и летит в потолок; наливает бокалы.

У т е ш и т е л ь н ы й. Господа, за здравие будущего гусарского юнкера! Пусть он будет первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словом, пусть его будет что хочет!

В с е. Пусть его будет что хочет!

Пьют.

Г л о в. За здравие всего гусарства! *(Подымая бокал.)*

В с е. За здравие всего гусарства!

Пьют.

У т е ш и т е л ь н ы й. Господа, нужно его теперь же посвятить во все гусарские обычаи. Пьет он, как видно, уже сносно, но ведь это вздор. Нужно, чтобы он был картежник во всей силе! Играешь в банк?

Г л о в. Играл бы, смерть бы хотелось, да денег нет.

У т е ш и т е л ь н ы й. Экой вздор: нет денег! Было бы только с чем сесть, а там деньги будут — сейчас выиграешь.

Г л о в. Да ведь и сесть-то не с чем.

У т е ш и т е л ь н ы й. Да мы тебе поверим в долг. Ведь у тебя есть доверенность на получение денег из приказа. Мы подождем, а как тебе выдадут, ты нам тотчас и заплатишь. А до того времени ты можешь нам дать вексель. Да, впрочем, что я говорю? Как будто ты уж непременно проиграешь. Ты можешь тут же выиграть несколько тысяч чистоганом.

Г л о в. А как проиграю?

У т е ш и т е л ь н ы й. Стыдись, что ж ты за гусар после этого? Натурально, одно из двух: либо выиграешь, либо проиграешь. Да в этом-то и дело, в риске-то и есть главная добродетель. А не рискнуть, пожалуй, всякий может. Наверняка и приказная строка отважится, и жид полезет на крепость.

Г л о в *(махнув рукой)*. Черт побери, если так, играю! Что мне смотреть на отца!

У т е ш и т е л ь н ы й. Браво, юнкер! Человек, карты! *(Наливает ему в стакан.)* Главное, что нужно? Нужна отвага, удар, сила... Так и быть, господа, я вам сделаю банчик в двадцать пять тысяч. *(Мечет направо и налево.)* Ну, гусар... Ты, Швохнев, что ставишь? *(Мечет.)* Какое странное течение карт. Вот любопытно для вычислений! Валет убит, девятка взяла. Что там, что у тебя? И четверка взяла! А гусар, гусар-то, каков гусар? Замечаешь, Ихарев, как уж он мастерски возвышает ставки! А туз все еще не выходит. Что ж ты, Швохнев, не наливаешь ему? Вона, вона, вон туз! Вон уж Кругель потащил себе. Немцу всегда везет! Четверка взяла, тройка взяла. Браво, браво, гусар! Слышишь, Швохнев, гусар уже около пяти тысяч в выигрыше.

Г л о в *(перегинает карту)*. Черт побери! Пароле пе! да вон еще девятка на столе, идет и она, и пятьсот рублей мазу!

У т е ш и т е л ь н ы й *(продолжая метать)*. У! молодец гусар! Семерка уби... ах, нет, плие, черт побери, плие, опять плие! А, проиграл гусар. Ну что ж, брат, делать? Не у всякого жена Марья, кому бог дал. Кру-

гель, да полно тебе рассчитывать! ну, ставь эту, которую выдернул. Браво, выиграл гусар! Что ж вы не поздравляете его?

Все пьют и поздравляют его, чокаясь стаканами.

Говорят, пиковая дама всегда продаст, а я не скажу этого. Помнишь, Швохнев, свою брюнетку, что называл ты пиковой дамой? Где-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во все тяжкие. Кругель! твоя убита! *(Ихареву.)* И твоя убита! Швохнев, твоя также убита; гусар также лопнул.

Г л о в. Черт побери, ва-банк!

У т е ш и т е л ь н ы й. Браво, гусар! Вот она наконец настоящая гусарская замашка! Замечаешь, Швохнев, как настоящее чувство всегда выходит наружу? До сих пор все еще в нем было видно, что будет гусар. А теперь видно, что он уж теперь гусар. Вона натура-то как того... Убит гусар.

Г л о в. Ва-банк!

У т е ш и т е л ь н ы й. У! браво, гусар! на все пятьдесят тысяч! Вот оно что называется великодушие! Ну подп-ка поищи, где отыщешь этакую черту?.. Это именно подвиг! Лопнул гусар!

Г л о в. Ва-банк,черт побери, ва-банк!

У т е ш и т е л ь н ы й. Ого-го, гусар! На сто тысяч! Каков, а? А глазки-то, глазки? Замечаешь, Швохнев, как у него глазки горят? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вот он героизм! А короля все нет. Вот тебе, Швохнев, бубновая дама. На, немец, возьми, съешь семерку! Руте, решительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, в колоде нет: право, даже странно. А, вот он, вот он... Лопнул гусар!

Г л о в *(горячась)*. Ва-банк, черт побери, ва-банк!

У т е ш и т е л ь н ы й. Нет, брат, стой! Ты уж просадил двести тысяч. Прежде заплати, без этого нельзя начинать новой игры. Мы так много не можем тебе верить.

Г л о в. Да где ж у меня? у меня теперь нет.

У т е ш и т е л ь н ы й. Дай нам вексель, подпишись.

Г л о в. Извольте, я готов. *(Берет перо.)*

Утешительный. Да и доверенность на получение денег тоже отдай нам.

Глов. Вот вам и доверенность.

Утешительный. Теперь подпиши вот это да вот это. *(Дает ему подписаться.)*

Глов. Извольте, я готов все сделать. Ну, вот я и подписал. Ну, давайте ж играть!

Утешительный. Нет, брат, постой, покажи-ка прежде деньги!

Глов. Да я вам заплачу. Уж будьте уверены.

Утешительный. Нет, брат, деньги на стол!

Глов. Да что ж это?.. Ведь это просто подлость.

Кругель. Нет, это не подлость.

Ихарев. Нет, это совсем другое дело. Шансы, брат, не равны.

Швохнев. Этак ты, пожалуй, сядешь с тем, чтоб обыграть нас. Дело известное: кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть наверное.

Глов. Ну, что ж? чего вы хотите? назначьте какие угодно проценты, я на всё готов. Я вдвое заплачу вам.

Утешительный. Что, брат, нам с твоих процентов? Мы сами готовы тебе заплатить какие угодно проценты, дай только нам взаймы.

Глов *(отчаянно и решительно)*. Ну, так скажите последнее слово: не хотите играть?

Швохнев. Принеси деньги, сейчас станем играть.

Глов *(вынимая из кармана пистолет)*. Ну, так прощайте же, господа! Больше вы меня не встретите на этом свете. *(Убегает с пистолетом.)*

Утешительный *(в испуге)*. Ты! ты! что ты? с ума сошел! Побежать за ним, в самом деле чтоб еще как-нибудь не застрелился. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Еще выйдет история, если этот черт вздумает застрелиться.

Швохнев. Черт его возьми, пусть себе стреляется,

да не теперь только: еще деньги не в наших руках. Вот беда!

Кругель. Я всего боюсь. Это так возможно...

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же, Утешительный и Глов.

Утешительный *(держа Глова за руку с пистолетом)*. Что ты, что ты, брат, рехнулся? Слышите, слышите, господа, уж пистолет вздумал было всунуть в рот, а? Стыдись!

Все *(приступая к нему)*. Что ты? что ты? Помилуй, что ты?

Швохнев. А еще и умный человек, из дряни вздумал стреляться.

Ихарев. Этак, пожалуй, вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проиграться. Да если бы этого не было, так как же можно выиграть? ты посуди только сам.

Утешительный. Ты дурак просто, позволь тебе сказать. Ты счастья своего не видишь. Разве ты не чувствуешь, как ты выиграл тем, что проиграл?

Глов *(с досадой)*. Что ж вы, в самом деле, меня уж за дурака считаете? какой тут выигрыш проиграть двести тысяч! Черт возьми!

Утешительный. Эх ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этим себе славу сделаешь в полку? Слышь, безделица! Еще не будучи юнкером, да уж проиграл двести тысяч! Да тебя гусары на руках будут носить.

Глов *(ободрившись)*. Что ж вы думаете? У меня разве не станет духу наплевать на все это, если уж на то пошло? Черт побери, да здравствует гусарство!

Утешительный. Браво! Да здравствуют гусары! Теремтете! Шампанского!

Несут бутылки.

Глов *(с стаканом)*. Да здравствуют гусары!

Ихарев. Да здравствуют гусары, черт побери!

Швохнев. Теремтете! да здравствуют гусары!

Г л о в. На всё плюю, когда так!.. *(Ставит на стол стакан.)* Вот беда только: домой как приеду? Отец, отец!.. *(Хватает себя за волосы.)*

У т е ш и т е л ь н ы й. Да зачем тебе ехать к отцу? не нужно!

Г л о в *(вытаращив глаза)*. Как?

У т е ш и т е л ь н ы й. Ты отсюда прямо в полк! Мы тебе дадим на обмундировку. Нужно, брат Швохнев, дать ему теперь рублей двести, пусть его погуляет юнкер! Там, я уж заметил, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Г л о в. Черт побери, побегу прямо к ней, возьму приступом!

У т е ш и т е л ь н ы й. Каков гусар, а? Швохнев, нет у тебя двухсотрублевой?

И х а р е в. Да вот уж я ему дам, пусть его погуляет на славу!

Г л о в *(берет ассигнацию и, помахивая ею на воздухе)*. Шампанского!

В с е. Шампанского!

Несут бутылки.

Г л о в. Да здравствуют гусары!

У т е ш и т е л ь н ы й. Да здравствуют!.. Знаешь ли, Швохнев, что мне пришло на ум? Покачаем его на руках так, как у нас качали в полку! Ну, приступай, бери его!

Все приступают к нему, схватывают его за руки и ноги, качают, припевая на известный припев известную песню:

Мы тебя любим сердечно,
Будь ты начальник наш вечно!
Наши зажег ты сердца,
Мы в тебе видим отца!

Г л о в *(с поднятой рюмкой)*. Ура!

В с е. Ура!

Становят его на землю. Глов хлопнул рюмку об пол, все разбивают тоже свои рюмки, кто о каблук своего сапога, кто о пол.

Г л о в. Иду прямо к ней!

У т е ш и т е л ь н ы й. А нам нельзя за тобой, а?

Глов. Ни... никому! А кто сколько-нибудь... разделка на саблях!

Утешительный. У! Рубака какой! а? Ревнив и задорен, как черт. Я думаю, господа, что из него просто выйдет Бурцов иора, забияка. Ну, прощай, прощай, гусар, не держим тебя!

Глов. Прощайте.

Швохнев. Да приходи нам после рассказать.

Глов уходит.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же, кроме Глова.

Утешительный. Нужно его покамест ласкать, пока еще деньги не в наших руках; а там черт с ним!

Швохнев. Одного боюсь я, чтоб как-нибудь не затянулась в приказе выдача денег.

Утешительный. Да, это будет скверно, а впрочем... ведь на это, сами знаете, есть понукатели. Как ни ворочай, а все-таки придется всунуть в руку тому и другому для соблюдения порядка.

ЯВЛЕНИЕ XX

Те же и чиновник Замухрышкин (высовывает голову в дверь; одет в несколько поношенном фраке).

Замухрышкин. Позвольте узнать: не здесь ли Глов Александр Михалович?

Швохнев. Нет. Он сейчас вышел. А что вам угодно?

Замухрышкин. Да вот по делу их насчет выдачи денег.

Утешительный. А вы кто?

Замухрышкин. Да я чиновник из приказа.

Утешительный. А, милости просим! Прошу покорнейше садиться! В этом деле мы все принимаем живейшее участие. Тем более что заключили кое-какие дружелюбные сделки с Александр Михаловичем. И потому можете понять, что вот и от него, и от него, и от

него *(указывая пальцами на всех)* будет искреннейшая благодарность. Дело в том только, чтобы скорее как можно получить из приказа деньги.

Замухрышкин. Да уж как хотите, раньше двух недель никак нельзя.

Утешительный. Нет, это страшно далеко. Ведь вы всё позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкин. Да уж это само собой. Все это приемлется. Как это позабыть? Мы потому и говорим «две недели», а то бы, пожалуй, вы и три месяца у нас провозились. Деньги к нам придут не раньше как через полторы недели, а теперь во всем приказе ни копейки. На прошлой неделе получили полтораста тысяч, все роздали; три помещика ожидают, еще с февраля заложили имение.

Утешительный. Ну, это так для других, а для нас по дружбе... Нужно, чтобы мы с вами покороче познакомились... Ну, да что?.. да и люди свои! Ну, как вас зовут? как? Фентефлей Перпентьич, что ли?

Замухрышкин. Псой Стахич-с.

Утешительный. Ну, все одно почти. Ну, так послушайте, Псой Стахич! Будем так, как давние приятели. Ну, что, как вы? как делишки, как служба ваша?

Замухрышкин. Да что служба? Известное дело — служим.

Утешительный. Ну, а доходов по службе этих, знаете, разных... а просто, много ли берете?

Замухрышкин. Конечно, сами посудите, с чего ж и жить?

Утешительный. Ну что, как в приказе у вас, скажите откровенно, все хапуги?

Замухрышкин. Ну что! Вы уж, я вижу, смеетесь! Эх, господа!.. Ведь вот тоже и господа сочинители всё подсмеиваются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь хорошенько, так взятки берут и те, которые повыше нас. Ну да вот хоть и вы, господа, только разве что придумали названья поблагороднеи: пожертвованье там или так, бог ведает, что такое. А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках.

Утешительный. Вот уж Псой Стахич и обиделся, как я вижу,— вот что значит задеть за честь!

Замухрышкин. Да ведь честь, сами знаете, дело щекотливое. А сердиться тут не из чего. Я уж, батюшка, прожил свое.

Утешительный. Ну, полно, поговоримте подружески, Псой Стахич! Ну что ж, как вы? Как у вас? Как поживаете? Как маячитесь на свете? Есть женушка, детки?

Замухрышкин. Слава богу. Бог наградил. Двое сыновей уж в уездное училище ходят. Два других поменьше. Один бегает пока в рубашонке, а другой на карачках ползает.

Утешительный. Ну, а ручонками, я чай, уже все этак *(показывает рукою, как будто берет деньги)* умеют?

Замухрышкин. Ведь вот вы, право, какие, господа! ведь вот опять начали!

Утешительный. Ничего, ничего, Псой Стахич! ведь это по дружбе. Ну что ж тут такого? свои! Эй, дай-ка бокал шампанского Псою Стахичу! скорей! Мы ведь теперь должны быть как короткие знакомые. Вот мы к вам соберемся тоже в гости.

Замухрышкин *(принимая бокал)*. А милости просим, господа! Откровенно вам скажу, что такого чаю, как вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утешительный. Небось даровой, от купца?

Замухрышкин. От купца-с, выписной из Кяхты.

Утешительный. Да как же, Псой Стахич? Ведь вы дел с купцами не имеете?

Замухрышкин *(выпив бокал и упираясь руками в колени)*. А вот как: купец здесь больше по причине глупости своей должен был приплатиться. Помещик Фракасов, если изволите знать, закладывает имение, все уж сделано как следует, завтра остается получить деньги. Затеяли они завод какой-то в половине с купцом. Ну, нам-то, понимаете, какое дело знать, на завод ли, или на что другое нужны деньги, и с кем он в половине. Это не наша часть. Да купец по глупости своей и проговорись в городе, что он с ним в половине

и ждет от него с часу на час денег. Мы и подослали к нему сказать, что вот пришли две тысячи, сейчас выдадут деньги, а не то — будешь ждать! А уж к нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы, и посуду, ожидают только задатков. Купец видит, плетью обуха не перешибешь, заплатил две тысячи да по три фунтика чаю каждому из нас. Скажут — взятка, да ведь за дело: не будь глуп; кто его толкал, языка разве не мог придержать?

Утешительный. Послушайте, Псой Стахич, ну, пожалуйста же, насчет этого дельца. Мы уж вам дадим, а вы уж там с начальниками своими сделайтесь как следует. Только, ради бога, Псой Стахич, поскорее, а?

Замухрышкин. Да будем стараться. *(Вставая.)* Но откровенно скажу вам: так скоро, как вы хотите, нельзя. Пред богом, в приказе ни копейки денег. А будем стараться.

Утешительный. Ну, как вас там спросить?

Замухрышкин. Так и спросите: Псой Стахич Замухрышкин. Прощайте, господа! *(Идет к дверям.)*

Швохнев. Псой Стахич, а Псой Стахич! *(Оглядывается.)* Постарайтесь!

Утешительный. Псой Стахич, Псой Стахич, выручайте поскорее!

Замухрышкин *(уходя)*. Да уж сказал. Будем стараться.

Утешительный. Черт побери, как это долго! *(Бьет себя рукой по лбу.)* Нет, побегу, побегу за ним, авось что-нибудь успею, не пожалею денег. Черт его побери, три тысячи дам ему своих. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ XXI

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Конечно, лучше если бы получить поскорее.

Швохнев. Да уж как нам нужно! как нам нужно!

Кругель. Эх, если бы он уломал его как-нибудь!

Ихарев. Да что, разве ваши дела..,

ЯВЛЕНИЕ XXII

Те же и Утешительный.

Утешительный *(входит с отчаяньем)*. Черт побери, раньше четырех дней никак не может. Я готов просто лоб расшибить себе об стену.

Ихарев. Да что тебе так приспичило? Неужто четырех дней нельзя обождать?

Швохнев. В том-то и штука, брат, что для нас это слишком важно.

Утешительный. Обождать! Да знаешь ли, что нас в Нижнем с часу на час ждут? Мы тебе не сказывали еще, а уж четыре дня назад тому мы имеем известие спешить как можно скорее, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денег. Купец привез на шестьсот тысяч железа. Во вторник окончательная сделка, и деньги получает чистоганом; да вчера приехал один с пенькой на полмиллиона.

Ихарев. Ну так что ж?

Утешительный. Как что ж? Да ведь старики-то остались дома, а выслали вместо себя сыновей.

Ихарев. Да будто сыновья уж непременно станут играть?

Утешительный. Да где ты живешь, в китайском государстве, что ли? Не знаешь, что такое купеческие сынки? Ведь купец как воспитывает сына? или чтоб он ничего не знал, или чтобы знал то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, он уж так и глядит — ходит под руку с офицерами, кутит. Это, брат, для нас самый выгодный народ. Они, дурачье, не знают, что за всякий рубль, который они выплутуют у нас, они нам платят тысячами. Да это счастье наше, что купец только и думает о том, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чин.

Ихарев. И дела совершенно верные?

Утешительный. Как не верные! Уж нас не уведомляли бы. Всё почти в наших руках. Теперь всякая минута дорога.

Ихарев. Эх, черт возьми! что ж мы сидим? Господа, а ведь условие-то действовать вместе!

Утешительный. Да, в этом наша польза. Послушай, что мне пришло на ум. Тебе ведь спешить пока еще незачем. Деньги у тебя есть, восемьдесят тысяч. Дай их нам, а от нас возьми векселя Глова. Ты верных получаешь полтораста тысяч, стало быть ровно вдвое, а нас ты даже одолжишь еще, потому что деньги нам теперь так нужны, что мы с радостью готовы платить алтын за всякую копейку.

Ихарев. Извольте, почему нет; чтобы доказать вам, что узы товарищества... *(Подходит к шкатулке и вынимает кипу ассигнаций.)* Вот вам восемьдесят тысяч!

Утешительный. А вот тебе и векселя! Теперь я побегу сейчас за Гловым; нужно его привесть и всё устроить по форме. Кругель, отнеси деньги в мою комнату; вот тебе ключ от моей шкатулки.

Кругель уходит.

Эх, если бы так устроить, чтобы к вечеру можно было ехать. *(Уходит.)*

Ихарев. Натурально, натурально. Тут и минуты незачем терять.

Швохнев. А тебе советую тоже не засиживаться. Как только деньги получишь, сейчас приезжай к нам. С двумястами тысяч знаешь что можно сделать? Просто ярмонку можно подорвать... Ах, я и позабыл сказать Кругелю пренужное дело. Погоди, я сейчас возвращусь. *(Поспешно уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Ихарев один.

Каков ход приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесят тысяч, а к вечеру уже двести. А? Ведь это для иного век службы, трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья. А тут в несколько часов, в несколько минут — владетельный принц! Шутка — двести тысяч! Да где теперь найдешь двести тысяч? Какое имение, какая фабрика даст двести ты-

сяч? Воображаю, хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился с старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегодного дохода. А образованье-то разве пустая вещь? Невежество-то, которое приобретешь в деревне, ведь его ножом после не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки с старостой, с мужиком... Да я хочу с образованным человеком поговорить! Теперь вот я обеспечен. Теперь время у меня свободно. Могу заняться тем, что споспешествует к образованью. Захочу поехать в Петербург — поеду и в Петербург. Посмотрю театр, Монетный двор, пройдусь мимо дворца, по Аглицкой набережной, в Летнем саду. Поеду в Москву, пообедаю у Яра. Могу одеться по столичному образцу, могу стать наравне с другими, исполнить долг просвещенного человека. А что всему причина? чему обязан? Именно тому, что называют плутовством. И вздор, вовсе не плутовство! Плутом можно сделаться в одну минуту, а ведь тут практика, изученье. Ну, положим — плутовство. Да ведь необходимая вещь: что ж можно без него сделать? Оно некоторым образом предостерегательство. Ну, не знай я, например, всех тонкостей, не постигни всего этого — меня бы как раз обманули. Ведь вот же хотели обмануть, да увидели, что дело не с простым человеком имеют, сами прибегнули к моей помощи. Нет, ум великая вещь. В свете нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно с другой точки. Этак прожить, как дурак проживет, это не штука, но прожить с тонкостью, с искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому — вот настоящая задача и цель!

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Ихарев и Глов, вбегающий торопливо.

Глов. Где ж они? Я сейчас был в комнате, там пусто.

Ихарев. Да они сию минуту здесь были. На минуту вышли.

Глов. Как, вышли уж? и деньги у тебя взяли?

Ихарев. Да, мы с ними сделались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНИЕ XXV

Те же и Алексей.

А л е к с е й *(обращаясь к Глову)*. Изволили спрашивать, где господа?

Г л о в. Да.

А л е к с е й. Да они уж уехали.

Г л о в. Как уехали?

А л е к с е й. Да так-с. Уж у них с полчаса стояла тележка и готовые лошади.

Г л о в *(всплеснув руками)*. Ну, мы надуты оба!

И х а р е в. Что за вздор! Я не могу понять ни одного слова. Утешительный сию минуту должен возвратиться сюда. Ведь ты знаешь, что теперь должен весь долг твой заплатить мне. Они перевели.

Г л о в. Какой черт долг! Получишь ты долг! Разве ты не чувствуешь, что в дураках и проведен, как пошлый пень?

И х а р е в. Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сих пор в голове хмель распоряжается.

Г л о в. Ну, видно, хмель у обоих нас. Да проснись ты! Думаешь, я Глов? Я такой же Глов, как ты китайский император.

И х а р е в *(беспокойно)*. Что ты, помилуй, что за вздор? И отец твой... и...

Г л о в. Старик-то? Во-первых, он и не отец, да и черт ли и будут от него дети! А во-вторых, тоже не Глов, а Крыницын, да и не Михал Александрович, а Иван Климыч, из их же компании.

И х а р е в. Послушай, ты! говори сурьезно, этим не шутят!

Г л о в. Какие шутки! Я сам участвовал и также обманут. Мне обещали три тысячи за труды.

И х а р е в *(подходя к нему, запальчиво)*. Эй, не шути, говорю тебе! Думаешь, я уж дурак такой... И доверенность, и приказ... и чиновник сейчас был из приказа, Псой Стахич Замухрышкин. Ты думаешь, я не могу за ним сейчас послать?

Г л о в. Во-первых, он и не чиновник из приказа, а отставной штабс-капитан из их же компании, да и не

Замухрышкин, а Мурзафейкин, да и не Псой Стахич, а Флор Семенович!

Ихарев *(отчаянно)*. Да ты кто? черт, ты говори, кто ты?

Глов. Да кто я? Я был благородный человек, поневоле стал плутом. Меня обыграли в пух, рубашки не оставили. Что ж мне делать, не умереть же с голода? За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебе это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихарев *(в бешенстве схватывает за воротник его)*. Мошенник ты!..

Алексей *(в сторону)*. Ну, дело-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться! *(Уходит.)*

Ихарев *(таща его)*. Пойдем! пойдем!

Глов. Куда, куда?

Ихарев. Куда? *(В исступлении.)* Куда? к правосудью! к правосудью!

Глов. Помилуй, не имеешь никакого права.

Ихарев. Как! не имею права? Обворовать, украсть деньги среди дня, мошенническим образом! Не имею права? Действовать плутовскими средствами! Не имею права? А вот ты у меня в тюрьме, в Нерчинске, скажешь, что не имею права! Вот погоди, переловят всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, как обманывать доверие и честность добродушных людей. Закон! закон! закон призову! *(Тащит его.)*

Глов. Да ведь закон ты мог бы призвать тогда, если бы сам не действовал противузаконным образом. Но вспомни: ведь ты соединился вместе с ними с тем, чтобы обмануть и обыграть наверное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нет, брат! В том и штука, что ты не имеешь никакого права жаловаться!

Ихарев *(в отчаянье бьет себя рукой по лбу)*. Черт побери, в самом деле!.. *(В изнеможении упадает на стул.)*

Глов между тем убегает.

Но только какой дьявольский обман!

Глов *(выглядывая в дверь)*. Утешься! Ведь тебе еще с полугоря! У тебя есть Аделаида Ивановна! *(Исчезает.)*

И х а р е в *(в ярости)*. Черт побери Аделаиду Ивановну! *(Схватывает Аделаиду Ивановну и швыряет ею в дверь. Дамы и двойки летят на пол.)* Ведь существуют же к стыду и поношенью человеков эдакие мошенники! Но только я просто готов сойти с ума — как это все было чертовски разыграно! как тонко! И отец, и сын, и чиновник Замухрышкин! И концы все спрятаны! И жаловаться даже не могу! *(Схватывается со стула и в волнении ходит по комнате.)* Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, изыскивай средства!.. Черт побери, не стоит просто ни благородного рвенья, ни трудов! Тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует! мошенник, который за один раз подорвет строение, над которым работал несколько лет! *(С досадой махнув рукой.)* Черт возьми! Такая уж надувательная земля! Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон подержанными картами!

УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

I

Кабинет; несколько шкафов с книгами; на столе разбросаны бумаги. Иван Петрович, деловой человек, потягиваясь, выходит в халате и звонит. Из передней слышен голос: «Сейчас!» Иван Петрович звонит во второй раз — опять тот же голос: «Сейчас!» Иван Петрович с нетерпением звонит в третий раз; входит слуга.

Иван Петрович. Что ты, оглох?

Лакей. Никак нет.

Иван Петрович. Что ж ты не изволил являться, когда я звоню в третий раз?

Лакей. Как же прикажете: мне нельзя было бросить дела, я сапоги чистил.

Иван Петрович. А Иван что делал?

Лакей. Иван мел комнату, а потом пошел в конюшню.

Иван Петрович. Подай сюда собачку.

Лакей приносит собачку.

Зюзюшка! Зюзюшка! а Зюзюшка! Вот я тебе бумажку привяжу. *(Нацепляет ей на хвост бумажку.)*

Вбегает другой лакей: «Александр Иванович!»

Проси. *(Бросает поспешно собачку и развертывает свод законов.)*

II

Иван Петрович и Александр Иванович, также деловой человек.

Александр Иванович. Доброго утра, Иван Петрович!

Иван Петрович. Как здоровье ваше, Александр Иванович?

Александр Иванович. Очень благодарен. Не помешал ли я вам?

Иван Петрович. О, как можно! Ведь я всегда занят. Ну что, в котором часу приехали домой?

Александр Иванович. Час шестой был. Я как поворотил из Офицерской, то спросил, подъезжая к будочнику: «Не слышал ли, братец, который час?» — «Да шестой уже, говорит, пробило». Вот я и узнал, что уж был шестой час.

Иван Петрович. Представьте, я сам почти в то же время. Ну что, каков был вистец, хе, хе, хе?

Александр Иванович. Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мне даже во сне он мерещился.

Иван Петрович. Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что это значит, что он кладет короля? У меня ведь на руках сам-третей дама крестов, а у Лукьяна Федосеевича, я давно вижу, что ренонс.

Александр Иванович. Длиннее всего тянулся восьмой робер.

Иван Петрович. Да. *(Помолчав.)* Я уже мигаю Лукьяну Федосеевичу, чтоб он козырял,— нет. А ведь тут только козырни — валет мой пик и берет.

Александр Иванович. Позвольте, Иван Петрович, валет не берет.

Иван Петрович. Берет.

Александр Иванович. Не берет, потому что вам никоим образом нельзя взять в руку.

Иван Петрович. А семерка пик у Лукьяна Федосеевича? позабыли разве?

Александр Иванович. Да разве у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иван Петрович. Конечно, у него были две пики: четверка, которую он сбросил на даму, и семерка.

Александр Иванович. Только нет, позвольте, Иван Петрович, у него не могло быть больше одной пиковки.

Иван Петрович. Ах, боже мой, Александр Иванович, кому вы это говорите! Две пиковки! Я как теперь помню: четверка и семерка.

Александр Иванович. Четверка была, это так; но семерки не было. Ведь он бы козырнул; согласитесь сами, ведь он бы козырнул?

Иван Петрович. Ей-богу, Александр Иванович, ей-богу!

Александр Иванович. Нет, Иван Петрович. Это совершенно невозможное дело.

Иван Петрович. Да позвольте, Александр Иванович! Вот лучше всего: поедем завтра к Лукьяну Федосеевичу. Согласны ли вы?

Александр Иванович. Хорошо.

Иван Петрович. Ну, и спросим у него лично: была ли на руках у него семерка пик?

Александр Иванович. Извольте, я не прочь. Впрочем, если посудить, странно, что Лукьян Федосеевич так дурно играет. Ведь нельзя сказать, чтобы он был без ума. Человек тонкий и в обращении...

Иван Петрович. И прибавьте: больших сведений! человек, каких, сказать по секрету, у нас мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства?

Александр Иванович. Был. Я теперь только от него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Ведь я, как, думаю, вам известно, имею обыкновение носить лосиновую фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притом не горячит. По этому-то случаю я велел себе подать шубу. Приезжаю к его высокопревосходительству — его высокопревосходительство еще спит. Однако ж я дождался. Ну, тут пошли рассказы о том и о сем.

Иван Петрович. А про меня не было ничего говорено?

Александр Иванович. Как же, было и про вас. Да еще прелюбопытный вышел разговор.

Иван Петрович *(оживляется)*. Что, что такое?

Александр Иванович. Позвольте, позвольте рассказать по порядку. Тут презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочим, спросил, где я бываю, что так давно он меня не видит? и пожелал узнать о вчерашней вечеринке и кто был. Я сказал: «Были, ваше высокопревосходительство, Павел Григорьевич Борщов, Илья Владимирович Бубуницын». Его высокопревосходительство после каждого слова говорил: «Гм!» Я сказал: «И еще был один известный вашему высокопревосходительству...»

Иван Петрович. Кто ж это такой?

Александр Иванович. Позвольте! что ж бы, вы думали, сказал на это его высокопревосходительство?

Иван Петрович. Не знаю.

Александр Иванович. Он сказал: «Кто ж бы это такой?» — «Иван Петрович Барсуков»,— отвечал я. «Гм! — сказал его высокопревосходительство,— это чиновник и притом...» *(Поднимает вверх глаза.)* Довольно хорошо у вас потолки расписаны: на свой или хозяйский счет?

Иван Петрович. Нет, ведь это казенная квартира.

Александр Иванович. Очень, очень недурно: корзиночки, лира, вокруг сухарики, бубны и барабан! очень, очень натурально!

Иван Петрович *(с нетерпением)*. Так что же сказал его высокопревосходительство?

Александр Иванович. Да, я и позабыл. Что ж он сказал?

Иван Петрович. Сказал «гм!» его высокопревосходительство; «это чиновник...»

Александр Иванович. Да, да; «это чиновник», ну, «и... служит у меня». После того разговор не был уже так интересен и начался об обыкновенных вещах.

Иван Петрович. А больше ничего не заговаривал обо мне?

Александр Иванович. Нет.

Иван Петрович *(про себя)*. Ну, покамест еще не много. Господи боже мой! ну что, если бы сказал он: «Такого-то Барсукова, в уважение тех и тех и прочих заслуг его, представляю...»

III

Те же и Шрейдер (выглядывает в дверь).

Иван Петрович. Войдите, войдите; ничего, пожалуйте сюда. Что, это для доклада?

Шрейдер. Для подписания. Здесь отношение в палату и рапорт управляющему.

Иван Петрович *(между тем читает)*. «...Господину управляющему...» Это что значит? у вас поля по краям бумаги неровны. Как же это? Знаете ли, что вас можно посадить под арест?.. *(Устремляет на него глубокомысленный взор.)*

Шрейдер. Я говорил об этом Ивану Ивановичу: он мне сказал, что министр не будет смотреть на эту мелочь.

Иван Петрович. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо так говорить. Я сам то же думаю: министр точно не войдет в это. Ну, а вдруг вздумается?

Шрейдер. Можно переписать; только будет поздно. Но так как изволили сами сказать, что министр не войдет...

Иван Петрович. Так! это все правда. Я с вами совершенно согласен: он не займется этими пустяками. Ну, а в случае так ему придется: «Дай-ка посмотрю, велико ли место остается для полей?»

Шрейдер. Если так, я сейчас перепишу.

Иван Петрович. То-то «если так». Ведь я с вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались в университете. С другим бы я не стал тратить слов.

Шрейдер. Я осмелился только потому, что господин министр...

Иван Петрович. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я с вами не спорю ни на волос. Так, министр на это никогда не посмотрит и не вспомнит даже про это. Ну а вдруг... Что тогда?

Шрейдер. Я перепишу. *(Уходит.)*

IV

Иван Петрович *(пожимая плечами, оборачивается к Александру Ивановичу)*. Все еще ветер ходит в голове! Порядочный молодой человек, недавно из университета, но вот тут *(показывая на лоб)* нет. Вы себе не можете представить, почтеннейший Александр Иванович, скольких трудов мне стоило привесть все это в порядок; посмотрели бы вы, в каком виде принял я нынешнее место! Вообразите, что ни один канцелярский не умел порядочно буквы написать. Смотришь: иной «къ» перенесет в другую строку; иной в одной строке пишет: «си», а в другой: «ятельству». Словом сказать: это был ужас! столпотворение вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, дух торжествует. А порядок? порядок во всем!

Александр Иванович. Так вам чины, можно сказать, потом и кровью достались.

Иван Петрович *(вздохнув)*. Именно потом и кровью. Что ж будете делать, ведь у меня такой характер. Чем бы я теперь не был, если бы сам доискивался? У меня бы места на груди не нашлось для орденов. Но что прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нет, это не мое дело! Другие выигрывают беспрестанно... А у меня уж такой характер: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! *(Вздохнуеши.)* Мне бы теперь одного только хотелось — если б получить хоть орденок на шею. Не потому, чтобы это слишком занимало, но единственно чтобы видели только внимание ко мне начальства. Я вас буду просить, великодушнейший Александр Иванович, этак при случае, натурально мимоходом, намекнуть его высокопревосходительству: что у Барсу-

кова-де в канцелярии такой порядок, какой вы редко где встречали, или что-нибудь подобное.

Александр Иванович. С большим удовольствием, если представится случай...

V

Те же и Катерина Александровна, жена Ивана Петровича.

Катерина Александровна *(увидев Александра Ивановича)*. А! Александр Иванович! Боже мой, как давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Фоминишна?

Александр Иванович. Слава богу! неделю, впрочем, назад было захворала.

Катерина Александровна. Э!

Александр Иванович. В груди под ложечкой сделалась колика и стеснение. Доктор прописал очистительное и припарку из ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна. Вы бы попробовали омеопатического средства.

Иван Петрович. Чудно, право, как подумаешь, до чего не доходит просвещение. Вот, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатию. Недавно был я в представлении. Что ж бы вы думали? Мальчишка, росту, как бы вам сказать, вот этакого *(показывает рукою)*, лет трех, не больше: посмотрели бы вы, как он пляшет на тончайшем канате! Я вас уверяю сурьезно, что дух занимается от страху.

Александр Иванович. Очень хорошо поет Мелас.

Иван Петрович *(значительно)*. Мелас? О да! с большим чувством!

Александр Иванович. Очень хорошо.

Иван Петрович. Заметили ли вы, как она ловко берет вот это?.. *(Вертит рукою перед глазами.)*

Александр Иванович. Именно, это она удивительно хорошо берет. Однако уж скоро два часа.

Иван Петрович. Куда же это вы, Александр Иванович?

Александр Иванович. Пора! Мне нужно еще места в три заехать до обеда.

Иван Петрович. Ну, так до свидания! Когда ж увидимся? Да, я и позабыл: ведь мы завтра у Лукьяна Федосеевича?

Александр Иванович. Непременно. *(Кланяется.)*

Катерина Александровна. Прощайте, Александр Иванович!

Александр Иванович *(в лакейской, накидывая шубу)*: Не терплю я людей такого рода. Ничего не делает, жиреет только, а прикидывается, что он такой, сякой, и то наделал, и то поправил. Вишь, чего захотел! ордена! И ведь получит, мошенник! получит! Этакие люди всегда успевают. А я? ведь пятью годами старее его по службе, и до сих пор не представлен. Какая противная физиономия! И разнежился: ему совсем не хотелось бы, но только для того, чтобы показать внимание начальства. Еще просит, чтобы я замолвил за него! Да, нашел кого просить, голубчик! Я таки тебе удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! *(Подтвердительно ударяет несколько раз кулаком по ладони и уходит.)*

ТЯЖБА

I

Кабинет. Пролетов, сенатский обер-секретарь, один сидит в креслах и поминутно икает.

Что это у меня? точно отрыжка! вчерашний обед засел в горле; эти грибки да ботвиньи!.. Ешь, ешь, просто черт знает чего не ешь! *(Икает.)* Вот оно! *(Икает.)* Еще! *(Икает.)* Еще раз! *(Икает.)* Ну, теперь в четвертый! *(Икает.)* Туды к черту, и в четвертый! Прочитать еще «Северную пчелу», что там такое? Надоела мне эта «Северная пчела»: точь-в-точь баба, засидевшаяся в девках. *(Читает и вскрикивает.)* Крахманову награда! а? Петрушке Крахманову! Вот каким был мальчишкой *(показывает рукой)*, я поместил сам его кадетом в корпус, а? *(Продолжает читать и вскрикивает, вытаращив глаза.)* Что это? что это? Неужели Бурдюков? Да, он, Павел Петрович Бурдюков, произведен! а? каково? Взяточник, два раза был под судом, отец — вор, обокрал казну, гнуснейший человек, какого только можно представить себе,— каково? И ведь весь свет почитает его за прямодушного человека! Подлец! Говорит: «Дело Бухтелева решено не так, сенат не вникнул»,— а? Просто, подлец, узнал, что на мою долю пришлось двадцать тысяч,— так вот зачем не ему! Как собака на сене: ни себе, ни другим. Ну, да я знаю тебя, ступай

морочь других, прикидывайся перед другими. Я слышал про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянул в газету, прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость — и больше ничего. Эй, Андрей!

II

Лакей *(входя)*. Чего изволите-с?

Пролетов. Возьми вон эту газету! И к чему, зачем ты принес эту газету? Дурак этакой!

Андрей уносит газету.

Каков Бурдюков, а? Вот кого, не говоря дальних слов, упрятал бы в Камчатку. С большим наслаждением, признаюсь, нагадил бы ему, хоть сию минуту, да вот до сих пор нет да и нет случая. Что прикажешь делать? Разгневался бог. А я бы тебя погладил, мазнул бы тебя по губам. Да уж и губы зато какие! как у вола, у канальи.

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что?

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что ты вздор несешь!

Лакей. Так точно-с.

Пролетов. Врешь ты, дурак! Бурдюков, ко мне? Павел Петрович Бурдюков!

Лакей. Нет, не Павел Петрович, а другой какой-то.

Пролетов. Какой другой?

Лакей. Да вот извольте сами видеть: он здесь.

Пролетов. Проси.

III

Пролетов и Христофор Петрович Бурдюков.

Бурдюков. Прошу извинить за беспокойство, что наношу вам. Обстоятельства и дела понудили оставить городишку. Приехал просить личной помощи, заступничества.

Пролетов *(в сторону)*. Это, точно, другой; а есть, однако же, какое-то сходство. *(Вслух.)* Что прикажете? в чем могу быть вам полезным?

Бурдюков *(с пожатием плеч)*. Дело, тяжба!

Пролетов. Тяжба? с кем?

Бурдюков. С родным братом.

Пролетов. Прежде позвольте узнать фамилию, а потом изъясните свое дело. Прошу покорно садиться.

Бурдюков. Фамилия: Бурдюков, Христофор Петров сын, а дело с родным братом, Павлом Петровым Бурдюковым.

Пролетов. Что вы!! Что? нет!

Бурдюков. Да что ж вы на меня уставили глаза? Или думаете, я бы захотел оставлять напрасно Тамбов и скакать на почтовых?

Пролетов. Господи благослови вас за такое доброе дело! Позвольте с вами покороче познакомиться. Умнее этого дела вы не могли никогда бы придумать. Вот рассказывай теперь, что нет великодушия и справедливости! А это что же? Ведь вот родной брат, узы крови, связи, а ведь не пощадил! На брата — процесс! Позвольте вас обнять.

Бурдюков. Извольте! я сам обниму вас за такую готовность.

Обнимаются.

А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физиогномию, никак нельзя было думать, чтобы вы были путный человек.

Пролетов. Вот тебе раз! Как так?

Бурдюков. Да сурьезно. Позвольте спросить: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетов. Что за чепуху несет он?

Бурдюков. Нет, я вам скажу, вы не будьте в претензии, это очень часто случается. Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья, так сказать, как будто отрезана, и поросла шерстью, совершенно как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди к окну баран и нелегкая подстрекни его заблеять.

П р о л е т о в. Ну, оставим в покое заседателя и барана. Как же я рад!

Б у р д ю к о в. А уж я как рад, приобретши такое покровительство! Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, вижу, что лицо ваше как будто знакомо: у нас в карабинерном полку был поручик, вот как две капли воды похож на вас! Пьяница страшнейший! то есть я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

П р о л е т о в *(в сторону)*. У этого уездного медведя, как видно, нет совсем обычая держать язык за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душе,— у него на языке. *(Вслух.)* Времени у меня немного; пожалуйста, приступим же к делу.

Б у р д ю к о в. Позвольте, сидя не расскажешь. Это дело казусное! Знавали ли в Устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову? не знали? хорошо. Она доводится родной теткой мне и бестии моему брату. У ней ближайшими наследниками я да брат — изволите видеть: вот оно куды пошло! Кроме того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова, та и без того получила следуемую ей часть. Позвольте: вот этот мошенник, брат,— он на это хоть черту в дядьки годится,— вот и подъехал он к ней: «Вы-де, тетушка, уже прожили, слава богу, семьдесят лет; где уже вам в таких преклонных летах мешаться самим в хозяйство: пусть лучше я буду приберегать и кормить». Вона! замечайте, замечайте! Переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

П р о л е т о в. Слышу.

Б у р д ю к о в. То-то! Да. Вот занемогает тетушка, отчего — бог знает: может быть, он сам и подсунул ей чего-нибудь. Мне дают уже знать стороною. Замечайте! Приезжаю: в сенях встречает меня эта бестия, то есть брат, в слезах, так весь и заливается, и растаял, и говорит: «Ну, говорит, братец, навеки мы несчастны с тобою: благодетельница наша...» — «Что, отдала богу душу?» — «Нет, при смерти». Я вхожу — и точно, тетушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну что ж? плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

Пролетов. Не поможет.

Бурдюков. Ну что ж? нечего делать! так, видно, богу угодно! Я приступил поближе. «Ну, говорю, тетушка, мы все смертны, один бог, как говорят, не сегодня, так завтра властен в нашей жизни: так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение?» Что ж тетушка? Я вижу, не может уже языком поворотить, и только сказала: «э... э... э...» А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: «Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите?

Пролетов. Как же! да ведь она разве сказала это?

Бурдюков. Кой черт сказала! Она сказала только: «э... э... э...» Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: «э, э, э». А тот подлец опять: «Тетушка говорит, что все распоряжение по этой части находится в духовном завещании». Слышите? слышите? Что ж мне было делать? я замолчал и не сказал ни слова.

Пролетов. Однако ж позвольте: как же вы не уличили тут же их во лжи?

Бурдюков. Что ж? *(Размахивает руками.)* Стали божиться, что она, точно, все это говорила. Ну ведь... и поверил.

Пролетов. А духовное завещание распечатали?

Бурдюков. Распечатали.

Пролетов. Что ж?

Бурдюков. А вот что. Как только все это, как следует, христианским долгом было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего и говорить не может: страданья, отчаянья такие, что люли только! «Возьмите, говорит, читайте сами». Собрались свидетели и прочитали. Как же бы вы думали было написано завещание? А вот как: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову,— слушайте! — в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти,— замечайте! замечайте! — оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде...—

вона! вона! вона куды пошло! — пятьсот ревизских душ, угодья и прочее». А? слышите ли вы это? «Племяннице моей, Марии Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю следуемую ей деревню изо ста душ. Племяннику, — вона! замечайте! вот тут настоящий типун! — Хрисанфию сыну Петрову Бурдюкову,— слушайте, слушайте! — на память обо мне...— ого! го! — завещаю: три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и там черт знает еще какое тряпье! А? как вам кажется? Я спрашиваю: на кой черт мне штаметовые юбки?

Пролетов. Ах он мошенник этакой! Прошу покорно!

Бурдюков. Мошенничество — это так, я с вами согласен; но спрашиваю я вас: на что мне штаметовые юбки? Что я с ними буду делать? разве себе на голову надену?

Пролетов. И свидетели подписались при этом?

Бурдюков. Как же, набрал какой-то сволочи.

Пролетов. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюков. Вот то-то и есть, что подписалась, да черт знает как!

Пролетов Как?

Бурдюков. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетов. Как так?

Бурдюков. Черт знает что такое: ей нужно было написать: «Евдокия»,— а она написала: «Обмокни».

Пролетов. Что вы!

Бурдюков. О, я вам скажу, что он горазд на все. «А племяннику моему Хрисанфию Петрову три штаметовые юбки»!

Пролетов *(в сторону)*. Молодец, однако ж, Павел Петрович Бурдюков; я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так!

Бурдюков *(размахивая руками)*. «Обмокни»! что ж это значит? Ведь это не имя «Обмокни»?

Пролетов. Как же вы намерены поступить теперь?

Б у р д ю к о в. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не «Обмокни».

П р о л е т о в. И хорошо! Позвольте теперь мне за все это взяться. Я сейчас напишу записку к одному знакомому секретарю, а вы между тем доставьте мне копию с завещания вашего.

Б у р д ю к о в. Несказанно обязан вам! *(Берется за шапку.)* А в которые двери нужно выходить — в те или в эти?

П р о л е т о в. Пожалуйте в эти.

Б у р д ю к о в. То-то. Я потому спросил, что мне нужно еще будет по своей надобности. До свидания, почтеннейший. Как вас? Я все позабываю!

П р о л е т о в. Александр Иванович.

Б у р д ю к о в. Александр Иванович! Александр Иванович есть Прольдюковский, вы не знакомы с ним?

П р о л е т о в. Нет.

Б у р д ю к о в. Он еще живет в пяти верстах от моей деревни. Прощайте!

П р о л е т о в. Прощайте, почтеннейший, прощайте!

IV

П р о л е т о в, потом с л у г а.

Вот неожиданный клад! вот подарок! Просто бог на шапку послал. Странно сказать, а по душе чувствуешь такое какое-то эдакое неизъяснимое удовольствие, как будто или жена в первый раз сына родила, или министр поцеловал тебя при всех чиновниках в полном присутствии. Ей-богу! эдакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! ступай сейчас к моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вот тебе на водку, напейся пьян как стелька,— для сегодняшнего дня я тебе позволяю; а вот еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы — сейчас, самонужнейшее дело. А, наконец-таки, насилу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотрим, как ты будешь подплясывать. А уж коли из сенатских музыкантов наберу оркестр, так ты у меня так запляшешь, что во всю жизнь не отдохнут у тебя бока.

ЛАКЕЙСКАЯ

I

Театр представляет переднюю. Направо дверь на лестницу, налево — в зал. На заднем занавесе дверь, несколько сбоку — в кабинет. До самых дверей во всю стену длинная скамья. Петр, Иван и Григорий сидят на ней и спят, уткнувши головы один другому в плечо. В дверях с лестницы звенит громкий звонок. Лакеи пробуждаются.

Григорий. Ступай отвори дверь! звонят!

Петр. Да ты что сидишь? На ногах у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иван (*махнув рукой*). Ну, уж я пойду, так и быть, отворю! *(Отворяя дверь, вскрикивает.)* Это Андрюшка!

Чужой слуга входит в картузе, в шинели и с узелком в руке.

Григорий. А, московская ворона! Откуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ах, ты, чухонский сын! Побегал бы ты с мое. Вон *(подымая узелок)* к цветочнице велела снесть, что на Петербургской. Небось четвертака на извозчика не даст. Да и к вашему тож. Что, спит?

Григорий. Кто? медведь? Нет, еще не рычал из берлоги.

Петр. Правда ли, что барыня ваша дает вам чулки штопать?

Все смеются.

Г р и г о р и й. Ну, уж ты, брат, будь теперь штопальница. Уж мы так и звать тебя будем.

Ч у ж о й л а к е й. Врешь, а вот же и не штопал никогда.

П е т р. Да ведь у вас известно: дворовый человек до обеда повар, а после обеда уж он кучер, или лакей, или башмаки шьет.

Ч у ж о й л а к е й. Ну так что ж, ремесло другому не помешает. Не сидеть же без дела. Конечно, я и лакей, да и женский портной вместе. И на барыню шью, и на других тоже — копейку добываю. А вы что, ведь вот ничего ж не делаете.

Г р и г о р и й. Нет, брат, у хорошего барина лакея не займут работой, на то есть мастеровой. Вон у графа Булкина — тридцать, брат, человек слуг одних; и уж там, брат, нельзя так: «Эй, Петрушка, сходи-ка туды».— «Нет, мол, скажет, это не мое дело; извольте-с приказать Ивану». Вон оно как! Вот оно что значит, если барин хочет жить как барин. А вон ваша пигалица из Москвы приехала — коляска-то орех раскушенный, веревками хвосты лошадям позавязаны.

Смеются.

Ч у ж о й л а к е й. Ну ты, смехун, смехун! Что ж из того, что лежишь весь день? Ведь за то ж ни копейки за душой у тебя нет.

Г р и г о р и й. Да на что ж мне твоя копейка? а барин-то зачем? Ведь жалованье-то уж он мне выдаст, хоть я работай или не работай. А копить мне на старость зачем? Что ж за барин, коли уж пенсиона слуге не выдаст за службу?

Ч у ж о й л а к е й. Что? говорят, ребята бал затеяли?

П е т р. Да. А ты будешь?

Ч у ж о й л а к е й. Да ведь что ж этот бал! только, чай, слава, что бал.

Г р и г о р и й. Нет, брат, бал будет на всю руку. По целковому жертвуют и больше. Княжой повар дал пять рублей и сам берется стол готовить. Угощенье будет не то что орехи: уж полпуда конфект купили, мороженого тоже...

Слышен тоненький звонок из барского кабинета.

Чужой лакей. Ступай, звонит барин.

Григорий. Подождет... Лиминацию тоже зажгут. Музыку торговали, только не сошлись — баса нет, а то уж было...

Слышен звонок из кабинета громче прежнего.

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонит.

Григорий. Подождет. Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да ведь что ж этот бал, ведь это всё так.

Григорий. Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вон смотри, Петрушка, на него, какой он...

Тыкает на него пальцем; в это время отворяется дверь кабинета, и барин, в халате, протянувши руку, схватывает Григория за ухо. Все подымаются с своих мест.

II

Барин. Что вы, бездельники? Три человека — и хоть бы один поднялся с своего места! Я звоню что есть мочи, чуть тесьмы не оборвал.

Григорий. Да ничего не было слышно, судырь.

Барин. Врешь!

Григорий. Ей-богу! Что ж мне лгать? Вот Петрушка тоже сидел. Уж это такой колокольчик, судырь, никуды не годится: никогда ничего не слыхать. Нужно будет слесаря позвать.

Барин. Ну, так позвать слесаря.

Григорий. Да я уж сказывал дворецкому. Да ведь что ж? Ему говоришь, а ведь он еще и выбранит за это.

Барин *(увидя чужого лакея)*. Это что за человек?

Григорий. Это-с человек от Анны Петровны, зачем-то пришел к вам.

Барин. Что скажешь, брат?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, что будут сегодня к вам.

Барин. Зачем, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Они только сказали: «Скажи Федору Федоровичу, что я приказала кланяться и буду к ним».

Б а р и н. Да когда, в котором часу?

Ч у ж о й л а к е й. Не могу знать, в котором часу. Они сказали только, что доложи-де, говорит, Федору Федоровичу, что я, говорит, к ним сама-де буду у них-с...

Б а р и н. Хорошо. Петрушка, дай мне поскорей одеться: я иду со двора. А вы — не принимать никого! Слышишь, всем говорить, что меня нет дома! *(Уходит; за ним Петрушка.)*

III

Ч у ж о й л а к е й *(Григорию)*. Ну видишь, ведь вот и досталось.

Г р и г о р и й *(махнув рукой)*. А! уж служба такая! как ни старайся — всё выбранят.

В дверях, что у лестницы, раздается звонок.

Вот опять какой-то черт лезет. *(Ивану.)* Ступай отворяй, что ж ты зеваешь?

Иван отворяет дверь; входит г о с п о д и н в ш у б е.

IV

Г о с п о д и н в ш у б е. Федор Федорович дома?

Г р и г о р и й. Никак нет.

Г о с п о д и н. Досадно. Не знаешь, куда уехал?

Г р и г о р и й. Неизвестно. Должно быть, в департамент. А как об вас доложить?

Г о с п о д и н. Скажи, что был Невелещагин. Очень, мол, жалел, что не застал дома. Слышишь? не позабудешь? Невелещагин.

Г р и г о р и й. Лентягин-с.

Г о с п о д и н *(вразумительнее)*. Невелещагин.

Г р и г о р и й. Да вы немец?

Г о с п о д и н. Какой немец! просто русский: Не-ве-ле-ща-гин.

Г р и г о р и й. Слышь, Иван, не позабудь; Ердащагин!

Господин уходит.

V

Чужой лакей. Прощайте, братцы, пора уж и мне.

Григорий. Да что ж — на бал будешь, что ли?

Чужой лакей. Ну, да уж там посмотрю после. Прощай, Иван!

Иван. Прощай! *(Идет отворять дверь.)*

VI

Горничная девушка, бежит бегом через лакейскую.

Григорий. Куды, куды! удостойте взглядом! *(Хватает ее за полу платья.)*

Девушка. Нельзя, нельзя, Григорий Павлович! не держите меня, совсем-с некогда. *(Вырывается и убегает в дверь на лестницу.)*

Григорий *(смотря вслед ей)*. Вот она, как поплелась! *(Смеется.)* Хе, хе, хе!

Иван *(смеется)*. Хи, хи, хи!

Выходит барин. Рожи у Григория и Ивана вдруг становятся насупившись и сурьезны. Григорий снимает с вешалки шубу и накидывает барину на плечи. Барин уходит.

Григорий *(стоит среди комнаты, чистя пальцем в носу)*. Ведь вот свободное время. Барин ушел, чего бы, кажется, лучше,— нет, сейчас привалит этот черт, брюхач-дворецкий.

За сценой слышен крик дворецкого: «Ведь вот, точно, божеское наказание: десять человек в доме и хоть бы один что-нибудь прибрал».

Вон уж, пошел кричать толстобрюхий.

VII

Пузатый дворецкий *(входит с сильными движениями и размахами рук)*. Побоялись бы хоть совести своей, коли бога не боитесь. Ведь ковры до

сих пор не выколочены. Вы бы, Григорий Павлович, пример другим должны бы дать, а вы спите ровно от утра до вечера; ведь глаза-то у вас совсем заплыли от сна, ей-богу! Ведь вы совсем подлец после этого, Григорий Павлович.

Г р и г о р и й. Да что ж? нешто я не человек, что уж и заснуть нельзя?

Д в о р е ц к и й. Да кто ж против этого и слово говорит? Почему ж не заснуть? Но ведь не весь же день спать. Ну, вот хоть бы и ты, Петр Иванович! ведь ты, не говоря дурного слова, на свинью похож, ей-богу! Ведь что тебе работы? всего два, три каких-нибудь подсвечника вычистить. Ну, зачем ты тут баишься?

Петр медленно уходит.

А тебе, Ванька, просто толчка в затылок следует.

Г р и г о р и й *(уходя)*. Эх ты, житье, житье! вставши да за вытье!

Д в о р е ц к и й *(оставшись один)*. В том-то и есть поведенье, что всякий человек должен знать долг. Коли слуга так слуга, дворянин так дворянин, архиерей так архиерей. А то бы, пожалуй, всякий зачал... я бы сейчас сказал: «Нет, я не дворецкий, а губернатор или там какой-нибудь от инфантерии». Да ведь за то мне всякий бы сказал: «Нет, врешь, ты дворецкий, а не генерал»,— вот что! «Твоя обязанность смотреть за домом, за поведеньем слуг»,— вот что! «Тебе не то, что бон жур, коман ву франсе, а веди порядок, распоряженье»,— вот что! Да.

VIII

Входит А н н у ш к а, горничная девушка из другого дома.

Д в о р е ц к и й. А! Анна Гавриловна! Насчет моего почтения с большим удовольствием вас вижу.

А н н у ш к а. Не беспокойтесь, Лаврентий Павлович! Я нарочно зашла к вам на минуту: я встретила карету вашего барина и узнала, что его нет дома.

Д в о р е ц к и й. И очень хорошо сделали, я и жена будем очень рады. Пожалуйте, садитесь.

А н н у ш к а *(севши)*. Скажите, ведь вы знаете что-нибудь о бале, который на днях затевается.

Д в о р е ц к и й. Как же. Оно, примерно, вот изволите видеть, складчина. Один человек, другой, примерно также сказать, третий. Конечно, это, впрочем, составит большую сумму. Я пожертвовал вместе с женою пять рублей. Ну, натурально, бал, или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будет угощение, примерно сказать, прохладительное. Для молодых людей танцы и тому прочие подобные удовольствия.

А н н у ш к а. Непременно, непременно буду! Я только зашла затем, чтобы узнать, будете ли вы вместе с Агафьей Ивановной.

Д в о р е ц к и й. Уж Агафья Ивановна только и говорит все что о вас.

А н н у ш к а. Я боюсь только насчет общества.

Д в о р е ц к и й. Нет, Анна Гавриловна, у нас будет общество хорошее. Не могу сказать наверно, но слышал, что будет камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого, горничная какой-то княгини... я думаю, тоже чиновники некоторые будут.

А н н у ш к а. Одно только мне очень не нравится, что будут кучера. От них всегда запах простого табаку или водки; притом же все они такие необразованные, невежи.

Д в о р е ц к и й. Позвольте вам доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерам рознь. Оно, конечно, так как кучера, по обыкновению больше своему, находятся неотлучно при лошадях, иногда подчищают, с позволения сказать, кал; конечно, человек простой, выпьет стакан водки или, по недостаточности больше, выкурит обыкновенного бакуну, какой большею частию простой народ употребляет; да, так оно натурально, что от него иногда, примерно сказать, воняет навозом или водкой; конечно, все это так; да, однако ж, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такие кучера, которые хотя и кучера, однако ж, по обыкновению своему, больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера. Их должность, или, так выразиться, дирекция, состо-

ит в том, чтобы отпустить овес или укорить в чем, если провинился форейтор или кучер.

А н н у ш к а. Как вы хорошо говорите, Лаврентий Павлович! я всегда вас заслушиваюсь.

Д в о р е ц к и й *(с довольною улыбкою)*. Не стоит благодарности, сударыня. Оно, конечно, не всякий человек имеет, примерно сказать, речь, то есть дар слова. Натурально, бывает иногда... что, как обыкновенно говорят, косноязычие... Да. Или иные прочие подобные случаи, что, впрочем, уже происходит от натуры... Да не угодно ли вам пожаловать в мою комнату?

Аннушка идет. Лаврентий за нею.

ОТРЫВОК

Комната в доме Марьи Александровны.

I

Марья Александровна, пожилых лет дама, и Михал Андреевич, ее сын.

Марья Александровна. Слушай, Миша, я давно хотела с тобою переговорить: тебе должно переменить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты должен служить в военной.

Миша *(вытаращив глаза)*. В военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Что вы, маменька? в военной?

Марья Александровна. Ну что ж ты так изумился?

Миша. Помилуйте, да разве вы не знаете: ведь нужно начинать с юнкеров?

Марья Александровна. Ну да, послужишь год юнкером, а потом произведут в офицеры,— уж это мое дело.

Миша. Да что вы нашли во мне военного? и фигура моя совершенно невоенная. Подумайте, матушка! Право, вы меня изумили этакими словами совершенно,

так что я, я... я просто не знаю, что и подумать... Я, слава богу, и толстенек немножко, а как надену юнкерский мундир с короткими хвостиками — совестно даже будет смотреть.

Марья Александровна. Нет нужды. Произведут в офицеры, будешь носить мундир с длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, так что ничего не будет заметно. Притом это и лучше, что ты немножко толст,— скорее пойдет производство: им же будет совестно, что у них в полку такой толстый прапорщик.

Миша. Но, матушка, ведь мне год, всего год осталось до коллежского асессора. Я уже два года, как в чине титулярного советника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранит мои уши; мне так и приходит на ум бог знает что. Я хочу, чтобы сын мой служил в гвардии. На штафирку просто не могу и смотреть теперь!

Миша. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще в школе звали хомяком. В военной службе все же нужно, чтобы и на лошади лихо ездил, и голос бы имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию.

Марья Александровна. Приобретешь, всё приобретешь. Я хочу, чтобы ты непременно служил; на это есть очень важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, уж причина важная.

Миша. Все же таки скажите, какая причина?

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьего дни у Рогожинских говорит, и нарочно так, чтобы я слышала. А я сижу третьею, передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина, и за княгиней Александриной сейчас я. Что бы, ты думал, эта негодная осмелилась говорить?.. Я, право, так и хотела встать с места; и если б не княгиня Александрина, я бы не знаю, что я сделала. Говорит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штат-

ских. Это такие всё, говорит, mauvais genre[1], чем-то неблагородным от них отзывается. Я рада, говорит, что мой Алексис не носит этого скверного фрака». И все это произнесла с таким жеманством, с таким тоном... так, право... я не знаю, что бы я сделала с нею. А ее сын просто дурак набитый: только всего и умеет, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

М и ш а. Как, матушка, так в этом вся причина?

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Да, я хочу назло, чтобы мой сын тоже служил в гвардии и был бы на всех придворных балах.

М и ш а. Помилуйте, матушка, из того только, что она дура...

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Нет, уж я решилась. Пусть-ка она себе треснет с досады, пусть побесится.

М и ш а. Однако ж...

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. О! я ей покажу! Уж как она хочет, я употреблю все старанья, и мой сын будет тоже в гвардии. Уж хоть чрез это и потеряет, а уж непременно будет. Чтобы я позволила всякой мерзавке дуться передо мною и подымать и без того курносый нос свой! Нет уж, вот этого-то никогда не будет! Уж как вы себе хотите, Наталья Андреевна!

М и ш а. Да разве этим вы ей досадите?

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. О, уж этого-то не позволю!

М и ш а. Если вы это требуете, маменька, я перейду в военную; только, право, мне самому будет смешно, когда увижу себя в мундире.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Уж по крайней мере гораздо благороднее этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

М и ш а. За одним разом — и переменить службу и женить?

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Что же? Как будто нельзя и переменить службу и женить?

М и ш а. Да ведь я и намеренья еще не имел. Я еще не хочу жениться.

---

[1] люди «дурного тона» *(франц.)*.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь на ком. Этой женитьбой доставишь ты себе счастье и в службе, и в семейственной жизни. Словом, я хочу женить тебя на княжне Шлепохвостовой.

Миша. Да ведь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна. Вовсе не первоклассная, а такая же, как и все другие. Прекрасная девушка; вот только что памяти нет: иной раз забывается, скажет невпопад; но это от рассеянности, а уж зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумает.

Миша. Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово может связать, да и то такое, что только руки расставишь, как услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дело сердечное: нужно, чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, так! я вот как будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебе это не пристало, не пристало, я тебе двадцать раз уже говорила. Другому еще это идет как-то, а тебе совсем не идет.

Миша. Ах, маменька, но когда и в чем я был непослушен вам? Мне уже скоро тридцать лет, а между тем я, как дитя, покорен вам во всем. Вы мне велите ехать туды, куды бы мне смерть не хотелось ехать,— и я еду, не показывая даже и вида, что мне это тяжело. Вы мне приказываете потереться в передней такого-то— и я трусь в передней такого-то, хоть мне это вовсе не по сердцу. Вы мне велите танцевать на балах — и я танцую, хоть все надо мною смеются и над моей фигурой. Вы, наконец, велите мне переменить службу — и я переменяю службу, в тридцать лет иду в юнкера; в тридцать лет я перерождаюсь в ребенка в угодность вам! И при всем том вы мне всякий день колете глаза либеральничеством. Не пройдет минуты, чтобы вы меня не назвали либералом. Послушайте, матушка, это больно! Клянусь вам, это больно! Я достоин за мою искреннюю любовь и привязанность к вам лучшей участи...

Марья Александровна. Пожалуйста,

Тяжба
Рисунок П. Боклевского [1882]

не говори этого! Будто я не знаю, что ты либерал; и знаю даже, кто тебе все это внушает: все этот скверный Собачкин.

М и ш а. Нет, матушка, это уже слишком, чтобы Собачкина я даже стал слушаться. Собачкин мерзавец, картежник и все что вы хотите. Но тут он невинен. Я никогда не позволю ему надо мною иметь и тени влияния.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Ах, боже мой, какой ужасный человек! я испугалась, когда его узнала. Без правил, без добродетели — какой гнусный, какой гнусный человек! Если бы ты знал, что такое он разнес про меня!.. Я три месяца не могла никуда носа показать: что у меня подают сальные огарки; что у меня по целым неделям не вытираются в комнатах ковры щеткою; что я выехала на гулянье в упряжи из простых веревок на извозчичьих хомутах... Я вся краснела, я более недели была больна; я не знаю, как я могла перенести все это. Подлинно, одна вера в провидение подкрепила меня.

М и ш а. И этакий человек, вы думаете, может иметь надо мною власть? и думаете, я позволю?..

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Я сказала, чтоб он не смел мне на глаза показываться, и ты одним только можешь оправдать себя, когда без всякого упорства сделаешь княжне déclaration[1] сегодня же.

М и ш а. Но, матушка, а если нельзя это сделать?

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Как нельзя, это почему?

М и ш а *(в сторону)*. Ну, решительная минута!.. *(Вслух.)* Позвольте мне хотя здесь иметь свой голос, хотя в деле, от которого зависит счастие моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюблен в другую?

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Это, признаюсь, для меня новость. Об этом я еще ничего не слышала. Да кто ж такая эта другая?

М и ш а. Ах, маменька, клянусь, никогда еще не было подобной! Ангел, ангел и лицом и душою!

---

[1] признание (в любви) *(франц.)*.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Да чьих она, кто отец ее?

М и ш а. Отец — Александр Александрович Одосимов.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Одосимов? фамилия неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова... да что он, богатый человек?

М и ш а. Редкий человек, удивительный человек!

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. И богатый?

М и ш а. Как вам сказать? Нужно, чтобы вы его видели. Таких достоинств души не сыщешь в свете.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Да что он, как, в чем состоит его чин, имущество?

М и ш а. Я понимаю, маменька, чего вы хотите. Позвольте мне на счет этот сказать откровенно мои мысли. Ведь теперь, как бы то ни было, может быть, во всей России нет жениха, который бы не искал богатой невесты. Всякий хочет поправиться на счет женина приданого. Ну, пусть еще в некотором отношении это извинительно: я понимаю, что бедный человек, которому не повезло по службе или в чем другом, которому, может быть, излишняя честность помешала составить состояние,— словом, что бы то ни было, но я понимаю, что он вправе искать богатой невесты; и, может быть, несправедливы бы были родители, если б не отдали должного его достоинствам и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедлив ли человек богатый, который будет искать тоже богатых невест,— что ж будет тогда на свете? Ведь это все равно что сверх шубы да надеть шинель, когда и без того жарко, когда эта шинель, может быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нет, маменька, это несправедливо! Отец пожертвовал всем имуществом на воспитанье дочери.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Довольно, довольно! Больше я не в силах слушать. Все знаю, все: влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом.

М и ш а. Матушка...

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Отец — пьяница, мать — стряпуха, родня — карташки или служа-

щие по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпеть, терпеть от родного сына, для которого я не щадила жизни!.. Нет, я не переживу этого!

М и ш а. Но, матушка, позвольте...

М а р ь я   А л е к с а н д р о в н а. Боже мой, какая теперь нравственность у молодых людей! Нет, я не переживу этого! клянусь, не переживу этого... Ах! что это? у меня закружилась голова! *(Вскрикивает.)* Ах, в боку колика!.. Машка, Машка, склянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокий сын!

М и ш а *(бросаясь)*. Матушка, успокойтесь! вы сами создаете для себя...

М а р ь я   А л е к с а н д р о в н а. И все это наделал этот скверный Собачкин. Я не знаю, как не выгонят до сих пор эту чуму.

Л а к е й *(в дверях)*. Собачкин приехал.

М а р ь я   А л е к с а н д р о в н а. Как! Собачкин? Отказать, отказать, чтоб его и духу здесь не было!

II

Т е   ж е   и   С о б а ч к и н.

С о б а ч к и н. Марья Александровна! извините великодушно, что так давно не был. Ей-богу, никак не мог! Поверить не можете, сколько дел; знал, что будете гневаться, право знал... *(Увидя Мишу.)* Здравствуй, брат! Как ты?

М а р ь я   А л е к с а н д р о в н а *(в сторону)*. У меня просто слов недостает! Каков? Еще извиняется, что давно не был!

С о б а ч к и н. Как я рад, что вы, судя по лицу, так свежи и здоровы. А братца вашего как здоровье? Я полагал, признаюсь, и его также застать у вас.

М а р ь я   А л е к с а н д р о в н а. Для этого вы бы могли отправиться к нему, а не ко мне.

С о б а ч к и н *(усмехаясь)*. Я приехал рассказать вам один преинтересный анекдот.

М а р ь я   А л е к с а н д р о в н а. Я не охотница до анекдотов.

С о б а ч к и н. Об Наталье Андреевне Губомазовой.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Как, об Губомазовой!.. *(Стараясь скрыть любопытство.)* Так это, верно, недавно случилось?

С о б а ч к и н. На днях.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Что ж такое?

С о б а ч к и н. Знаете ли, что она сама сечет своих девок?

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Нет! что вы говорите? Ах, какой страм! можно ли это?

С о б а ч к и н. Вот вам крест! Позвольте же рассказать. Только один раз велит она виноватой девушке лечь, как следует, на кровать, а сама пошла в другую комнату,— не помню за чем-то, кажется за розгами. В это время девушка за чем-то выходит из комнаты, а на место ее приходит Натальи Андреевны муж, ложится и засыпает. Является Наталья Андреевна, как следует, с розгами, велит одной девушке сесть ему на ноги, накрыла простыней и — высекла мужа!

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а *(всплеснув руками)*. Ах, боже мой, какой страм! Как это до сих пор я ничего об этом не знала? Я вам скажу, что я почти всегда была уверена, что она в состоянии это сделать.

С о б а ч к и н. Натурально! Я это говорил всему свету. Толкуют: «Примерная жена, сидит дома, занимается воспитанием детей, сама учит их по-аглицки!» Какое воспитанье! Сечет всякий день мужа, как кошку!.. Как мне жаль, право, что я не могу пробыть у вас подолее. *(Раскланивается.)*

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Куда ж это вы, Андрей Кондратьевич? Не совестно ли вам, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла вас видеть, как друга дома; останьтесь! Мне хотелось еще с вами переговорить кое о чем. Послушай, Миша, у меня в комнате дожидается каретник; пожалуйста, переговори с ним. Спроси, возьмется ли он переделать карету к первому числу. Цвет чтобы был голубой с светлой уборкой, на манер кареты Губомазовой.

Миша уходит.

Я нарочно услала сына, чтобы переговорить с вами наедине. Скажите, вы, верно, знаете: есть какой-то Александр Александрович Одосимов?

Собачкин. Одосимов?.. Одосимов... Одосимов... Знаю, есть где-то Одосимов; а впрочем, я могу справиться.

Марья Александровна. Пожалуйста.

Собачкин. Помню, помню, есть Одосимов — столоначальник или начальник отделения... точно, есть.

Марья Александровна. Вообразите, вышла одна смешная история.... Вы мне можете сделать большое одолжение.

Собачкин. Вам стоит только приказать. Для вас я готов на все, вы сами это знаете.

Марья Александровна. Вот в чем дело: мой сын влюбился, или, лучше, не влюбился, а просто зашло в голову сумасбродство... Ну, молодой человек... Словом, он бредит дочерью этого Одосимова.

Собачкин. Бредит? А, однако ж, он мне ничего об этом не сказал. Да, впрочем, конечно бредит, если вы говорите.

Марья Александровна. Я хочу от вас, Андрей Кондратьевич, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинам.

Собачкин. Хе, хе, хе! Да вы почему это думаете? А ведь точно! Вообразите: на масленой шесть купчих... может быть, вы думаете, что я с своей стороны как-нибудь волочился или что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмотрел! Да вот еще лучше: вы знаете того, как, бишь, его, Ермолай, Ермолай... Ах, боже! Ермолай, вот что жил на Литейной, недалеко от Кирочной?

Марья Александровна. Не знаю там никого.

Собачкин. Ах, боже мой! Ермолай Иванович, кажется,— вот хоть убей, позабыл фамилию. Еще жена его лет пять тому назад попала в историю. Ну, да вы знаете ее: Сильфида Петровна.

Марья Александровна. Совсем нет; не

знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкин. Боже мой! он еще жил недалеко от Куропаткина.

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкин. Да вы после припомните. Дочь, богачка страшная, до двухсот тысяч приданого; и не то чтобы с надуваньем, а еще до венца ломбардный билет в руки.

Марья Александровна. Что ж вы? не женились?

Собачкин. Не женился. Отец три дня на коленях стоял, упрашивал; и дочь не перенесла, теперь в монастыре сидит.

Марья Александровна. Почему ж вы не женились?

Собачкин. Да так как-то. Думаю себе: отец откупщик, родня — что ни попало. Поверите, самому, право, было потом жалко. Черт побери, право, как устроен свет: всё условия да приличия. Скольких людей уже погубили!

Марья Александровна. Ну, да что же вам смотреть на свет? *(В сторону.)* Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылезшая козявка уже думает, что он аристократ. Вот всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, как говорит!

Собачкин. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя, всё как-то... Ну, понимаете... Станут говорить: «Ну вот, женился черт знает на ком...» Да со мной, впрочем, всегда такие истории. Иной раз, право, совсем не виноват, с своей стороны решительно ничего... ну, что ты прикажешь делать? *(Говорит тихо.)* Ведь вот по вскрытии Невы всегда находят две-три утонувшие женщины,— я уж только молчу, потому что в такую еще впутаешься историю!.. Да, любят; а ведь за что бы, кажется? лицом нельзя сказать чтобы очень...

Марья Александровна. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хорош.

Собачкин *(усмехается)*. А ведь вообразите, что,

еще как был мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдет без того, чтобы не ударить пальцем под подбородок и не сказать: «Плутишка, как хорош!»

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а *(в сторону)*. Прошу покорно! Ведь вот насчет красоты тоже — ведь моська совершенная, а воображает, что хорош. *(Вслух.)* Ну, так послушайте же, Андрей Кондратьевич, с вашею наружностью можно это сделать. Мой сын влюблен до дурачества и воображает, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли как-нибудь, знаете, представить ее не в том виде, как-нибудь эдак, что называется, немножко замарать? Если вы, положим, не произведете на нее действия и она не сойдет с ума от вас...

С о б а ч к и н. Марья Александровна, сойдет! Не спорьте, сойдет! Я голову дам отрубить, если не сойдет. Я вам скажу, Марья Александровна, со мной не такие бывали истории... Вот еще на днях...

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Ну, как бы то ни было, сойдет или не сойдет, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы с нею в связи... и чтобы это дошло до моего сына.

С о б а ч к и н. До вашего сына?

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Да, до моего сына.

С о б а ч к и н. Да.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Что «да»?

С о б а ч к и н. Ничего, я так сказал «да».

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Разве вы находите, что это для вас трудно?

С о б а ч к и н. О нет, ничего. Но все эти влюбленные... вы не поверите, какие у них несообразности, неуместные ребячества разные: то пистолеты, то... черт знает что такое... Конечно, я не то чтобы этим как-нибудь... но, знаете, неприлично в хорошем обществе.

М а р ь я А л е к с а н д р о в н а. О! насчет этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до того.

С о б а ч к и н. Впрочем, я так только заметил. Поверьте, Марья Александровна, я для вас, если бы пришлось точно порисковать где жизнью, то с удовольствием, ей-богу с удовольствием... Я так вас люблю,

что, признаться сказать, даже совестно,— вы подумать можете бог знает что, а это именно одно только глубочайшее уважение. Ах, вот хорошо, что вспомнил! Я попрошу у вас, Марья Александровна, занять мне на самое короткое время тысячонки две. Черт его знает, какая дурацкая память! Одеваясь, все думал, как бы не позабыть книжку, нарочно положил на стол перед глазами. Что прикажете: всё взял — табакерку взял, платок даже лишний взял, а книжка осталась на столе.

Марья Александровна *(в сторону)*. Что с ним делать? Дашь — замотает, а не дашь — распустит по городу такую чепуху, что мне никуды нельзя будет носа показать. И мне нравится, что еще говорит: позабыл книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего делать, нужно дать. *(Вслух.)* Извольте, Андрей Кондратьевич; обождите только здесь, я вам их сейчас принесу.

Собачкин. Очень хорошо, я посижу здесь.

Марья Александровна *(уходя, в сторону)*. Без денег ничего, мерзавец, не может сделать.

Собачкин *(один)*. Да, эти две тысячи теперь мне и очень пригодятся. Долгов-то я отдавать не буду: и сапожник подождет, и портной подождет, и Анна Ивановна тоже подождет; конечно, раскричится, ну да что ж делать? нельзя же деньги сорить на все, с нее довольно и любви моей, а платье, она врет, у нее есть. А я сделаю вот как: скоро будет гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну да ее всякий уж видел и знает, а есть, говорят, у Иохима, только еще что вышла, последней моды, еще он даже никому не показывает. Если прибавлю эти две тысячи к моей коляске, так я могу ее и весьма выменять. Так я, знаете, какого задам тогда эффекту! Может быть, на всем гулянье всего и будет только одна или две такие коляски! Так обо мне везде заговорят. А между тем нужно подумать об порученье Марьи Александровны. Мне кажется, благоразумнее всего начать с любовных писем. Написать письмо от имени этой девушки, да и выронить как-нибудь нечаянно при нем или позабыть на столе в его комнате. Конечно, может выйти как-нибудь плохо. Да, впрочем, что ж? надает ведь только тузанов. Тузаны, конечно,

больно, да всё же ведь не до такой степени, чтобы... Да ведь я могу и удрать, и если что — в спальню Марьи Александровны и прямо под кровать; и пусть-ка он оттуда меня вытащит! Но, главное, как написать письмо? Смерть не люблю писать! то есть просто хоть зарежь! Черт его знает, так, кажется, на словах все бы славно изъяснил, а примешься за перо — просто как будто бы кто-нибудь оплеуху дал. Конфузия, конфузия,— не подымается рука, да и полно. Разве вот что? у меня есть кое-какие письма, еще недавно ко мне писанные: выбрать, которое получше, подскоблить фамилию, а на место ее написать другую... Что ж, чем же это не хорошо? право! Пошарить в кармане — может быть, тут же посчастливится найти именно такое, как нужно. *(Вынимает из кармана пучок писем.)* Ну, хоть бы это, например *(читает)*: «Я очинь слава богу здарова но за немогаю от боле. Али вы душенька совсем пазабыли. Иван Данилович видел вас душиньку в тиатере и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Черт возьми! кажется, правописанья нет. Нет, этим, я думаю, не надуешь. *(Продолжает.)* «Я для вас душинька вышила подвязку». Ну, и разносилась с нежностями! Что-то буколического много, Шатобрианом пахнет. А вот, может быть, не будет ли здесь чего-нибудь? *(Развертывает другое и прищуривает глаз, стараясь разобрать.)* «Лю-без-ный друг!» Нет, это, однако ж, не любезный друг; что же, однако ж? Нежнейший, дражайший? Нет, и не дражайший, нет, нет. *(Читает.)* «Ме, ме, е... рзавец». Хм! *(Сжимает губы.)* «Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженные мною на мелочную лавочку деньги, которые я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа *(последнее слово читает почти сквозь зубы)*... то я тебя в полицию». Черт знает что! Вот уж просто черт знает что! Вот уж именно ничего нет в этом письме. Конечно, обо всем можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженьями такими, которые бы не оскорбляли человека. Нет, нет, все эти письма, я вижу, как-то не то... совсем не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильного, где виден кипяток, кипяток, что называют. А вот, вот, посмотрим это. *(Читает.)* «Жестокий тиран души

моей!» А, это что-то хорошее, однако ж. «Тронься сердечной моей участью!» И преблагородно! ей-богу, преблагородно! Ведь вот видно воспитанье! Уж по началу видно, кто как себя поведет. Вот как нужно писать! Чувствительно, а между тем и человек не оскорблен. Вот это письмо я ему и подсуну. Далее уж и читать не нужно; только не знаю, как бы выскоблить так, чтобы не было заметно. *(Смотрит на подпись.)* Э, э! вот хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! Это и подписать. Каково обделалось дельце само собою! А ведь говорят — наружность вздор: ну, не будь смазлив, не влюбились бы в тебя, а не влюбившись, не написали бы писем, а не имея писем, не знал бы, как взяться за это дело. *(Подходя к зеркалу.)* Еще сегодня как-то опустился, а то ведь иной раз точно даже что-то значительное в лице... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсем был похож на Багратиона. Вот не знаю, как запустить бакенбарды: так ли, чтобы решительно вокруг было бахромкой, как говорят — сукном обшит, или выбрить всё гольем, а под губой завести что-нибудь, а?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ

Сени театра. С одной стороны видны лестницы, ведущие в ложи и галереи; посредине вход в кресла и амфитеатр; с другой стороны выход. Слышен отдаленный гул рукоплесканий.

Автор пьесы[1] *(выходя)*. Я вырвался, как из омута! Вот наконец и крики и рукоплесканья! Весь театр гремит!.. Вот и слава! Боже, как бы забилось назад тому лет семь, восемь мое сердце, как бы встрепенулось все во мне! Но это было давно. Я был тогда молод, дерзкомыслен, как юноша. Благ промысл, не давший вкусить мне ранних восторгов и хвал! Теперь... Но разумный холод лет умудрит хоть кого. Узнаешь наконец, что рукоплесканья еще не много значат и готовы служить всему наградой: актер ли постигнет всю тайну души и сердца человека, танцор ли добьется уменья выводить вензеля ногами, фокусник ли — всем им гремит рукоплесканье! Голова ли думает, сердце ли чувствует, звучит ли глубина души, работают ли ноги, или руки перевертывают стаканы — все покрывается равными плесками. Нет, не рукоплесканий я бы теперь желал: я бы желал теперь вдруг переселиться в ложи, в галереи, в кресла, в раек, проникнуть всюду, услы-

[1] Само собою разумеется, что автор пьесы лицо идеальное. В нем изображено положение комика в обществе, комика, избравшего предметом осмеяние злоупотреблений в кругу различных сословий и должностей. (*Прим. Н. В. Гоголя.*)

шать всех мненья и впечатленья, пока они еще девственны и свежи, пока еще не покорились толкам и сужденьям знатоков и журналистов, пока каждый под влиянием своего собственного суда. Мне это нужно: я комик. Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один комик подлежит суду всех; над ним всякий зритель имеет уже право, всякого званья человек уже становится судьей его. О, как бы хотел я, чтобы каждый указал мне мои недостатки и пороки! Пусть даже посмеется надо мной, пусть недоброжелательство правит устами его, пристрастье, негодованье, ненависть — все что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не может без причины произнестись слово, и везде может зарониться искра правды. Тот, кто решился указать смешные стороны другим, тот должен разумно принять указанья слабых и смешных собственных сторон. Попробую, останусь здесь в сенях во все время разъезда. Нельзя, чтобы не было толков о новой пьесе. Человек под влиянием первого впечатления всегда жив и спешит им поделиться с другим. *(Отходит в сторону.)*

Показывается несколько прилично одетых людей; один говорит, обращаясь к другому:

Выйдем лучше теперь. Играться будет незначительный водевиль.

Оба уходят.

Два comme il faut[1], плотного свойства, сходят с лестницы.

Первый comme il faut. Хорошо, если бы полиция не далеко отогнала мою карету. Как зовут эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut. Нет, а очень недурна.

Первый comme il faut. Да, недурна; но все чего-то еще нет. Да, рекомендую: новый ресторан; вчера нам подал свежий зеленый горох *(целует концы пальцев)* — прелесть!

Уходят оба.

---

[1] приличный человек (человек как следует) *(франц.)*.

Бежит офицер, другой удерживает его за руку.

Первый офицер. Да останемся!

Другой офицер. Нет, брат, на водевиль и калачом не заманишь. Знаем мы эти пьесы, которые даются на закуску: лакеи вместо актеров, а женщины — урод на уроде.

Уходят.

Светский человек, щеголевато одетый *(сходя с лестницы)*. Плут портной претесно сделал мне панталоны, все время было страх неловко сидеть. За это я намерен еще проволочить его и годика два не заплачу долгов. *(Уходит.)*

Тоже светский человек, поплотнее *(говорит с живостью другому)*. Никогда, никогда, поверь мне, он с тобою не сядет играть. Меньше как по полтораста рублей роберт он не играет. Я знаю это хорошо, потому что шурин мой, Пафнутьев, всякий день с ним играет.

Автор пьесы *(про себя)*. И все еще никто ни слова о комедии!

Чиновник средних лет *(выходя с растопыренными руками)*. Это просто черт знает что такое! Этакое... этакое... Это ни на что не похоже. *(Ушел.)*

Господин, несколько беззаботный насчет литературы *(обращаясь к другому)*. Ведь это, однако ж, кажется, перевод?

Другой. Помилуйте, что за перевод! Действие происходит в России, наши обычаи и чины даже.

Господин, беззаботный насчет литературы. Я помню, однако ж, было что-то на французском, не совсем в этом роде.

Оба уходят.

Один из двух зрителей *(тоже выходящих вон)*. Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажут в журналах, тогда и узнаешь.

Две бекеши *(одна другой)*. Ну, как вы? Я бы желал знать ваше мнение о комедии.

Другая бекеша *(делая значительные движения губами)*. Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было

того... в своем роде... Ну конечно, кто ж против этого и стоит, чтобы опять не было и... где ж, так сказать... а впрочем... *(Утвердительно сжимая губами.)* Да, да.

Уходят.

А в т о р *(про себя)*. Ну, эти пока еще не много сказали. Толки, однако же, будут: я вижу, впереди горячо размахивают руками.

Д в а о ф и ц е р а.

П е р в ы й. Я еще никогда так не смеялся.

В т о р о й. Я полагаю: отличная комедия.

П е р в ы й. Ну нет, посмотрим еще, что скажут в журналах; нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! *(Толкает его под руку.)*

В т о р о й. Что?

П е р в ы й *(указывая пальцем на одного из двух идущих с лестницы)*. Литератор!

В т о р о й *(торопливо)*. Который?

П е р в ы й. Вот этот! чш! послушаем, что будут говорить.

В т о р о й. А другой кто с ним?

П е р в ы й. Не знаю; неизвестно какой человек.

Оба офицера посторониваются и дают им место.

Н е и з в е с т н о к а к о й ч е л о в е к. Я не могу судить относительно литературного достоинства, но, мне кажется, есть остроумные заметки. Остро, остро.

Л и т е р а т о р. Помилуйте, что ж тут остроумного? Что за низкий народ выведен, что за тон? Шутки самые плоские; просто даже сально!

Н е и з в е с т н о к а к о й ч е л о в е к. А, это другое дело. Я и говорю: в отношении литературного достоинства я не могу судить; я только заметил, что пьеса смешна, доставила удовольствие.

Л и т е р а т о р. Да и не смешна. Помилуйте, что ж тут смешного, и в чем удовольствие? Сюжет невероятнейший. Всё несообразности; ни завязки, ни действия, ни соображения никакого.

Н е и з в е с т н о к а к о й ч е л о в е к. Ну да, против этого я и не говорю ничего. В литературном

отношении так, в литературном отношении она не смешна; но в отношении, так сказать, со стороны в ней есть...

Л и т е р а т о р. Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нет! Ну что за разговорный язык? Кто говорит эдак в высшем обществе? Ну скажите сами, ну говорим ли мы с вами эдак?

Н е и з в е с т н о к а к о й ч е л о в е к. Это правда; это вы очень тонко заметили. Именно, я вот сам про это думал: в разговоре благородства нет. Все лица, кажется, как будто не могут скрыть низкой природы своей — это правда.

Л и т е р а т о р. Ну, а вы еще хвалите!

Н е и з в е с т н о к а к о й ч е л о в е к. Кто ж хвалит? я не хвалю. Я сам теперь вижу, что пьеса — вздор. Но ведь вдруг нельзя же этого узнать; я не могу судить в литературном отношении.

Оба уходят.

Е щ е л и т е р а т о р *(входит в сопровождении слушателей, которым говорит, размахивая руками)*. Поверьте мне, я знаю это дело: отвратительная пьеса! грязная, грязная пьеса! Нет ни одного лица истинного, всё карикатуры! В натуре нет этого; поверьте мне, нет, я лучше это знаю: я сам литератор. Говорят: живость, наблюдение... да ведь это все вздор, это всё приятели, приятели хвалят, всё приятели! Я уже слышал, что его чуть не в Фонвизины суют, а пьеса просто недостойна даже быть названа комедиею. Фарс, фарс, да и фарс самый неудачный. Последняя пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею Монблан перед Пулковскою горою. Я это им всем докажу, докажу математически, как дважды два. Просто друзья и приятели захвалили его не в меру, так вот он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир. У нас всегда приятели захвалят. Вот, например, и Пушкин. Отчего вся Россия теперь говорит о нем? Всё приятели: кричали, кричали, и потом вслед за ними и вся Россия стала кричать. *(Уходит вместе с слушателями.)*

Оба офицера подаются вперед и занимают их места.

Первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарс; я это и прежде говорил: глупый фарс, поддержанный приятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотреть.

Второй. Да ведь ты ж говорил, что еще никогда так не смеялся?

Первый. А это опять другое дело. Ты не понимаешь, тебе нужно растолковать. Тут что в этой пьесе? Во-первых, завязки никакой, действия тоже нет, соображенья решительно никакого, всё невероятности, и притом всё карикатуры.

Двое других офицеров позади.

Один *(другому)*. Кто это рассуждает? Кажется, из ваших?

Другой, заглянув сбоку в лицо рассуждавшего, махнул рукой.

Что, глуп?

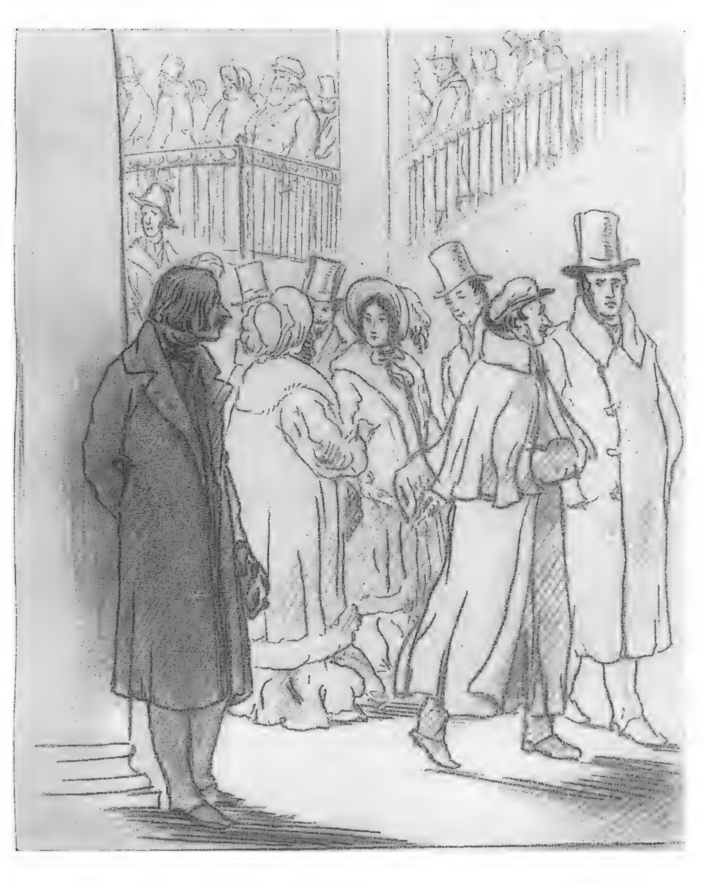
Другой. Нет, не то чтобы... У него есть ум, но сейчас по выходе журнала; а запоздала выходом книжка — и в голове ничего. Но, однако ж, пойдем.

Уходят.

Два любителя искусств.

Первый. Я вовсе не из числа тех, которые прибегают только к словам: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дело, что такие слова большею частью исходят из уст тех, которые сами очень сомнительного тона, толкуют о гостиных и допускаются только в передние. Но не об них речь. Я говорю насчет того, что в пьесе точно нет завязки.

Второй. Да, если принимать завязку в том смысле, как ее обыкновенно принимают, то есть в смысле любовной интриги, так ее точно нет. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит вглядеться пристально вокруг. Все изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и

Театральный разъезд после представления новой комедии
Рисунок М. Доброва

затмить во что бы ни стало другого, отмстить за пренебреженье, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?

П е р в ы й. Все это хорошо; но и в этом отношении все-таки я не вижу в пьесе завязки.

В т о р о й. Я не буду теперь утверждать, есть ли в пьесе завязка, или нет. Я скажу только, что вообще ищут частной завязки и не хотят видеть общей. Люди простодушно привыкли уж к этим беспрестанным любовникам, без женитьбы которых никак не может окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелок на углике платка. Нет, комедия должна вязаться сама собою, всей своею массою, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два,— коснуться того, что волнует более или менее всех действующих. Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело.

П е р в ы й. Но все же не могут быть героями; один или два должны управлять другими?

В т о р о й. Совсем не управлять, а разве преобладать. И в машине одни колеса заметней и сильней движутся,— их можно только назвать главными; но правит пьесою идея, мысль. Без нее нет в ней единства. А завязать может все: самый ужас, страх ожидания, гроза идущего вдали закона...

П е р в ы й. Но это выходит уж придавать комедии какое-то значение более всеобщее.

В т о р о й. Да разве не есть это ее прямое и настоящее значение? Уже в самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере такою показал ее сам отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ход, одну и ту же непременную завязку. Зато как слаба эта завязка у самых лучших комиков! как ничтожны эти театральные любовники с их картонной любовью!

Т р е т и й *(подходя и ударив слегка его по плечу)*. Ты не прав: любовь, так же как и другие чувства, может тоже войти в комедию.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь и все другие чувства, более возвышенные, тогда только произведут высокое впечатление, когда будут развиты во всей глубине. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всем прочим. Все то, что составляет именно сторону комедии, тогда уже побледнеет и значение комедии общественной непременно исчезнет.

Третий. Стало быть, предметом комедии должно быть непременно низкое? Комедия выйдет уже низкий род.

Второй. Для того, кто будет глядеть на слова, а не вникать в смысл, это так. Но разве положительное и отрицательное не может послужить той же цели? Разве комедия и трагедия не могут выразить ту же высокую мысль? Разве все, до малейшей, излучины души подлого и бесчестного человека не рисуют уже образ честного человека? Разве все это накопление низостей, отступлений от законов и справедливости не дает уже ясно знать, чего требуют от нас закон, долг и справедливость? В руках искусного врача и холодная и горячая вода лечит с равным успехом одни и те же болезни. В руках таланта все может служить орудием к прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый *(подходя)*. Что может послужить прекрасному? и о чем у вас толки?

Первый. Спор завязался у нас о комедии. Мы все говорим о комедии вообще, а никто еще не сказал ничего о новой комедии. Что вы скажете?

Четвертый. А вот что скажу: виден талант, наблюдение жизни, много смешного, верного, взятого с натуры; но вообще во всей пьесе чего-то нет. Как-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. Без него у нас не развяжется ни одна комедия.

Третий. Это правда. А впрочем, с другой стороны, это очень естественно. Мы все принадлежим правительству, все почти служим; интересы всех нас более или менее соединены с правительством. Стало быть, не

мудрено, что это отражается в созданьях наших писателей.

Четвертый. Так. Ну и пусть эта связь будет слышна. Но смешно то, что пьеса никак не может кончиться без правительства. Оно непременно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних.

Второй. Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у наших комиков. Стало быть, это уже составляет какой-то отличительный характер нашей комедии. В груди нашей заключена какая-то тайная вера в правительство. Что ж? тут нет ничего дурного: дай бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призванье свое быть представителем провиденья на земле и чтобы мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступленья.

Пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство». Комедия возбудила крики и толки...

Второй. Поговоримте лучше об этих толках и криках у меня, чем здесь, в театральных сенях.

Уходят.

Несколько почтенных и прилично одетых людей появляются один за другим.

№ 1. Так, так, я вижу: это верно, что есть у нас и случается в иных местах и похуже; но для какой цели, к чему выводить это? — вот вопрос. Зачем эти представления? какая польза от них? вот что разрешите мне! Что мне нужды знать, что в таком-то месте есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности подобных представлений. *(Уходит.)*

№ 2. Нет, это не осмеяние пороков; это отвратительная насмешка над Россиею — вот что. Это значит выставить в дурном виде самое правительство, потому что выставлять дурных чиновников и злоупотребления, которые бывают в разных сословиях,—значит выставить самое правительство. Просто даже не следует дозволять таких представлений. *(Уходит.)*

Входят господин А. и господин Б., люди немаловажных чинов.

Господин А. Я не насчет этого говорю; напротив, злоупотребленья нам нужно показывать; нужно, чтобы мы видели свои проступки; и я ничуть не разделяю мнений многих, чересчур разгорячившихся патриотов; но только мне кажется, что не слишком ли много здесь чего-то печального...

Господин Б. Я бы очень хотел, чтобы вы услышали замечание одного очень скромно одетого человека, который сидел возле меня в креслах... Ах, вот он сам!

Господин А. Кто?

Господин Б. Именно этот очень скромно одетый человек. *(Обращаясь к нему.)* Мы с вами не кончили разговора, которого начало было так для меня интересно.

Очень скромно одетый человек. А я, признаюсь, очень рад продолжать его. Сейчас только я слышал толки, именно: что это все неправда, что это насмешка над правительством, над нашими обычаями и что этого не следует вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пьесу, и, признаюсь, выражение комедии показалось мне теперь еще даже значительней. В ней, как мне кажется, сильней и глубже всего поражено смехом лицемерие — благопристойная маска, под которою является низость и подлость; плут, корчащий рожу благонамеренного человека. Признаюсь, я чувствовал радость, видя, как смешны благонамеренные слова в устах плута и как уморительно смешна стала всем, от кресел до райка, надетая им маска. И после этого есть люди, которые говорят, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышал одно замечание, сделанное, как мне показалось, впрочем, довольно порядочным человеком: «А что скажет народ, когда увидит, что у нас бывают вот какие злоупотребления?»

Господин А. Признаюсь, вы извините меня, но мне самому тоже невольно представился вопрос: а что скажет народ наш, глядя на все это?

Очень скромно одетый человек. Что скажет народ? *(Посторонивается.)*

Проходят двое в армяках.

С и н и й а р м я к *(серому)*. Небось прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!

Оба выходят вон.

О ч е н ь с к р о м н о о д е т ы й ч е л о в е к. Вот что скажет народ, вы слышали?

Г о с п о д и н А. Что?

О ч е н ь с к р о м н о о д е т ы й ч е л о в е к. Скажет: «Небось прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, как верен естественному чутью и чувству человек? Как верен самый простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг, а черплет их из самой природы человека! Да разве это не очевидно ясно, что после такого представления народ получит более веры в правительство? Да, для него нужны такие представления. Пусть он отделит правительство от дурных исполнителей правительства. Пусть видит он, что злоупотребления происходят не от правительства, а от не понимающих требований правительства, от не хотящих ответствовать правительству. Пусть он видит, что благородно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что побледнеют пред ним имеющие нечистую совесть. Да, эти представления ему должно видеть; поверьте, что если и случится ему испытать на себе прижимки и несправедливости, он выйдет утешенный после такого представления, с твердой верой в недремлющий, высший закон. Мне нравится тоже еще замечание: «народ получит дурное мнение о своих начальниках». То есть они воображают, что народ только здесь, в первый раз в театре, увидит своих начальников; что если дома какой-нибудь плут староста сожмет его в лапу, так этого он никак не увидит, а вот как пойдет в театр, так тогда и увидит. Они, право, народ наш считают глупее бревна,— глупым до такой степени, что будто уже он не в силах отличить, который пирог с мясом, а который с кашей. Нет, теперь мне кажется, даже хорошо то, что не выведен на сцену честный человек. Самолюбив человек: выстави ему при множестве дурных сторон одну хорошую,

он уже гордо выйдет из театра. Нет, хорошо, что выставлены одни только исключенья и пороки, которые колют теперь до того глаза, что не хотят быть их соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это может быть.

Господин А. Но неужели, однако ж, существуют у нас точь-в-точь такие люди?

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне сказать вам на это вот что: я не знаю, почему мне всякий раз становится грустно, когда я слышу подобный вопрос. Я могу с вами говорить откровенно: в чертах лиц ваших я вижу что-то такое, что располагает меня к откровенности. Человек прежде всего делает запрос: «Неужели существуют такие люди?» Но когда было видено, чтобы человек сделал такой вопрос: «Неужели я сам чист вовсе от таких пороков?» Никогда, никогда! Да вот что,—я буду с вами говорить прямодушно. У меня доброе сердце, любви много в моей груди, но если бы вы знали, каких душевных усилий и потрясений мне было нужно, чтобы не впасть во многие порочные наклонности, в которые впадаешь невольно, живя с людьми! И как я могу сказать теперь, что во мне нет сию же минуту тех самых наклонностей, которым только что посмеялись назад тому десять минут все и над которыми я сам посмеялся.

Господин А. *(после некоторого молчания)*. Признаюсь, над словами вашими призадумаешься. И когда я вспомню, представлю себе, как гордыми сделало нас европейское наше воспитание, вообще как скрыло нас от самих себя, как свысока и с каким презрением глядим мы на тех, которые не получили подобной нам наружной полировки, как всякий из нас ставит себя чуть не святым, а о дурном говорит вечно в третьем лице,— то, признаюсь, невольно становится грустно душе... Но простите мою нескромность,— вы, впрочем, виноваты в ней сами,— позвольте узнать: с кем я имею удовольствие говорить?

Очень скромно одетый человек. А я не более, не менее, как один из тех чиновников, в должности которых выведены были лица комедии, и третьего дня только приехал из своего городка.

Господин Б. Я бы этого не мог думать. И неужели вам не кажется после этого обидно жить и служить с такими людьми?

Очень скромно одетый человек. Обидно? А вот что я вам скажу на это: признаюсь, мне приходилось часто терять терпенье. В городке нашем не все чиновники из честного десятка; часто приходится лезть на стену, чтобы сделать какое-нибудь доброе дело. Уже несколько раз хотел было я бросить службу; но теперь, именно после этого представления, я чувствую свежесть и вместе с тем новую силу продолжать свое поприще. Я утешен уже мыслью, что подлость у нас не остается скрытою или потворствуемой, что там, в виду всех благородных людей, она поражена осмеянием, что есть перо, которое не укоснит обнаружить низкие наши движения, хотя это и не льстит национальной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволит показать это всем, кому следует, в очи,— и уж это одно дает мне рвение продолжать мою полезную службу.

Господин А. Позвольте сделать вам одно предложение. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мне нужны истинно благородные и честные помощники. Я вам предлагаю место, где вам будет обширное поле действия, где вы получите несравненно более выгод и будете на виду.

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне от всей души и от всего сердца поблагодарить вас за такое предложение и вместе с тем позвольте отказаться от него. Если я уже чувствую, что полезен своему месту, то благородно ли с моей стороны его бросить? И как я могу оставить его, не будучи уверен твердо, что после меня не сядет какой-нибудь молодец, который начнет делать прижимки? Если же это предложение сделано вами в виде награды, то позвольте сказать вам: я аплодировал автору пьесы наравне с другими, но я не вызывал его. Какая ему награда? Пьеса понравилась — хвали ее, а он — он только выполнил долг свой. У нас, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадит никому в жизни и на службе,

то уже считает себя бог весть каким добродетельным человеком, сердится сурьезно, если не замечают и не награждают его. «Помилуйте, говорит, я целый век честно жил, совсем почти не делал подлостей,— как же мне не дают ни чина, ни ордена?» Нет, по мне, кто не в силах быть благородным без поощрения — не верю я его благородству; не сто́ит гроша его мышиное благородство.

Господин А. По крайней мере вы мне не откажете в вашем знакомстве? Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть следствие моего искреннего уважения. Дайте мне ваш адрес.

Очень скромно одетый человек. Вот вам мой адрес; но будьте уверены, что я не допущу вас им воспользоваться и завтра же поутру явлюсь к вам. Извините меня, я не воспитан в большом свете и не умею говорить... Но встретить такое великодушное внимание в государственном человеке, такое стремление к добру... дай бог, чтобы всякий государь был окружен такими людьми! *(Поспешно уходит.)*

Господин А. *(переворачивая в руках карточку)*. Я смотрю на эту карточку и на эту неизвестную мне фамилию, и как-то полно становится на душе моей. Это вначале грустное впечатление рассеялось само собою. Да хранит тебя бог, наша малознаемая нами Россия! В глуши, в забытом углу твоем, скрывается подобный перл, и, вероятно, он не один. Они, как искры золотой руды, рассыпаны среди грубых и темных ее гранитов. Есть глубоко утешительное чувство в сем явлении, и душа моя осветилась после встречи с этим чиновником, как осветилась его собственная после представления комедии. Прощайте! Благодарю вас, что вы доставили мне эту встречу. *(Уходит.)*

Господин В. *(подходя к господину Б.)*. Кто это был с вами? Кажется, он министр — а?

Господин П. *(подходя с другой стороны)*. Помилуй, братец, ну что это такое, как же это в самом деле?..

Господин Б. Что?

Господин П. Ну, да как же выводить это?

Господин Б. Почему же нет?

Господин П. Ну да сам посуди ты: ну как же,

право? Всё пороки да пороки; ну какой пример подаст это зрителям?

Господин Б. Да разве пороки хвалятся? Ведь они же выведены на осмеяние.

Господин П. Ну, да всё, брат, как ни говори: уваженье... ведь чрез это теряется уваженье к чиновникам и должностям.

Господин Б. Уважение не теряется ни к чиновникам, ни к должностям, а к тем, которые скверно исполняют свои должности.

Господин В. Но позвольте, однако же, заметить: все это некоторым образом есть уже оскорбление, которое более или менее распространяется на всех.

Господин П. Именно. Вот это я сам хотел ему заметить. Это именно оскорбление, которое распространяется. Теперь, например, выведут какого-нибудь титулярного советника, а потом... э... пожалуй, выведут... и действительного статского советника.

Господин Б. Ну так что ж? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумал собственное лицо и придал ему кое-какие пороки, какие случаются между нами, и дал ему чин, какой мне вздумалось, хоть бы даже и действительного статского советника, и сказал бы, что этот действительный статский советник не таков, как следует: что ж тут такого? Разве не попадается гусь и между действительными статскими советниками?

Господин П. Ну уж, брат, это слишком. Как же может быть гусь действительный статский советник? Ну, пусть еще титулярный... Нет, ты уж слишком!

Господин В. Чем выставлять дурное, зачем же не выставить хорошее, достойное подражания?

Господин Б. Зачем? странный вопрос: «зачем?». Много можно сделать этаких «зачем». Зачем один отец, желая исторгнуть своего сына из беспорядочной жизни, не тратил слов и наставлений, а привел его в лазарет, где предстали пред ним во всем ужасе страшные следы беспорядочной жизни? Зачем он это сделал?

Господин В. Но позвольте вам заметить: это уже некоторым образом наши общественные раны, которые нужно скрывать, а не показывать.

Господин П. Это правда. Я с этим совершенно согласен. У нас дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господин Б. Если бы слова эти были сказаны кем другим, а не вами, я бы сказал, что ими водило лицемерие, а не истинная любовь к отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, залечить как-нибудь снаружи эти, как вы называете, общественные раны, лишь бы только покамест они не были видны, а внутри пусть свирепствует болезнь — до того нет нужды. Нет нужды, что она может взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лечение поздно. До того нет нужды. Вы не хотите знать того, что без глубокой сердечной исповеди, без христианского сознания грехов своих, без преувеличенья их в собственных глазах наших не в силах мы возвыситься над ними, не в силах возлететь душой превыше презренного в жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глух остается человек, пусть сонно проходит жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачет в глубине сердца, пусть низведет до такого усыпленья свою душу, чтобы уже ничто не произвело в ней потрясения! Нет... простите меня! Холодный эгоизм движет устами, произносящими такие речи, а не святая, чистая любовь к человечеству. *(Уходит.)*

Господин П. *(после некоторого молчания).* Что ж ты молчишь? Каков? Чего не наговорил, а?

Господин В. молчит.

(Продолжая.) Он может себе говорить что ему угодно, а ведь это все-таки наши, так сказать, раны.

Господин В. *(в сторону).* Ну, попались ему на язык эти раны! Будет он толковать о них и встречному и поперечному!

Господин П. Этак, пожалуй, и я могу насказать кучу всего, да ведь что ж из этого?.. А, вот князь N. Послушай, князь, не уходи!

Князь N. А что?

Господин П. Ну, потолкуем, остановись! Ну что, как пьеса?

Князь N. Да смешна.

Господин П. Но, однако ж, скажи: как это представлять? на что это похоже?..

Князь N. Почему ж не представлять?

Господин П. Ну да посуди сам, ну да как же это: вдруг на сцене плут — ведь это всё наши раны.

Князь N. Какие раны?

Господин П. Да, это наши раны, наши, так сказать, общественные раны.

Князь N. *(с досадою)*. Возьми их себе! Пусть они будут твои, а не мои раны! Что ты мне их тычешь? Мне пора домой. *(Уходит.)*

Господин П. *(продолжая)*. И потом опять, что за чепуху он наговорил здесь? Говорит: действительный статский советник может быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

Господин В. Однако ж пойдем, полно толковать; я думаю, что все проходящие узнали уже, что ты действительный статский советник. *(В сторону.)* Есть люди, которые имеют искусство все охаять. Твою же мысль, повторивши, они умеют сделать ее так пошлою, что сам краснеешь. Скажешь глупость, она бы, может быть, так и проскользнула незамеченной,— нет, отыщется поклонник и приятель, который непременно пустит ее в ход и сделает еще глупее, чем она есть. Даже досадно, право: точно в грязь посадил.

Уходят.

Военный и статский выходят вместе.

Статский. Ведь вот вы какие, господа военные! Вы говорите «это нужно выводить на сцену»; вы готовы вдоволь посмеяться над каким-нибудь статским чиновником; а затронь как-нибудь военных, скажи только, что есть в таком-то полку офицеры, не говоря уже о порочных наклонностях, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, с неприличными ухватками,— да вы из-за одного этого готовы с жалобой полезть в самый государственный совет.

Военный. Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такие донкишоты; но поверьте также, что есть много истинно рассудитель-

ных людей, которые будут рады всегда, если будет выведен на всеобщее осмеяние порочащий свое званье. Да и в чем здесь обида? Подавайте, подавайте нам его! Мы всякий день готовы смотреть.

Статский *(в сторону)*. Этак всегда кричит человек: «Подавайте! подавайте!» — а подашь — так и рассердится.

Уходят.

Две бекеши.

Первая бекеша. У французов тоже, например; но у них все это очень мило. Ну вот, помнишь, во вчерашнем водевиле: раздевается, ложится в постель, схватывает со стола салатник и ставит его под кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотреть, это не оскорбляет... У меня жена и дети всякий день в театре. А здесь — ну что это, право? — какой-нибудь мерзавец, мужик, которого бы я в переднюю не пустил, развалится с сапогами, зевает или ковыряет в зубах,— ну что это, право? на что это похоже?

Другая бекеша. У французов другое дело. Там société, mon cher! [1] У нас это невозможно. У нас ведь сочинители совершенно без всякого образованья: все это большею частью воспитывалось в семинарии. Он и к вину наклонен, он и потаскун. К моему лакею тоже ходил в гости один какой-то сочинитель: где ж ему иметь понятие о хорошем обществе?

Уходят.

Светская дама *(в сопровождении двух мужчин: одного во фраке, другого в мундире)*. Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы один привлек... Ну, отчего не пишут у нас так, как французы пишут, например как Дюма и другие? Я не требую образцов добродетели; выведите мне женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже изменила мужу, предалась, положим, самой порочной и непозволенной любви; но представьте это увлекательно, так, чтобы я побуждена

---

[1] общество, мой милый! *(франц.)*

была к ней участьем, чтобы я полюбила ее... А ведь здесь все лица — один отвратительней другого.

Мужчина в мундире. Да, тривиально, тривиально.

Светская дама. Скажите: отчего у нас в России все еще так тривиально?

Мужчина во фраке. Душа моя, после расскажешь, отчего тривиально: кричат нашу карету.

Уходят.

Выходят трое мужчин вместе.

Первый. Почему же не посмеяться? смеяться можно; но что за предмет для насмешки — злоупотребления и пороки? Какая здесь насмешка?

Второй. Так над чем же смеяться? Разве над добродетелями, над достоинствами человека?

Первый. Нет; да это не предмет для комедии, мой милый! Это уже некоторым образом касается правительства. Как будто нет других предметов, о чем можно писать?

Второй. Какие же другие предметы?

Первый. Ну да мало ли есть всяких смешных светских случаев? Ну, положим, например, я отправился на гулянье на Аптекарский остров, а кучер меня вдруг завез на Выборгскую или к Смольному монастырю. Мало ли есть всяких смешных сцеплений?

Второй. То есть вы хотите отнять у комедии всякое сурьезное значение. Но зачем же издавать непременный закон? Комедий в том именно вкусе, в каком вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существования двух, трех таких, какова была игранная теперь? Если же вам нравятся те, о которых вы говорите, поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пьесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его оттуда за ногу.

Третий. Ну нет, послушайте, это не то. Всему есть свои границы. Есть вещи, над которыми, так сказать, не следует смеяться, которые в некотором роде уже святыня.

Второй *(про себя, с горькой усмешкой)*. Так всегда на свете: посмейся над истинно благородным, над тем, что составляет высокую святыню души,— никто не станет заступником; посмейся же над порочным, подлым и низким — все закричат: «Он смеется над святыней!»

Первый. Ну вот видите ли, вы, я вижу, теперь убеждены: не говорите ни слова. Поверьте, нельзя не быть убеждену: это истина. Я сам человек беспристрастный и говорю, не то чтобы... но просто это не авторское дело, это не предмет для комедии. *(Уходит.)*

Второй *(про себя)*. Признаюсь, я бы ни за что не захотел быть на месте автора. Прошу угодить! Избери маловажные светские случаи, все будут говорить: «Он пишет вздор, никакой нет глубокой нравственной цели»; избери предмет, сколько-нибудь имеющий сурьезную нравственную цель — будут говорить: «Не его дело, пиши пустяки!» *(Уходит.)*

Молодая дама большого света в сопровождении мужа.

Муж. Карета наша не должна быть далеко, мы можем скоро уехать.

Господин N. *(подходя к даме)*. Что вижу! Вы приехали смотреть русскую пьесу!

Молодая дама. Что ж тут такого? разве я уже ничуть не патриотка?

Господин N. Ну, если так, то вы не очень насытили патриотизм свой. Вы, верно, браните пьесу?

Молодая дама. Совсем нет. Я нахожу, что многое очень верно: я смеялась от души.

Господин N. Отчего же вы смеялись? Оттого ли, что любите посмеяться над всем, что русское?

Молодая дама. Оттого, что просто было смешно. Оттого, что выведена была внаружу та подлость, низость, которая в какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не в уездном городке, а здесь, вокруг нас,— она была бы такая же подлость или низость: вот отчего смеялась.

Господин N. Мне говорила сейчас одна очень умная дама, что она тоже смеялась, но что при всем том пьеса произвела на нее грустное впечатление.

Молодая дама. Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама; но у меня не так чувствительны нервы, и я всегда рада смеяться над тем, что внутренне смешно. Я знаю, что есть иные из нас, которые от души готовы посмеяться над кривым носом человека и не имеют духа посмеяться над кривою душою человека.

Вдали показывается тоже молодая дама с мужем.

Господин N. А вот идет ваша приятельница. Я бы желал знать ее мнение о комедии.

Обе дамы подают друг другу руку.

Первая дама. Я видела издали, как ты смеялась.

Вторая дама. Да кто же не смеялся? все смеялись.

Господин N. А не чувствовали вы никакого грустного чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мне было точно грустно. Я знаю, все это очень верно; я сама тоже видела много подобного, но при всем том мне было тяжело.

Господин N. Стало быть, комедия вам не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто ж это говорит? Я вам говорю уже, что я смеялась от всей души, и больше даже, нежели все другие; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мне было грустно оттого, что хотелось бы отдохнуть хоть на одном добром лице. Это излишество и множество низкого...

Господин N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел хоть одного честного человека. Скажите ему, что об этом его просят, что это будет, право, хорошо.

Муж первой дамы. А вот же этого именно и не советуйте. Дамам хочется непременно рыцаря, чтобы он тут же твердил им за всяким словом о благородстве, хотя бы самым пошлым слогом.

Вторая дама. Совсем нет! Как вы мало знаете нас! Вот вам-то принадлежит это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородстве. Я слышала

суждение одного из вас: один толстяк кричал так, что, я думаю, всех заставил на себя обратиться,— что это клевета, что подобных низостей и подлостей у нас никогда не делается. А кто говорил? — самый низкий и подлый человек, который готов продать свою душу, совесть и все что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господин N. Ну скажите же, кто это был?

Вторая дама. Зачем вам знать? Да не он один; я слышала беспрестанно, как около нас кричали: «Это отвратительная насмешка над Россией, насмешка над правительством! Да как это позволить? Да что скажет народ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что в самом деле думали и чувствовали это? Извините! Оттого, чтобы произвести шум, чтобы запретили пьесу, потому что в ней, может быть, отыскали кое-что похожее на самих себя. Вот каковы ваши настоящие, не театральные рыцари!

Муж первой дамы. О! да у вас уж начинает рождаться маленькая злость!

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, как подлость является под всякими личинами.

Муж первой дамы. Ну да: вам бы хотелось, чтобы сейчас выскочил рыцарь, прыгнул через какую-нибудь пропасть, сломил бы себе шею...

Вторая дама. Извините.

Муж первой дамы. Натурально: женщине что нужно? Ей непременно нужно, чтобы в жизни был роман.

Вторая дама. Нет, нет, нет! Двести раз готова говорить: нет! Это пошлая, старая мысль, которую вы нам навязываете беспрестанно. У женщины больше истинного великодушия, чем у мужчины. Женщина не может, женщина не в силах сделать тех подлостей и гадостей, какие делаете вы. Женщина не может там лицемерить, где лицемерите вы, не может смотреть сквозь пальцы на те низости, на которые вы смотрите. В ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонам, понравится ли это кому-либо, или нет,— потому что это нужно говорить. Что подло то подло, как вы ни скры-

Театральный разъезд после представления новой комедии
Рисунок П. Боклевского [1882]

вайте его и какой ни давайте вид. Это подло, подло, подло!

Муж первой дамы. Да вы, я вижу, рассердились во всех отношениях.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорят неправду.

Муж первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мне вашу ручку! Я пошутил.

Вторая дама. Вот вам рука моя, я не сержусь. *(Обращаясь к N.)* Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел в комедии благородного и честного человека.

Господин N. Да как же это сделать? Ну, если он выведет честного человека, а этот честный человек будет похож на театрального рыцаря?

Вторая дама. Нет, если он сильно и глубоко чувствует, то герой его не будет театральным рыцарем.

Господин N. Да ведь, я думаю, это не так легко сделать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего нет глубоких и сильных движений сердечных.

Господин N. Отчего ж так?

Вторая дама. Ну да уж кто беспрестанно и вечно смеется, тот не может иметь слишком высоких чувств; ему не может быть знакомо то, что чувствует одно только нежное сердце.

Господин N. Вот хорошо! Стало быть, по-вашему, автор не должен быть благородный человек?

Вторая дама. Ну вот видите, вы сейчас перетолковываете в другую сторону. Я не говорю ни слова о том, чтобы у комика не было благородства и строгого понятия о чести во всем смысле слова. Я говорю только, что он не мог бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Муж второй дамы. Но как же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Все люди, которые смеялись или были насмешниками, все они были самолюбивы, все почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но всё же эгоисты.

Господин N. Стало быть, вы решительно предпочитаете только тот род сочинений, где действуют одни высокие движенья человека?

Вторая дама. О, конечно! Я их всегда поставлю выше, и, признаюсь, я больше имею душевной веры к такому автору.

Муж первой дамы *(обращаясь к господину N.)*. Ну, разве ты не видишь,— выходит опять то же. Это женский вкус. Для них самая пошлая трагедия выше самой лучшей комедии, уж потому только, что она трагедия...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. *(Обращаясь к N.)* Ну, скажите, не правду ли я сказала: ведь у комика душа непременно должна быть холодная?

Муж второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждает тоже к насмешкам и сатирам.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но что же это значит? Это значит, что причиною таких произведений все же была желчь, ожесточение, негодование, может быть и справедливое во всех отношениях. Но нет того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью к человечеству... словом, любовью. Не правда ли?

Господин N. Это правда.

Вторая дама. Ну скажите: похож автор комедии на этот портрет?

Господин N. Как вам сказать? Я не знаю так коротко его, чтобы мог судить о душе его. Но, соображая все, что я о нем слышал, он точно должен быть или эгоист, или очень раздражительный человек.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мне бы не хотелось, чтобы он был эгоистом.

Муж первой дамы. А вот идет наш лакей, стало быть карета готова. Прощайте. *(Пожимая руку второй дамы.)* Вы к нам, не правда ли? Чай пьем у нас?

Первая дама *(уходя)*. Пожалуйста!

Вторая дама. Непременно.

Муж второй дамы. Кажется, наша карета тоже готова.

Уходят за ними.

Выходят двое зрителей.

Первый. Вот что растолкуйте мне: отчего, разбирая порознь всякое действие, лицо и характер, видишь: все это правда, живо, взято с натуры, а вместе кажется уже чем-то громадным, преувеличенным, карикатурным, так что, выходя из театра, невольно спрашиваешь: неужели существуют такие люди? А между тем ведь они не то чтобы злодеи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодеи. Они именно то, что говорит пословица: «Не душой худ, а просто плут».

Первый. И потом еще одно: это громадное накопление, это излишество — не есть ли уже недостаток комедии? Скажите мне, где есть такое общество, которое бы состояло все из таких людей, чтобы не было если не половины, то по крайней мере некоторой части порядочных людей? Если комедия должна быть картиной и зеркалом общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей верности.

Второй. Во-первых, по моему мнению, эта комедия вовсе не картина, а скорее фронтиспис. Вы видите — и сцена и место действия идеальны. Иначе автор не сделал бы очевидных погрешностей и анахронизмов, не вставил бы даже иным лицам тех речей, которые, по свойству своему и по месту, занимаемому лицами, не принадлежат им. Только первая раздражительность приняла за личность то, в чем нет и тени личности и что принадлежит более или менее личности всех людей. Это — сборное место: отовсюду, из разных углов России, стеклись сюда исключения из правды, заблуждения и злоупотребления, чтобы послужить одной идее — произвести в зрителе яркое, благородное отвращение от многого кое-чего низкого. Впечатление еще сильней оттого, что никто из приведенных лиц не утратил своего человеческого образа: человеческое слышится везде. Оттого еще глубже сердечное содрогание. И, смеясь, зритель невольно оборачивается

назад, как бы чувствуя, что близко от него то, над чем он посмеялся, и что ежеминутно должен он стоять на страже, чтобы не ворвалось оно в его собственную душу. Я думаю, забавней всего слышать автору упреки: «зачем лица и герои его не привлекательны»,— тогда как он употребил все, чтобы оттолкнуть от них. Да если бы хотя одно лицо честное было помещено в комедию, и помещено со всей увлекательностью, то уже все до одного перешли бы на сторону этого честного лица и позабыли бы вовсе о тех, которые так испугали их теперь. Эти образы, может быть, не мерещились бы беспрестанно, как живые, по окончании представленья; зритель не унес бы грустного чувства и не говорил бы: «Неужели существуют такие люди?»

Первый. Да. Ну, это, однако же, не вдруг поймут.

Второй. Весьма естественно. Смысл внутренний всегда постигается после. И чем живее, чем ярче те образы, в которые он облекся и на которые раздробился, тем более останавливается всеобщее внимание на образах. Только сложивши их вместе, получишь итог и смысл созданья. Но разбирать и складывать такие буквы быстро, читать по верхам и вдруг — не всякий может; а до тех пор долго будут видеть одни буквы. И вы увидите, вот я вам говорю это вперед: прежде всего рассердится всякий уездный городишко в России и будет утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него.

Уходят.

Один чиновник. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновник. Теперь, значит, уж ничего не осталось. Законов не нужно, служить не нужно. Вицмундир, вот который на мне,— его, значит, нужно бросить: он уж теперь тряпка.

Бегут двое молодых людей.

Один. Ну, все рассердились. Я уж столько наслышался толков, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думает о пьесе.

Другой. Ну, что думает вот этот?

Первый. Вот тот, который надевает шинель в рукава?

Другой. Да.

Первый. Вот что он думает: «За такую комедию тебя бы в Нерчинск!..» Однако ж тронулось, кажется, верхнее население; водевиль, как видно, кончился. Сейчас нахлынут разночинцы. Уйдем.

Оба уходят.

Шум увеличивается; по всем лестницам раздается беготня. Бегут армяки, полушубки, чепцы, немецкие долгополые кафтаны купцов, треугольные шляпы и султаны, шинели всех родов: фризовые, военные, подержанные и щегольские — с бобрами. Толпа сталкивает господина, надевающего в рукав шинель; господин посторонивается и продолжает надевать ее в стороне. Показываются в толпе господа и чиновники всех родов и сортов. Лакеи в ливреях прочищают для барынь дорогу. Слышен бабий крик: «Батюшки, припихнули со всех сторон!»

Молоденький чиновник уклончивого свойства *(подбегая к господину, надевающему шинель)*. Ваше превосходительство, позвольте, я вам подержу!

Господин в шинели. А, здравствуй! Ты здесь? Пришел смотреть?

Молоденький чиновник. Да-с, ваше превосходительство, забавно подмечено.

Господин в шинели. Вздор! ничего нет забавного!

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство, совсем ничего нет.

Господин в шинели. За эдакие вещи нужно сечь, а не хвалить.

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство.

Господин в шинели. Вот, пускают молодых людей в театр. Много полезного вынесут! Вот и ты: теперь уж, чай, придешь в канцелярию, прямо грубить станешь?

Молоденький чиновник. Как можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вам прочищу дорогу вперед! *(Народу, толкая того и другого.)* Эй, вы,

посторонитесь, генерал идет! *(Подходя с необыкновенным учтивством к двум щегольски одетым.)* Господа, сделайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одетые, посторониваясь и давая дорогу:

Первый. Не знаешь, какой генерал? Должен быть какой-нибудь известный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывал его.

Чиновник разговорчивого свойства *(подхватывая сзади)*. Просто статский советник, по месту только числится в четвертом классе. Каково счастье? В пятнадцать лет службы Владимира, Анну, Станислава, три тысячи рублей жалованья, две тысячи столовых, да от совета, да от комиссии, да еще по департаменту.

Господа хорошо одетые *(один другому)*. Уйдем!

Уходят.

Чиновник разговорчивого свойства. Должны быть матушкины сынки. Чай, в иностранной коллегии служат. Я не люблю комедий; на мой вкус больше нравятся трагедии. *(Уходит.)*

Голос из толпы. Эк народу навалило!

Офицер *(пробираясь с дамой под руку)*. Эй вы, бороды, что напираете? Разве не видишь — дама?

Купец *(с дамой под руку)*. У самих, батюшка, дама.

Голос из толпы. Вот она поворотилась, видишь, видишь? Еще теперь подурнела, но года три тому назад...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взял с него сдачи.— Подлая, скверная пьеса! — Забавная пьеска! — Ты что лезешь в самое горло?

Голос в одном конце толпы. Все это вздор! Где могло случиться такое происшествие? Этакое происшествие могло только разве случиться на Чукотском острову.

Голос в другом конце. Ну вот точь-в-точь эдакое событие было в нашем городке. Я подозреваю, что автор если не был сам там, то, вероятно, слышал.

Голос купца. Оно, вот изволите видеть, оно здесь больше, так сказать, с маральной стороны. Конечно, бывают, так сказать, всякие-с. Да ведь и то извольте посудить, что и честный человек, случаем придется... А насчет маральности, так и за дворянами это водится.

Голос господина поощрительного свойства. Должен быть бестия, пройдоха сочинитель: все изведал, все знает!

Голос сердитого чиновника, но, как видно, опытного. Что он знает? — черта он знает. И врет он, врет: все это, что ни написал он, всё — враки. И взятки не так берут, уж если пошло на то...

Голос другого чиновника из толпы. Да что вы говорите: «смешно, смешно»! Знаете ли, отчего смешно? Ведь это всё личности. Ведь это все он вывел своих бабушек да тетушек. Вот отчего это смешно.

Неизвестный голос. Стой, украли платок!

Два офицера, узнавшие друг друга, переговариваются через толпу.

Первый. Мишель, ты туда?

Второй. Туда.

Первый. Ну, и я там.

Чиновник важной наружности. Я бы всё запретил. Ничего не нужно печатать. Просвещением пользуйся, читай, а не пиши. Книг уж довольно написано, больше не нужно.

Голос в народе. Что ж, коли подлец, то и подлец. Не будь подлецом, то и не будут над тобой смеяться.

Красивый и плотный господин *(говорит с жаром невзрачному и низенькому)*. Нравственность, нравственность страждет, вот что главное!

Господин низенький и невзрачный, но ядовитого свойства. Да ведь нравственность вещь относительная.

Красивый и плотный господин. Что вы разумеете под именем «относительная»?

Невзрачный, но ядовитого свойства господин. То, что нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью снимание ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотренье сквозь пальцы на то, как он ворует; третий называет нравственностью услуги, оказываемые его любовнице. Ведь обыкновенно как говорит всякий из нашей братьи своим подчиненным? — свысока говорит: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно бога, государя, отечества»,— а ты, мол, уж там себе разумей, относительно чего. Впрочем, это так только в провинциях водится, в столицах этого не бывает, не правда ли? Тут если и явится у кого-нибудь в три года два дома, так ведь это отчего? Всё от честности, не так ли?

Красивый и плотный господин *(в сторону)*. Скверен, как черт, а язык как у змеи.

Невзрачный, но ядовитого свойства господин *(толкая под руку вовсе незнакомого ему человека, говорит ему, кивая на красивого господина)*. Четыре дома в одной улице; все рядом один возле другого в шесть лет выросли! Каково действует честность на прозябательную силу, а?

Незнакомец *(уходя поспешно)*. Извините, я недослышал.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек *(толкая под руку незнакомого соседа)*. Глухота-то как нынче распространилась в городе, а? Вот что значит нездоровый и сырой климат.

Незнакомый сосед. Да вот и грипп тоже. У меня все дети переболели.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек. Да, и грипп, и глухота; свинка тоже в горле. *(Пропадает в толпе.)*

Разговор в группе на стороне.

Первый. А говорят, что подобное происшествие случилось с самим автором: он в каком-то городке сидел в тюрьме за долги.

Господин с другой стороны группы (*подхватывая речь*). Нет, это было не в тюрьме, это было на башне. Это видели те, которые проезжали. Говорят, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэт на высочайшей башне, вокруг горы, местоположение восхитительное, и он оттуда читает стихи. Не правда ли, что здесь является какая-то особенная черта писателя?

Господин положительного свойства. Автор должен быть умный человек.

Господин отрицательного свойства. Ничуть не умный. Я знаю, он служил, его чуть не выгнали из службы: просьбы не умел написать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему места долго не давали, так что ж вы думаете? — он прямо написал письмо к министру. Да ведь как написал! Квинтильяновским манером. Одно уж то, как начал: «Милостивый государь!» А потом и пошел, и пошел, и пошел... страниц восемь отвалял кругом. Министр, как прочитал: «Ну, говорит, благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много врагов. Будь начальник отделения!» И прямо из писцов махнул он в начальники отделения.

Господин добродушного свойства (*обращаясь к другому человеку, хладнокровного свойства*). Черт его знает, кому и верить! И в тюрьме сидел, и на башню лазил! И выгнали из службы, и место дали!

Господин хладнокровного свойства. Да ведь это все говорится экспромтом.

Господин добродушного свойства. Как экспромтом?

Господин хладнокровный. Так. Ведь они еще за две минуты не знают сами, что услышат от себя. Язык у них без ведома хозяина вдруг брякнет новость, а хозяин и рад — возвращается домой, как будто бы наелся. А на другой день он уж и позабыл о том, что сам выдумал. Ему кажется, что он услышал от других,— и пошел передавать ее по городу всем.

Господин добродушный. Это, однако же, бессовестно: лгать и не чувствовать самому.

Господин хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такие, которые чувствуют, что лгут, но считают уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а речь ложью.

Дама среднего света. Но только какой злой насмешник должен быть этот автор! Я, признаюсь, ни за что бы не хотела попасться ему на глаза: этак он вдруг заметит во мне смешное.

Господин с весом. Я не знаю, что это за человек. Это, это, это... Для этого человека нет ничего священного; сегодня он скажет: такой-то советник не хорош, а завтра скажет, что и бога нет. Ведь тут всего только один шаг.

Второй господин. Осмеять! Да ведь со смехом шутить нельзя. Это значит разрушить всякое уважение — вот что это значит. Да ведь меня после всего этого всякий прибьет на улице, скажет: «Да ведь над вами смеются; а на тебе такой же чин, так вот тебе затрещина!» Ведь это вот что значит.

Третий господин. Еще бы! Это сурьезная вещь! Говорят: «Безделушка, пустяки, театральное представление». Нет, это не простые безделушки; на это обратить нужно строгое внимание. За эдакие вещи и в Сибирь посылают. Да если бы я имел власть, у меня бы автор не пикнул. Я бы его в такое место засадил, что он бы и света божьего невзвидел.

Появляется группа людей, бог весть какого свойства, впрочем благородной наружности и прилично одетых.

Первый. Постоимте лучше здесь, покамест выйдет толпа. Ну что это, право! Затевать шум, рукоплесканье, как будто бы бог знает что! Безделка, какая-нибудь пустая театральная пьеса, и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора — ну что это такое!

Второй. Однако ж пьеса повеселила, развлекла.

Первый. Ну да, повеселила, как обыкновенно веселит всякая безделка. Но зачем же из-за этого такие крики, толки? Рассуждают, как будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируют... Ну, что это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь певица или танцовщица,— ну, там я понимаю: там удивляешься искус-

ству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здесь что? Кричат: «Литератор! литератор! писатель!» Да что такое писатель? Что иной раз попадется остроумное словцо да спишет кое-что с натуры... Да что же здесь за труд? Что ж тут такого? Ведь это всё побасенки — и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь неважная.

Первый. Рассудите: ну, танцор, например,— там все-таки искусство, уж этого никак не сделаешь, что он делает. Ну захоти я, например: да у меня просто ноги не подымутся. Ну сделай я антраша—не сделаю ни за что. А ведь писать можно не учившись. Я не знаю, кто такой автор, но мне сказывали, что он невежа совершенный, ничего не знает: его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй. Но, однако ж, все-таки что-нибудь он должен знать: без этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, что ж он может знать? Вы сами знаете, что такое литератор: пустейший человек! Это всему свету известно — ни на какое дело не годится. Уж их пробовали употреблять, да бросили. Ну посудите сами, ну что такое они пишут? Ведь это всё пустяки, побасенки! Захоти, я сей же час это напишу, и вы напишете, и он напишет, и всякий напишет.

Второй. Да, конечно, почему ж и не написать. Будь только капля ума в голове, так уж и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачем тут ум? Ведь это всё побасенки. Ну, если бы еще была, положим, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предмет, которого еще не знаешь, а ведь это что такое? Ведь это всякий мужик знает. Это всякий день увидишь на улице. Садись только у окна да записывай все, что ни делается,— вот и вся штука!

Третий. Это правда. Как подумаешь, право, на какой вздор употребляют время!

Первый. Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать им перо и чернила в руки. Однако ж народ выходит, пойдемте! Подымать шум, кричать, поощрять! а дело — просто вздор! Побасенки! пустяки! побасенки!

Уходят. Толпа редеет, бегут кое-какие отставшие.

Добродушный чиновник. А все бы, право, ну что бы хоть одного честного человека выставить! Всё плуты да плуты.

Один из народа. Слышь ты, жди меня на перекрестке! Я забегу возьму рукавицы.

Один из господ *(смотря на часы)*. Однако скоро час. Никогда я так поздно не выходил из театра. *(Уходит.)*

Отставший чиновник. Только время даром пропало! Нет, никогда больше не пойду в театр! *(Уходит.)*

Сени пустеют.

Автор пьесы *(выходя)*. Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну недвижную массу, где оно не облеклось одной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мненье, где всякий сам создатель своего характера. Какое разнообразие в этих мнениях, и как везде блеснул этот твердый ясный русский ум: и в сем благородном стремленье государственного мужа! и в сем высоком самоотверженье забившегося в глушь чиновника! и в нежной красоте великодушной женской души! и в эстетическом чувстве ценителей! и в простом верном чутье народа! Как даже в сих недоброжелательных осуждениях много того, что нужно знать комику! Какой живой урок! Да, я удовлетворен. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в нем во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо был — *смех*. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на то что доставил обидное прозванье комику — прозванье холодного эгоиста, и заставил даже усомниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил

ему честно, и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлеченья и забавы людей,— но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из нее потому, что на дне ее заключен вечно биющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проницающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека. Презренное и ничтожное, мимо которого он равнодушно проходит всякий день, не возросло бы перед ним в такой страшной, почти карикатурной силе, и он не вскрикнул бы, содрогаясь: «Неужели есть такие люди?» — тогда как, по собственному сознанию его, бывают хуже люди. Нет, несправедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многое бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примиренье в душу. И тот, кто бы понес мщение противу злобного человека, уже почти мирится с ним, видя осмеянными низкие движенья души его. Несправедливы те, которые говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над плутом, выведенным на сцену: плут-потомок посмеется, но плут-современник не в силах посмеяться! Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движенья с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошел ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете. Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха: «что смешно, то низко»,— говорит свет; только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают названье высокого. Но, боже! сколько проходит ежедневно людей, для которых нет вовсе высокого в мире! Все, что ни творилось вдохновеньем, для них пустяки и побасенки; созданья Шекспира для

них побасенки; святые движенья души — для них побасенки. Нет, не оскорбленное мелочное самолюбье писателя заставляет меня сказать это, не потому, что мои незрелые, слабые созданья были сейчас названы побасенками,—нет, я вижу свои пороки и вижу, что достоин упреков; но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннейшие творения честились именами пустяков и побасенок, когда все светила и звезды мира признавались творцами одних пустяков и побасенок! Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на бесчувственных их лицах не вздрагивал даже ни призрак выражения от того, что повергало в небесные слезы глубоко любящую душу, и не коснел язык их произнести свое вечное слово «побасенки»! Побасенки!.. А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось все, что было,— а побасенки живут и повторяются поныне, и внемлют им мудрые цари, глубокие правители, прекрасный старец и полный благородного стремленья юноша. Побасенки!.. А вон стонут балконы и перила театров: все потряслось снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, и все люди встретились, как братья, в одном душевном движенье, и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которого уже пятьсот лет как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? Отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вон, среди сих же рядов потрясенной толпы, пришел удрученный горем и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку,— и брызнули вдруг свежительные слезы из его очей, и вышел он примиренный с жизнью и просит вновь у неба горя и страданий, чтобы только жить и залиться вновь слезами от таких побасенок. Побасенки!.. Но мир задремал бы без таких побасенок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудут же вечно святы в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасенкам: чудный перст

провиденья был неотлучно над главами творцов их. В минуты даже бед и гонений все, что было благороднейшего в государствах, становилось прежде всего их заступником: венчанный монарх осенял их царским щитом своим с вышины недоступного престола.

Бодрей же в путь! И да не смутится душа от осуждений, но да примет благодарно указанья недостатков, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей в высоких движеньях и в святой любви к человечеству! Мир — как водоворот: движутся в нем вечно мненья и толки; но всё перемалывает время. Как шелуха, слетают ложные и, как твердые зерна, остаются недвижные истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженное строгим значеньем. Во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. И почему знать — может быть, будет признано потом всеми, что в силу тех же законов, почему гордый и сильный человек является ничтожным и слабым в несчастии, а слабый возрастает, как исполин, среди бед,— в силу тех же самых законов, кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ К КОМЕДИИ «РЕВИЗОР»

1. «РЕВИЗОР»

Редакция первого издания, 1836 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий		г-н *Сосницкий.*
Анна Андреевна, жена его		г-жа *Сосницкая.*
Марья Антоновна, дочь его		г-жа *Асенкова* (м.).
Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ		г-н *Хотяинцов.*
Жена его		г-жа *Шемаева.*
Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья		г-н *Григорьев* (б.).
Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений		г-н *Толченов.*
Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер		г-н *Рославской.*
Петр Иванович Добчинский	городские помещики	г-н *Крамолей* (восп.).
Петр Иванович Бобчинский	городские помещики	г-н *Петров* (восп.).
Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга		г-н *Дюр.*
Осип, слуга его		г-н *Афанасьев.*

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь		
Федор Андреевич Люлюков	отставные чиновники, почетные лица в городе	г-н *Горшенков* (восп.).
Иван Лазаревич Растаковский		г-н *Бекер* 2-й.
Степан Иванович Коробкин		г-н *Байков*.
Степан Ильич Уховертов, частный пристав		г-н *Григорьев* (м.).
Свистунов	полицейские	г-н *Дубровин*.
Пуговицын		г-н *Чайский*.
Держиморда		г-н *Ахалин* (восп.).
Абдулин, купец		г-н *Сосновский*.
Февронья Петрова Пошлепкина, слесарша		г-жа *Гусева*.
Мишка, слуга городничего		г-н *Марловецкий* (восп.).
Слуга трактирный		г-н *Краюшкин*.

Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

ЗАМЕЧАНИЯ ДЛЯ ГОСПОД АКТЕРОВ

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженые, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполовину на романах и альбомах, вполовину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что

тот не находится что отвечать ей. Но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек, лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове. Один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно; смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные и чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского. Оба в серых фраках, желтых нанковых панталонах; сапоги с кисточками. Представляются: Добчинский в широком фраке бутылочного цвета, Бобчинский в прежнем гарнизонном мундире.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земленика, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив. Костюм его: довольно широкий фрак, но в четвертом действии является

в узком губернском мундире с короткими рукавами и огромным воротником, почти захватывающим уши.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений: оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Гости должны быть разнохарактерны. Они должны быть высокие и низенькие, толстые и тонкие, нечесанные и причесанные. Костюмированы тоже должны быть различно: во фраках, венгерках и сюртуках разного цвета и покроя. В дамских костюмах та же пестрота: одни одеты довольно прилично, даже с притязанием на моду, но что-нибудь до́лжны иметь не так как следует: или чепец набекрень, или ридикюль какой-нибудь странный. Другие в платьях, уже совершенно не принадлежащих ни к какой моде; с большими платками и чепчиками в виде сахарной головы и проч.

Вообще следует обратить внимание на целое всей пьесы. Страх, испуг, недоумение, суетливость должны разом и вдруг выражаться на всей группе действующих лиц, выражаться в каждом совершенно особенно, сообразно с его характером.

ДЕЙСТВИЕ I

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие. Меня уведомляют, что отправился инкогнито из Петербурга чиновник с секретным предписанием обревизовать в нашей губернии все относящееся по части гражданского управления.

Аммос Федорович. Что вы говорите! из Петербурга?

Артемий Филиппович *(в испуге)*. С секретным предписанием?

Лука Лукич *(в испуге)*. Инкогнито?

Городничий. Я, признаюсь вам откровенно, очень потревожился. Так как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Лю-

безный друг, кум и благодетель *(бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)*... и уведомить тебя». А! вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд *(значительно поднимает палец вверх)*. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» *(Остановясь.)* Ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность: ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кириловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке...» и прочее и прочее. Так вот какое обстоятельство.

Аммос Федорович. В самом деле, чрезвычайное происшествие.

Лука Лукич. Скажите, пожалуйста, Антон Антонович, отчего это? Зачем же к нам ревизор? Ведь наш город уже, кажется, так далеко от всего, что об нем бы и заботиться нечего.

Городничий *(испуская вздох)*. Говорите же вы! до сегодняшнего дни бог миловал. Случалось, правда, по газетам слышать, что в таком-то месте того-то посадили за взятки, того-то отдали под суд за потворство и воровство или за подлог, но все это случалось, благодарение богу, в других местах, а к нам до сих пор никаких ни ревизовок, ни ревизоров... ничего не было.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит, Россия хочет вести войну, и потому министерия нарочно отправляет чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены.

Городничий. Нет, Аммос Федорович. Вы хотя и ученый человек, но не туда попали. Где нашему уездному городишке? Если б он был пограничным, еще бы как-нибудь возможно предположить; а то стоит черт знает где, в глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий *(махнув рукой)*. Ну... вас, я знаю, не переговоришь. Я, господа, собрал вас нарочно... По своей части, то есть в отношении устройства городового и полиции, я уже кое-как распорядился, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович. Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения,— и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему в будни; и там, как следует, надписать пред каждою кроватью по-латыни или на другом каком языке... как признается нужно,— это уж по вашей части, Христиан Иванович,— всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа, как найдете лучше. *(Помолчав и покачав головою.)* У вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше, потому что сейчас отнесут или к дурному смотрению, или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. На счет этот мы уже с Христианом Ивановичем распорядились как нужно. Все зависит от образа лечения: я полагаю, что чем ближе к натуре, тем лучше. Да и в самом деле, зачем убыточиться и выписывать дорогие лекарства для какого-нибудь инвалида?.. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Притом и Христиану Ивановичу очень затруднительно было б с ними изъясняться, потому что он не знает по-русски. Лучше же сберегу я казенный интерес и уменьшением расходов увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердие, без сомнения представит меня к отличию в поощрение прочим *(обращаясь к Христиану Ивановичу)*,— то есть я разумею, что при этом и вам будет какое-нибудь благоволение.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? только, знаете, в таком месте неприлично... я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, вы, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, может быть, очень хороший человек и сведущий в своем деле, но от него, знаете, такой запах, как будто б он только что вышел из винокуренного завода,— это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть такие средства, которые могут это несколько поправить, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными средствами или медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать. Он говорит, точно, что как-то в детстве мамка его ушибла, и с того времени от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. У меня если есть грешки, то самые невинные!

Ведь я, как вам известно, беру взятки борзыми щенками.

Городничий. Ну, щенками или чем другим, всё взятки.

Аммос Федорович. Э, нет, Антон Антонович, это совсем не то. Вот у вас, например: шуба стоит пятьсот рублей, да...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете: вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, то просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в этом случае бог знает: ежели слишком много ума, то бывает иной раз хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а оно вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак *(делает гримасу)*, и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего, может быть оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю,— это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Ах, боже мой! У меня совершенно из ума вышло.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объяс-

няет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хвать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч, я ему это несколько раз уже замечал... Право, я не знаю, что и делать с ним.

Городничий. Да. Таков уже неизъяснимый закон судеб, что умный человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Эко, право, хлопотливое дело.

Городничий. Это бы еще ничего — хлопоты; худо, что не знаешь, с которой стороны ожидать его, когда и в какое время. Инкогнито проклятое — вот что смущает! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин».— «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земленика».— «А подать сюда Землению!» Вот что худо.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Городничий. Здравствуйте, Иван Кузьмич. Я нарочно посылал за вами с тем, чтобы сообщить очень важную новость.

Почтмейстер. Я слышал уже от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Нет, нет, совсем не то.

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая тут война с турками! Где тут турки? Тут просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: меня уведомляет достоверный человек, что именно едет чиновник с тем, чтоб осмотреть в нашем городе все гражданское устройство.

Почтмейстер. А может быть, очень может быть. И это правда.

Городничий. Ну, как вы, Иван Кузьмич, а меня даже немного по коже подирает.

Почтмейстер. Да я и сам чувствую... а вы очень боитесь?

Городничий. Чего ж бояться! Боязни нет, а так как-то неловко... больше со стороны купечества и гражданства здешнего. Я, признаться сказать, им немножко солоно пришелся. Они на меня, как коршуны... так бы всего и растрепали, только перья полетят во все стороны. Пожалуйте сюда, Иван Кузьмич, я вам кое-что скажу. *(Отводит его в сторону.)* Вот в чем дело: может быть, он если не приехал, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вам, имею основательные причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отчего ж такая напасть на наш город? Да притом еще инкогнито? Черт знает что такое: инкогнито! Ведь начальство ж есть в городе, к чему ж тут инкогнито? Так вам нужно, Иван Кузьмич, для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать. Для этого снять как-нибудь из глины слепок; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Я это делаю и без того: не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства, ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это весьма интересное чтение! Иное письмо с большим удовольствием прочтешь: так хорошо описываются разные

этакие пассажи... назидательные даже! Лучше, нежели в «Московских ведомостях». А вы никогда не читали?

Городничий. Нет, не читал; я, однако же, рад, что вы это делаете. Это в жизни хорошо. Скажите: там вы до сих пор ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. О петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы никогда не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно читал я: один поручик пишет к одному приятелю своему и описал бал и жизнь свою с таким искусством... очень хорошо! «Я провожу, говорит, время с крайним удовольствием, барышень, говорит, много, музыка играет, штандарт скачет...» С большим, с большим чувством описал. Вот, если хотите, я вам дам его прочесть. Я нарочно оставил его у себя.

Городничий. Покорнейше благодарю. Теперь, право, мне не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: как только получите какое-нибудь известие, то сейчас же его ко мне: а если жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Эко в самом деле какое непредвидимое известие! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. У меня завели тяжбу два помещика-соседа, и я теперь травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Бог с ними теперь, со всякими зайцами! У меня в ушах только и слышно, что инкогнито проклятое. Так и ожидаешь, что вдруг отворятся двери и войдет...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что? Что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский *(перебивая)*. Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский *(перебивая)*. Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы не помните всех обстоятельств; вы сейчас собьетесь.

Бобчинский. Э, нет, помню, ей-богу помню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да что такое, говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Сделайте милость, садитесь! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что такое?

Бобчинский. Позвольте, я сейчас по порядку. Как только вышел я от вас... Э, не мешайте, Петр Иванович, не говорите уж ничего, сделайте милость, я уж сам знаю... Как только вышел я от вас, то побежал тотчас к Коробкину, а не заставши Коробкина дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский. Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. «Слышали вы,— говорю я Петру Ивановичу,—

о той новости, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уже услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, зачем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский. За бочонком для французской водки.

Бобчинский. За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром Ивановичем к Почечуеву... Э, сделайте одолжение, Петр Иванович, не перебивайте; пожалуйста, не перебивайте... Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит мне: «Сегодня, я знаю, привезли в трактир свежей семги, так пойдем закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский *(перебивая)*. Недурной наружности, в партикулярном платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит по комнате, и в лице такое рассуждение и физиономия... такие важные поступки, и так здесь *(вертит рукою около лба)* много, много всего. Я, так как будто предчувствовал, и говорю себе: «Здесь что-нибудь да недаром». А Петр Иванович тотчас мигнули пальцем и подозвали трактирщика, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой хороший мальчик, большие подает надежды, со временем так же, как отец, будет содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович спросил потихоньку: «Кто такой этот молодой человек?» А Влас говорит: «Это»,—говорит... Э,—не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста не перебивайте! Вы не расскажете, ей-богу не расскажете; вы немного шепеляете; у вас, я знаю, один зуб со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, едущий из Петербурга: Иван Александрович Хлестаков, а едет он в Саратовскую губернию, и что чрезвычайно странно себя аттестует: больше полуторы недели живет, дальше не едет, забирает все на счет и денег хоть бы копейку заплатил». Меня в одну минуту так и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!».

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем,— с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит бог знает куда: в Саратовскую губернию?» Это, верно, не кто другой, как самый тот чиновник!

Городничий. Что вы говорите! Не может быть! *(Придвигает поближе стул.)* Да нет, это вам так показалось. Это кто-нибудь другой.

Добчинский. Помилуйте, как не он? И денег не платит, и не едет,— кому же б быть, как не ему? И с какой стати жил бы он здесь, когда ему прописана подорожная в Саратов?

Бобчинский. Он, он, ей-богу он... Я ставлю бог знает что... Такой наблюдательный: все обсмотрел, и по углам везде, и даже заглянул в наши тарелки — полюбопытствовать, что едим. Такой осмотрительный, что боже сохрани!

Городничий. Ах, боже мой! Помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он уж здесь?

Добчинский. Уж будет полторы недели. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Полторы недели! Что вы! *(В сторону.)* Ай, ай, ай! *(Почесывая ухо.)* В эти полторы недели высечена почти напрасно унтер-офицерская жена! Боже мой! В эти полторы недели арестантам никакой провизии не выдавали. На улицах кабак, нечистота. О боже мой, боже мой!.. *(Хватается за голову.)*

Артемий Филиппович. Мне кажется, Антон Антонович, нам теперь поскорей одеться в мундиры и сей же час ехать прямо к нему в гостиницу.

Аммос Федорович. А я полагаю, Антон Антонович, что нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, вперед пустить голову: он человек видный. Недурно бы тоже и священство. Это имеет глубокое и таинственное значение; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне

самому это обделать. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Вы говорите, что он человек молодой?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Ну, это хорошо, что молодой человек. Мы вот как сделаем: вы теперь приготовляйтесь каждый по своей части наскоро, что можете, к принятию, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, так, как бы просто для прогулки, будто бы наведаться: не терпят ли проезжающие каких-нибудь недостатков или неприятностей. А вам советую сей же час воспользоваться временем. Ей, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович. В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам-то еще ничего. У вас всё в исправности.

Артемий Филиппович. Кой черт в исправности! Плохо, чрезвычайно плохо. Для больных сегодня и на кухне ничего не готовилось.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

ЯВЛЕНИЕ IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... да другие-то где? Неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, боже мой, боже мой! Ступай скорее на улицу, или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович.

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и в дрожки не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне так только посмотреть в щелочку; так, знаете, из дверей только увидеть, как там он... Больше сущность и поступки его, а я ничего.

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет... Эк, шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин! видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице... черт возьми, по улице — по метле! и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто. Слышишь? Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки. Смотри — у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради бога, куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка,— поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте же, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой, я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откудова и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)* Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли?— чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. *(Берет вместо шляпы футляр.)* Дай только боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Петр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий *(бросает ее)*. Коробка так коробка! Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович. *(Уходит и возвращается.)* Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Муж! Антоша! Антон! *(Говорит скоро.)* А все ты, а всё за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку». *(Подбегает к окну и кричит.)* Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? С усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка.

Анна Андреевна. После? Вот новости — после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? *(С пренебрежением.)* Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно чрез два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Чрез два часа! Покорнейше благодарю! Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать. *(Свешивается в окно.)* Эй, Авдотья! А! Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А? Скоро уехали! Да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побеги расспроси, куда поехали, да расспроси хорошенько: что за приезжий, каков он,— слышишь? Подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь?

Обе остаются смотрящими в окно. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ II

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постеле.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой. Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера. Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя. *(Дразнит его.)* «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой. С проезжающим знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался. Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях

да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе,— так вот как на ладони всё видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! *(Усмехается и трясет головою.)* Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь, всякий тебе говорит «вы». Наскучило идти — берешь извозчика, и сидишь себе, как барин; а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю — глядь и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка... ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублев полтораста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? Оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если бы узнал это старый барин, он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи! Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прийми это. *(Отдает фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся: видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*. Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку! Вы еще четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков *(голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе)*. Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать! Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду, третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, этаких шерамыжников видали».

Хлестаков. А ты так уж и рад сейчас пересказывать!

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит,

шутить не буду, а прямо с жалобою, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему.

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, черт с тобой! Позови хозяина.

Осип уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков, один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся — думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан больше всего меня поддел; однако ж, что ни говори, а удивительно, бестия, штосы срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и всё обобрал. Славно играет. Если б еще где-нибудь с ним встретиться. Впрочем, как же встретиться, на это все нужно случай. Когда б, в самом деле, уже скорее доехать домой, надоело в дороге! Нарочно такой мерзкий городишко; в других по крайней мере что-нибудь бывает, а здесь ничего совершенно нет. В овошенной лавке балыки еще сносные, но проклятые сидельцы очень мало дают на пробу. *(Насвистывает сначала из «Роберта», потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец — ни се, ни то.)* Никто не хочет идти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно.

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава богу.

Хлестаков. Ну что, как у вас в гостинице? Хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, — видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? Ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков, один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Нет, не хочу; лучше немного поголодаю, да по крайней мере приеду домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы приехать домой в карете. Очень бы недурно подкатить к какому-нибудь соседу помещику с фонарями под крыльцо, а

Осипа сзади, одеть в ливрею. Как бы переполошились все: «Кто такой, что такое?» А лакей входит: «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, то в ту же минуту вылазит из брички и, не говоря ни слова, так прямо, медведь, и валится в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я...» Тьфу *(плюет)*, даже тошнит, так есть хочется.

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков *(прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле)*. Несут! несут! несут!

Слуга *(с тарелками и салфеткой)*. Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! Я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, как готовилась рыба и котлеты.

Слуга. Да это, может быть, для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, черт меня возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! Они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супа, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защищая рукою кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Черт его знает что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, канальи! чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! Совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! Подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! Дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

О с и п *(входит)*. Там чего-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Х л е с т а к о в *(испугавшись)*. Вот тебе на! Я, ей-богу, никак не думал про это... эка бестия трактирщик! Если в самом деле потащит в тюрьму? Что ж, если благородным образом, еще ничего, я, пожалуй, пойду... Нет, что ж я говорю: пойду? Там вчера смотрели на меня две купеческие дочери, офицеры тоже беспрестанно ходят... Нет, я не соглашусь. Он не может сделать этого, или уж он будет после этого такая скотина... Это можно какого-нибудь мещанина или ремесленника... Нет, не поддаваться! *(Ободряется.)* Что он может мне! Я скажу ему: «Как вы!.. Я знать не хочу...» *(У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Х л е с т а к о в, г о р о д н и ч и й и Д о б ч и н с к и й. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Г о р о д н и ч и й *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Х л е с т а к о в *(кланяется)*. Мое почтение!..

Г о р о д н и ч и й. Извините!

Х л е с т а к о в. Ничего...

Г о р о д н и ч и й. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Х л е с т а к о в *(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Б о б ч и н с к и й выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня голодом по целым дням... чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть — в тюрьму. Зачем же меня... Вы не имеете права... Я покажу вам подорожную... Я чиновник, еду в собственную мою деревню в Саратовскую губернию, служу по министерству... Вы не смеете... я буду жаловаться.

Городничий *(в сторону)*. О боже мой! Все, все узнал! какой сердитый! Всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков *(храбрясь)*. Да как вы смеете!.. Меня сам министр знает... Нет, не пойду! Ей-богу, не пойду, вот хоть вы со всей своей командой... *(В сторону.)* Не поддаваться, право, не поддаваться, и если что-нибудь... то... *(берет сзади рукою бутылку)*.

Городничий *(вытянувшись и дрожа всем телом)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу. Вот еще! Мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму. Вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий *(дрожа)*. По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния. Казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета! Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да... конечно... *(В размышлении.)* Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Я не-

знаком с нею. Да мне и дела нет к ней. Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Я заплачу вам деньги; у меня только теперь нет. Я потому и сижу здесь так долго, что ни копейки нет денег.

Городничий *(в сторону)*. О, тонкая штука! Эк куда метнул! Какого тумана напустил! разбери, кто хочет. Не знаешь, с которой стороны и приняться. Попробовать разве на авось? *(Вслух.)* Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Так вы даете мне взаймы? О, если так, то я сейчас готов расплатиться. Мне бы двести рублей — разделаться только с трактирщиком, а там я, как только в деревню, сей же час и возвращу вам... Это вдруг.

Городничий. Помилуйте, я готов ожидать сколько угодно. Как можно, чтобы я осмелился назначить срок. Вот тут ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков *(принимает деньги)*. Покорнейше благодарю; я вам очень благодарен. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня уж ни копейки не было. Вы, как я вижу теперь, очень благородный человек, а прежде я думал... *(Кладет их в карман.)*

Городничий *(в сторону)*. Ну, слава богу! По крайней мере деньги взял. Теперь дело, может быть, на лад пойдет. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! *(К городничему и Добчинскому.)* А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Садитесь, пожалуйста, я вас прошу. *(Добчинскому.)* Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся; Бобчинский выглядывает в дверь.

Городничий *(в сторону)*. Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. *(Вслух.)* Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием,— и вот в награду за ревностную службу случай доставил такое приятное знакомство с вами.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий *(в сторону)*. Да, рассказывай себе. *(Вслух.)* Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий *(в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение)*. В Саратовскую губернию! О! Да ты штука! *(Вслух.)* Да, приятная прогулка для ума и сердца. В дороге способности хорошо развиваются... и вы, верно, так только, по своей охоте едете туда, для своего удовольствия?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует; а мне, признаюсь, в Петербурге лучше бы...

Городничий *(в сторону)*. Батюшка требует. А? Экие пули отливает! А ведь какой маленький. *(Вслух.)* И на долгое время изволите ехать туда?

Хлестаков. Не знаю. Мне не хотелось бы жить с мужиками; помещики тоже не имеют образованности; однако ж отставку подал.

Городничий *(в сторону)*. И в отставку подал! Каково подвертывает! *(Вслух.)* И прекрасно делаете. Что служба? одни хлопоты: ночь не спишь — стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. *(Окидывает глазами ком-*

нату.) Какие большие пятна по углам, должно быть течь и сырость бывает, и стены тоже уж слишком низенькие... мне кажется, эта комната для вас не слишком удобна.

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я еще нигде не видывал: так, как собаки, канальи, кусают!

Городничий. Скажите! Такой просвещенный гость, и претерпевает такое неудовольствие от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Мне кажется, сколько на мои слабые глаза — или это мухи обпачкали? — как будто бы даже темно в этой комнате.

Хлестаков. Да, совсем темно, и хозяин завел такое обыкновение: не отпускает совсем свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или так придет фантазия сочинить что-нибудь; но не можно, потому что вовсе темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас об одном наивеличайшем одолжении, которого, без сомнения, может быть, я даже не достоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Я бы дерзнул попросить вас переехать ко мне на дом: у меня есть для вас очень удобная комната.

Хлестаков *(в размышлении)*. Как то есть к вам?.. Да у вас какая комната?

Городничий Прекрасная комната, и стол тоже вы будете у меня иметь, хоть не столичный, но хороший стол; припасы свежие, не такие, какие отпускают в трактире за деньги. Не откажите! А я уж так рад буду гостю!.. У меня таков нрав: гостеприимство с самого детства; все, что ни есть, готов предложить; особливо если еще притом гость такой просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю вас. Мне тоже вы очень понравились.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом; Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да, подай счет.

Слуга. Я уж давича подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак! еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет. *(Слуге.)* Пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. *(Прячет деньги.)*

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то: богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так; посмотрите, какое у нас течение дел... знаете, это для наблюдательного ума хорошо; тут можно много полезного вывести.

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да, тюрьмы... Нет, лучше я посмотрю богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий *(Добчинскому)*. Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий. Вы побегите наскоро ко мне и скажите жене моей, или лучше я дам вам записочку. *(Хлестакову.)* Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Зачем беспокоиться? Впрочем, извольте, напишите: вот тут и чернила, только бумаги — не знаю... разве на этом счете.

Городничий. Я здесь напишу. *(Пишет и отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что? Не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего; только сверх носа небольшая нашлепка. Я забегу к Христиану Ивановичу; он даст мне пластыря, и все пройдет.

Городничий *(делая Бобчинскому укорительный знак, Хлестакову)*. Прошу покорнейше, пожалуйте! А слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. *(Осипу.)* Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему,— тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! *(Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.)* Уж и вы! не нашли другого места упасть! И растянулся, как черт знает что такое. *(Уходит; за ним Бобчинский.)*

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ III

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уж целый час дожидаемся, а все ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет! еще нужно копаться... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маменька, маменька! Кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идет. Кто ж это идет? Небольшого роста... во фраке... кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский! Тебе всегда вдруг вообразится этакое! Совсем не Добчинский. *(Машет платком.)* Эй, вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот: нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе, не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский?

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу,— из чего же ты споришь? *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда, все равно. Что? очень строгий? А? А муж, муж? *(Немного отступя от окна, с досадою.)* Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите, пожалуйста: ну не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека; все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам? Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевесть. Мое почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да он кто такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование, и важные поступки.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме, но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите.

Д о б ч и н с к и й. Да так, знаете, когда вельможа говорит, то чувствуешь страх.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, что ж... это все, однако ж, вздор. Расскажите, каков он собою! что, стар или молод?

Д о б ч и н с к и й. Молодой, молодой человек, лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик. «Извольте, говорит, я поеду: и туда, и туда...» *(размахивает руками)*, так это все славно. «Я, говорит, и написать, и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

А н н а А н д р е е в н а. А собой каков он: брюнет или блондин?

Д о б ч и н с к и й. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки; так в смущенье даже приводят.

А н н а А н д р е е в н а. Что тут пишет он мне в записке? *(Читает.)* «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Д о б ч и н с к и й. А это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счет был написан.

А н н а А н д р е е в н а. А, да, точно. *(Продолжает читать.)* «Но, уповая на милосердие божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками. К обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше: скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей. Эй, кто там? Мишка!

Д о б ч и н с к и й *(бежит и кричит в дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка!

М и ш к а входит.

А н н а А н д р е е в н а. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку *(садится к столу, пишет записку и между тем говорит)*: эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Д о б ч и н с к и й. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обозревает.

А н н а А н д р е е в н а. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

ЯВЛЕНИЕ III

А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

М а р ь я А н т о н о в н а. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земленики тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

А н н а А н д р е е в н а. Цветное!.. Право, говоришь, лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маменька, вам нейдет палевое!

А н н а А н д р е е в н а. Мне палевое нейдет?

М а р ь я А н т о н о в н а. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

А н н а А н д р е е в н а. Вот хорошо! а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маменька, вы больше червонная дама.

А н н а А н д р е е в н а. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно*

уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.) Этакое вдруг вообразится! Червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемышное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш?

Осип. Барин? Да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый! ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть.

Мишка. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово. Простова блюда вы не будете кушать. Вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простова-то что есть у вас?..

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, всё будем есть. Ну, понесем чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку, которые бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностию заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак тоже был очень недурен. Что, у вас каждый день бывает такой завтрак или по некоторым дням?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Покорнейше благодарю. Я тоже вас прошу, господа, если приедете ко мне в деревню... Вина тоже были у вас очень хороши; я никак не полагал, чтобы в уездном городишке могли быть они. А это какая была рыба?

Артемий Филиппович. Лабардан-с.

Хлестаков. Да, вкусная; я давно такой не ел. Где это мы завтракали? Кажется, в больнице.

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные, верно, выздоровели? там их было немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство,— может быть, вам покажется даже невероятным,— все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Г о р о д н и ч и й. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность здешнего градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно?..» Наградит ли оно, или нет — конечно, в его воле; по крайней мере я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч *(в сторону)*. Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Х л е с т а к о в. Да, я и сам люблю этак иногда заумствоваться и пофилософствовать: так, знаете, иногда прозой, а иногда и стишки выкинутся.

Б о б ч и н с к и й *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Х л е с т а к о в. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас тут таких обществ, где бы можно было, например, этак поиграть в карты?

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! Здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Л у к а Л у к и ч *(в сторону)*. А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Нет, вы напрасно говорите. Это все зависит от того, как кто играет: конечно, если кто забастует, тогда как нужно ему гнуть от трех углов... Нет, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить вам семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков *(раскланиваясь)*. Как я счастлив, сударыня, что имею удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уж непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Знаете, сделавши привычку жить в свете, пользоваться всеми удобствами, и вдруг после этого в какой-нибудь дороге... не встретишься с образованным человеком, с которым бы можно поговорить о чем-нибудь; станционные смотрители чрезвычайные невежи и совершенно без воспитания... Если б, признаюсь, не такой случай, как теперь, который меня вознаградил совершенно *(посматривая на Анну Андреевну)*, то я совсем не нашелся бы.

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, конечно, впрочем, деревня тоже имеет приятности: ручейки, хижинки, зефиры!.. Я, сударыня, служу в Петербурге с большою выгодою. Это правда, что на мне небольшой чин. Уж никак не больше коллежского асессора, даже немножко меньше. Но зато меня вся канцелярия знает, и начальник отделения совершенно со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать». Правду сказать, я уж зато и делаю много. Вы, может быть, думаете, что я принадлежу к тем, которые только переписывают бумаги? О нет, совсем нет! Я только приду и скажу: «Это вот так, это вот так»,— а там уже чиновник для письма сию минуту пером: тр... тр... так это все скоро. Мне там уж и кресло стоит особенно, как будто столоначальнику, право. И сторож летит еще на лестнице за мною с щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». *(Городничему.)* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вместе:
Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.
Артемий Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Да. Там из наших чиновников никто так не одевается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару. И если этак куда иду, то все говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз, когда я шел пешком, меня приняли даже за турецкого посланника, право. И удивительно то, что на мне даже не было военной шинели. Все солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за турецкого посланника».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. Да, меня уже везде знают. Я на всех гуляньях бываю, в театре... с хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже литературою занимаюсь. На сцену разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этак удачно. Литераторов часто вижу. У меня тоже обедают некоторые. Хорошенькая у меня очень квартирка; я плачу восемьсот рублей; три комнаты, на улицу окна.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это, должно быть, приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Сумбека»... Вот и «Фенелла» тоже мое сочинение. И все это так, по случаю; я даже не хотел их, признаюсь, писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер написал. Да и в журналы помещаю сочинения: в «Московском телеграфе» и в «Библиотеке для чтения». Вот эти все статьи, что были там Брамбеуса,— это всё мои.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Да, это всё мои и другие разные сочинения. Мне Смирдин двадцать пять тысяч платит. Да если сказать по правде, то все журналы, какие там ни есть, это всё я издаю.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька! там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будет спорить!

Хлестаков. Ах, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Да, мне Смирдин сорок тысяч дает в год. Я этим составил себе состояние: у меня два дома есть в Петербурге; и если бы вы подошли к моему дому, то вы бы подумали, что дворец. Я нарочно велел архитектору, чтобы дал самый лучший вид. Везде колонны, пруды, каскады... О, если б этакую квартиру нанимать, то нужно по крайней мере двадцать тысяч в год. Я сам даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. О, балы там отличные! Подадут вам десертную тарелочку, так это просто объядение; или какой-нибудь пирог, что сам он горяч так, что вы не можете взять в рот, а в середине мороженое холодное, вот как лед! Да, я каждый раз бываю на этих балах: там у нас и вист свой составился: министр, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И как только иногда как-нибудь замешкаюсь, то уж посланники и говорят: «Да где ж Иван Александрович? Послать за Иваном Александровичем!» И как начнем играть — то просто я вам скажу, что уж ни на что не похоже. Так уморишься, так уморишься, что как взбежишь к себе на лестницу в четвертый этаж, то просто сбросишь с себя шинель кухарке и скажешь только: «На, Маврушка!» А пот так в три ручья и льется! И на другой день в должность уж никак не хочешь идти. «Осип, и не буди меня,— бывало, говорю,— не пойду!» Впрочем, я это так только говорю, а у меня должность тут же на дому, и чиновники всегда ко мне приходят. А любопытно очень видеть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь. В передней у меня графы и князья толкутся и жужжат так, как шмели; только слышно ж... ж... ж... Ну, нечего делать, нужно, однако ж, выйти к ним. И нельзя, впрочем: иной раз министр... не то чтобы всегда, а иногда заедет.

Городничий и прочие с робостию встают с своих стульев.

Всем нужда ко мне: я ведь имею самое прибыточное место. Мне даже на пакетах пишут иногда: «ваше пре-

восходительство». А один раз я даже управлял департаментом, право. И так это странно случилось: директор по болезни уехал в свою деревню; все думали: кому дать исправлять должность? кто будет? как и что? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало: нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь — нет, черт возьми, трудно! Да после видят, что нечего делать,— ко мне: «Иван Александрович, говорят, может это сделать». И в ту же минуту по улицам везде курьеры, курьеры... курьеров пятнадцать: «Иван Александрович! Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате; хотел отказаться, но, думаю себе: дойдет до государя — неприятно; ну, да и не хотелось испортить свой послужной список. «Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только уж у меня, прошу, не так, уж теперь ни-ни-ни!.. уж у меня ухо востро держите! я уж...» И точно: бывало, как прохожу, то у меня чиновники все вот так трясутся.

Городничий и прочие трясутся от страха.

Я и в государственном совете присутствую. И во дворец, если иногда балы случатся, за мной всегда уж посылают. Меня даже хотели сделать вице-канцлером. *(Зевает во всю глотку.)* О чем, бишь, я говорил?

Городничий *(подходя и, трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва ва ва... ва.

Хлестаков. Что такое? Вы что-то говорите?

Городничий. А ва ва ва... ва.

Хлестаков. Не разберу ничего.

Городничий. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вот и комната, и все что нужно.

Хлестаков. Отдохнуть? Извольте, извольте, я готов. *(Встает.)* Прощайте, сударыня! Право, чрезвычайно хочется спать. Завтрак был у вас хорош. *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Вот это, Петр Иванович, какой важный человек! Я никогда еще не был в присутствии такой важной персоны. Я чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой?

Добчинский. Я думаю, что чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я думаю, что генерал ему и в подметки не станет; а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. И во дворец ездит! Пойдем, Петр Иванович, расскажем об этом Аммосу Федоровичу и Коробкину. Они еще ничего об этом не знают. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Артемий Филиппович *(Луке Лукичу)*. Такой знатный человек, а мы даже и не в мундирах! С эдакою молодостию, да такие должности отправляет. Ах, боже мой! Когда бы, в самом деле, что-нибудь не досталось. Прощайте, сударыня! *(Уходит, за ним Лука Лукич.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Он, однако ж, меня очень понравил: я заметила — все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел.

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право.

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно. Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А,— говорит себе,— дай уж посмотрю на нее».

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Городничий *(входит на цыпочках)*. Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. Прилег отдохнуть. Боже вас сохрани тут как-нибудь шуметь. Так совсем ошеломило! Страх такой напал: еще такого важного человека никогда не видел! *(Задумывается.)* С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове: как будто стоишь на какой-нибудь колокольне или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости! Я просто видела в нем образованного, светского, высшего тона человека; а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все тра-ла-ла. Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас высекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... *(Посматривает на дочь.)*

Городничий *(один)*. Ну, уж с вами говорить! Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. *(Отворяет дверь и говорит в дверь.)* Мишка,

позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. *(После небольшого молчания.)* Чудно все завелось теперь на свете; народ всё тоненький, поджаристый такой,—никак не узнаешь, что он важная особа. Однако ж, как он ни скрывался, а наконец-таки не выдержал и все рассказал. Видно, что человек молодой.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Осип; все бегут ему навстречу и кивают пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий *(жене и дочери)*. Полно, полно вам! *(Осипу.)* Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип *(в сторону)*. А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит после еще лучше накормят. *(Вслух.)* Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы эдакими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоем барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! Не дадите ни слова поговорить

о деле. Ну что, друг, как твой барин... строг? любит этак распекать или нет?

О с и п. Да, порядок любит. Уж ему чтобы все было в исправности.

Г о р о д н и ч и й. А мне очень нравится твое лицо! Друг, ты должен быть хороший человек. Ну, что...

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит?..

Г о р о д н и ч и й. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь: дело идет о жизни человека... *(К Осипу.)* Ну что, друг? право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик,— оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

О с и п *(принимая деньги)*. А покорнейше благодарю, сударь. Дай бог вам всякого здоровья; бедный человек, помогли ему.

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

М а р ь я А н т о н о в н а. Осип, душенька! Какой миленький носик у твоего барина!

Г о р о д н и ч и й. Да постойте, дайте мне!.. *(К Осипу.)* А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

О с и п. Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Г о р о д н и ч и й. Хорошее?

О с и п. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! Бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду».— «А,— думаю себе *(махнув рукою)*,— бог с ним! Я человек простой».

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

О с и п. За что жалуете, ваше высокоблагородие? *(Прячет деньги.)* Разве уж выпью за ваше здоровье.

А н н а А н д р е е в н а. Приходи, Осип, ко мне! Тоже получишь.

М а р ь я А н т о н о в н а. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Г о р о д н и ч и й. Чш! *(Поднимается на цыпочки: вся сцена вполголоса.)* Боже вас сохрани шуметь! Идите себе! Полно уж вам...

А н н а А н д р е е в н а. Пойдем, Машенька! я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Г о р о д н и ч и й. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай — и уши потом заткнешь. *(Обращаясь к Осипу.)* Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Т е ж е, Д е р ж и м о р д а и С в и с т у н о в.

Г о р о д н и ч и й. Чш! Экие косолапые медведи,— стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Д е р ж и м о р д а. Был по приказанию...

Г о р о д н и ч и й. Чш! *(Закрывает ему рот.)* Эк, как каркнула ворона! *(Дразнит его.)* Был по приказанию! Как из бочки, так рычит. *(К Осипу.)* Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть на дому, требуй.

Осип уходит.

А вы — стоять на крыльце и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, то взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! *(Показывает ногою.)* Слышите? Чш... чш... *(Уходит на цыпочках вслед за квартальными.)*

ДЕЙСТВИЕ IV

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Хлестаков один.

Мне нравится здешний городок. Такое добродушие со стороны жителей... А как много значит несколько времени пожить в Петербурге! Все с таким почтением: суетятся, бегают, как будто точно за каким-нибудь важным. Дочка у городничего очень хорошенькая! Такая свеженькая, розовые губки. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этак проводить время. Городничий, я думаю, однако же, должен быть очень рассеян: вместо двухсот рублей, как я рассмотрел теперь, он мне дал четыреста. Я попрошу у него удержать их на время при себе для путевых издержек. Я полагаю даже, если он уже такой добрый, еще попросить взаймы. Оно хоть и не так теперь нужно, но все же лучше за одним разом. Дорога ведь такая вещь, что никак нельзя рассчитать в обрез. Может, опять капитан встретится.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. Прошу покорнейше садиться... Так вы в этом городе и живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. Мне очень приятно с вами познакомиться. Как же, мне очень знаком ваш начальник. Ведь это по адмиралтейству, кажется?.. Да, такой добряк. Мы даже, если вам сказать правду, волочились вместе за одною прехорошенькою. Ну, натурально: куда ж ему? — старик. Бывало, всегда, как только встретит меня,— я еще у Полицейского моста, а он у Аничкина,— поднимет палец и кричит: «Злодей! счаст-

ливец, каналья!..» А там, знаете, ввечеру на Невском проспекте очень много можно встретить хорошеньких... *(В сторону.)* У этого, мне кажется, почтмейстера можно занять денег! *(Вслух.)* Так вы здешний почтмейстер?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. Вообразите: какой странный случай со мною! Выехавши из Петербурга, я рассчитал, как нарочно, все это самым аккуратнейшим образом: вот это, думаю себе, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикам на водку, это для моего крепостного человека,— и все как нельзя лучше. Но, к величайшему изумлению, стало мне всего только на половину дороги, и теперь недостает какой-нибудь безделицы; не можете ли вы одолжить мне на самое короткое время сколько-нибудь денег?

Почтмейстер. Сколько прикажете?

Хлестаков. Да рублей хоть сто на первый случай, я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстер. Сейчас. *(Шарит в карманах и говорит вполголоса.)* Ах, боже мой, вот штука, если не будет! Вот не приведи бог... Есть, есть! *(С поспешностью дает ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю! *(В сторону.)* Почтмейстер, кажется, хороший человек.

Почтмейстер *(встает, вытягивается и придерживает шпагу)*. Не смея далее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Федорович, в мундире, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.

Аммос Федорович. Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. А, сделайте милость, садитесь. Что, вы давно занимаете тут место?

Аммос Федорович. С восемьсот шестнад-

цатого; был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Х л е с т а к о в. Это хорошо. Я сам тоже служу. Что, получаете награды?

А м м о с Ф е д о р о в и ч. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства.

Х л е с т а к о в. Да, это, впрочем, еще довольно счастливо. У нас есть один такой, что пятнадцать лет служит и получил только одну пряжку. Скажите, пожалуйста,— мне, право, несколько и совестно, да нечего делать,— со мною странный случай: в дороге совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мне на малое время рублей сто? Я вам, может быть, завтра же отдам.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Сейчас. *(Вынимает поспешно из бумажника деньги.)*

Х л е с т а к о в. Очень вам благодарен. В дороге, знаете, эдак разные потребности могут случиться. Никак нельзя предвидеть. В одном месте захочется поесть, в другом купить что-нибудь. Оно хоть безделица, а все составляет счет.

А м м о с Ф е д о р о в и ч *(раскланиваясь)*. Не смея беспокоить своим присутствием, имею честь пребыть...

Х л е с т а к о в. А вы уж едете? Зачем же так рано? Посидите еще. Мне очень приятно с вами побеседовать.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Не смею беспокоить.

Х л е с т а к о в. Ну, когда так, то прощайте. Покорно благодарю за то, что навестили меня. *(Выпровожает Аммоса Федоровича.)* Судья тоже, сколько мне кажется, очень неглупый человек. Я люблю таких людей, с которыми можно быть откровенну.

ЯВЛЕНИЕ IV

Х л е с т а к о в и А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч, вытянувшись и придерживая шпагу.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земленика.

Х л е с т а к о в. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я, признаюсь, очень люблю, если кушанья хорошо сготовлены; и странно, что мне не столько нравится, чтоб их было много, сколько то, чтобы были бы вкусные и сытные. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами,— конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель,— поведения самого предосудительного: здесь есть один помещик Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал!

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, эдак люблю в скучное

время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земленика.

Хлестаков. А, да! Земленика. И что ж, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, какое счастие! А как по имени?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, имею честь...

Хлестаков. Прощайте! Покорнейше благодарю вас за приятную беседу. Сделайте милость, навещайте... в другое время тоже когда-нибудь. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй, вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, посмотрите, нет ли здесь при вас мне взаймы рублей триста на самое короткое время... в дороге совсем издержался.

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Я именно только что думал о том, что не худо... Прощайте! Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр, Иванов сын, Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр, Иванов сын, Добчинский.

Хлестаков. А, да, я уже вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Б о б ч и н с к и й. Слава богу! Не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Х л е с т а к о в. Хорошо, что присох. Я рад... *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Б о б ч и н с к и й. Денег? как денег?

Х л е с т а к о в *(громко и скоро)*. Взаймы рублей тысячу.

Б о б ч и н с к и й. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Д о б ч и н с к и й. Нет, а если есть, то в приказе общественного призрения.

Х л е с т а к о в. Досадно... ну, если тысячи нет, в таком случае хоть рублей сто.

Б о б ч и н с к и й. У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня только двадцать пять.

Д о б ч и н с к и й *(смотря в бумажник)*. Сорок ассигнациями.

Б о б ч и н с к и й. А у меня двадцатипятирублевая. А вот, может быть, есть мелочь... Сейчас поищу. *(Копается в карманах.)* Три двугривенных.

Х л е с т а к о в. Ну, толковать об этом, впрочем, нечего; как случилось. Давайте, все равно. Я вам это при первом случае почту долгом возвратить. *(Принимает деньги.)*

Д о б ч и н с к и й. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Х л е с т а к о в. А что это?

Д о б ч и н с к и й. Дело очень тонкого свойства: старший сын рожден мною еще до брака.

Х л е с т а к о в. Да?

Д о б ч и н с к и й. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными узами супружества. Так я хочу, чтоб он теперь уже был совсем законным моим сыном и назывался бы так, как я: Добчинский.

Х л е с т а к о в. Хорошо, я...

Д о б ч и н с к и й. Я бы и не беспокоил вас, да жаль очень; такой мальчишка... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет, и этак, если где попадет ножик, то сейчас сделает маленькие дрожечки

так искусно, как лучший фокусник. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить... И вы надейтесь, что все будет сделано; я скажу министру. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите, что живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего. Мне очень приятно. *(Выпровожает их.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков один.

Как много здесь чиновников! Городишко довольно населен. Теперь я вижу, сколько мне кажется, они меня почитают за человека государственного. Я это люблю. Мне нравится, если меня почитают за важного человека. В моей физиогномии точно есть что-то такое, внушающее... это с их стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денег. А в Петербурге по-

пробуй пойти к какому-нибудь даже последнему портнишке, чтобы сшил тебе в долг фрак: ни за что не сошьет. Мне кажется, это уж чересчур... такое развращение нравов может быть только в столице... А, перечесть сколько у меня теперь денег. *(Вынимает из кармана.)* В этой пачке четыреста. *(Кладет особо.)* Сколько тут? *(Считает.)* Двадцать пять, пятьдесят, семьдесят пять... какая замасленная!.. сто; и тут сто... О! о! всех до тысячи добирается! А должно быть, однако ж, сколько мне кажется, эти чиновники большие дураки; и в голове только, я думаю, фай — даже посвистывает. Такая простота! Написать нарочно об этом Тряпичкину. Он там сочиняет разные статейки — пускай-ка их отбреет хорошенько; это, право, будет хорошо. Эй, Осип! Подай мне бумаги и чернила.

Осип *(выглянув из дверей)*. Сейчас.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков и Осип, с чернилами и бумагою.

Хлестаков Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков. *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уж пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатили!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая тут честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться за то, что так замешкались... Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет).* Ну, хорошо. Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили! и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, что скажет Тряпичкин; он ведь такой остроумный...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков *(пишет).* Хорошо. Принеси только свечу.

Осип *(выходит и говорит за сценой).* Эй, послушай, брат! отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит. Прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков *(продолжает писать).* Любопытно знать: где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. *(Свертывает и надписывает.)*

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено впускать».

(Дает Осипу письмо.) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить. Мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип *(глядя в окно).* Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков *(подходя к окну).* А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! Пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(Принимает из окна просьбы, развертывает одну из них и читает.) «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина...» Черт знает что, и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков и купцы, с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости!

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Так поступает, что рассказать страшно. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: каждый подарит на пару платья, это дело уж известное, супружнице его и дочке,— мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне». Нечего делать, и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую

деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, чего ему больше? — всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь подарки.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. Позовет к себе, да и двери велит запереть. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать,— это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это его просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот, если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста — ну, тогда совсем дело другое: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: взаймы — я ни слова; я возьму.

Купцы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*. Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы *(кланяясь)*. Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет, я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай всё! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку,— и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

К у п ц ы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Х л е с т а к о в. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? *(Подходит к окну.)* А что ты, матушка?

Г о л о с с л е с а р ш и. Милости твоей, отец мой, прошу! Повели, государь, выслушать.

Х л е с т а к о в *(в окно)*. Пропустить ее.

ЯВЛЕНИЕ IX

Х л е с т а к о в и с л е с а р ш а.

С л е с а р ш а *(кланяясь в ноги)*. Милости прошу твоей, государь!

Х л е с т а к о в. Да что ты за женщина?

С л е с а р ш а. Слесарша, здешняя мещанка: Февронья Петрова Пошлепкина, отец мой...

Х л е с т а к о в. Чего тебе нужно?

С л е с а р ш а. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было.

Х л е с т а к о в. А что?

С л е с а р ш а. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! Да и по закону нельзя: он женатый.

Х л е с т а к о в. Как же он мог это сделать?

С л е с а р ш а. Сделал, мошенник, сделал — побей бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а

Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне: «На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю — годится или не годится; это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! Чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего! И если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо, матушка. Ступай, ступай! Я ему это всё... Ступай с богом. *(Выпровожает старуху.)*

Слесарша *(уходя)*. Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Хлестаков. Хорошо, хорошо.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно. *(Отходя.)* Надоели, черт возьми! Не впускай, Осип.

Осип *(кричит в окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою. За ним в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? *(Упирается ему руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков *(рисуется)*. Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого

человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков *(рисуется)*. А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принесть удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Сделайте милость, садитесь! Я никак не могу видеть, чтоб вы стояли. Вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно. *(Села.)*

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!..

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинцияльными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие: хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить, я и так их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек...» Ну, и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь. *(Отдвигает стул.)*

Хлестаков *(придвигая стул)*. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков *(придвигая)*. Отчего ж далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь это вам кажется только, что близко, а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это так как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует ее в плечо и смотрит в окно)*. Это сорока.

Марья Антоновна *(встает в негодовании)*. Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков *(удерживая ее)*. Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку. *(Силится уйти.)*

Хлестаков *(продолжая удерживать ее)*. Из любви, право из любви. Я так только, пошутил. Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. *(Падает на колени.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидев Хлестакова, не успевшего встать на ноги, и всплеснув руками)*. Ах, какой пассаж!

Хлестаков *(вставая)*. А, черт возьми!

Анна Андреевна. Признаюсь, я в таком нахожусь... я не знаю... *(К Марье Антоновне.)* Что это ты вздумала? С кого ты это пример взяла?

Хлестаков *(вдруг бросается на колена)*. Анна Андреевна! Влюблен, влюблен! Прошу руки Марьи Антоновны.

Анна Андреевна. Ах, боже мой!.. как же это! Право, так скоро да еще... и на коленах стоите!

Хлестаков. Ру́ки, ру́ки прошу! Если не согласитесь, умру, сейчас же умру, на этом самом месте. Застрелюсь, напропалую застрелюсь!

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще прийти в себя... мы никак и не смеем думать о такой чести. Вам нужна по крайней мере графиня или княгиня.

Хлестаков. О, мне все равно. Я не слишком гляжу на графинь. Если вы не решитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; как честный человек, уверяю. Я решительный человек, мне жизнь — копейка!

Анна Андреевна. Ах, боже мой! Как вы меня пугаете! Отваживать жизнь свою, да еще таким страшным образом! Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаков *(вставая)*. Теперь я самый... *(в сторону)*, а она тоже очень аппетитна! *(Вслух Анне Андреевне, подбираясь к ней.)* Как я счастлив, что могу наконец...

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! Не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству... Честью уверяю, и на половину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Слесарша налгала вам, что будто бы я забрил лоб ее мужу. Право, не брил, как честный человек, не брил; она сама забрила.

Хлестаков. О, об этом не беспокойтесь, я им не верю.

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, то, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Хлестаков. О да, бездельники; я это сейчас увидел.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостаивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! Куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Нет. Я точно прошу руки. Я очень влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Если вы не согласитесь, то сделаете меня несчастным человеком.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Сделайте милость, не приводите меня в отчаяние. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на черт знает что готов.

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну когда тебе толкуют!

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте руку вашей дочери, я говорю в последний раз. А не то — я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, то вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом! Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

(Смотрит на них.) Что за черт! В самом деле! *(Протирает глаза.)* Да, да, целуются! Точно целуются! Как будто бы точно жених! Эхе! Какое счастье привалило! Вот тебе на!

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. Да я еду только на один день, к дяде моему. Тут он недалеко живет, богатый человек; завтра я буду назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. О! Я человек аккуратный. Прощайте, Марья Антоновна, нежнейший предмет моей страсти! Грустно и на малое время расставаться с вами! Прощайте, душенька! *(Целует ее ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)* А впрочем, не худо!

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Ну, это пустяки... сколько-нибудь. А вот тогда, кажется, дали вы мне двести, то есть оно не двести, а по-настоящему четыреста,— я не хочу воспользоваться вашею ошибкою,— так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Вот я сию минуту. *(Вынимает из бумажника.)* Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! *(Берет и рассматривает ассигнации.)* Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастие, когда новенькими бумажками?

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Ну, так прощайте, Антон Антонович! Вы меня очень обязали вашим гостеприимством, я вам много благодарен. Я поистине признаюсь вам,— не думайте, чтоб это было комплимент,— мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! Не замешкаюсь. Может быть, завтра же и назад.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна!

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое! А впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! Ступай в кладовую: вынь ковер самый лучший — что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра непременно.

Голос Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! Теперь давай-ка с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! Хорошо. Славно будет! *(Бьет рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залетные!

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ V

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно, тебе и во сне не виделось: просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

А н н а А н д р е е в н а. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Г о р о д н и ч и й. Я сам, матушка, порядочный человек. Какие мы с тобою теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Входит к в а р т а л ь н ы й.

А, это ты Иван Карпович! Призови-ко сюда, брат, купцов. Вот я их, канальи! Так жаловаться на меня? Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дискать, какую честь бог послал городничему,— что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого чиновника, что и на свете еще не было, что может и прогнать всех в городе, и в тюрьму посадить, и все, что хочет. Всем объяви, чтобы все знали! Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а! Как же мы теперь где будем жить? здесь или в Питере?

А н н а А н д р е е в н а. Натурально в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Г о р о д н и ч и й. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

А н н а А н д р е е в н а. Натурально! Что за городничество!

Г о р о д н и ч и й. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство

сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна? красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? —потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидается—все эти титулярные, капитаны, городничие. А ты себе и в ус не дуешь! Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там — стой городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то, что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты ездишь травить зайцев, или Земленика; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж, ведь слово не вредит!

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты был городничим,— а там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да! там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка,— такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть!

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице, и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? Жаловаться, протоканалии? Жаловаться, архибестии? Жаловаться, рассусленные бороды? Что? Много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? Что теперь скажете? Теперь я вас всех скручу так, что ни одного волоска не останется в ваших бородах. Мошенники! Вы только обманываете народ, мошенники! Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь, каналья, двадцать аршин... Если б знали, так бы тебе петлю навесили. Брюхо сует вперед: он купец, его не тронь; «мы, говорит, и дворянам не уступим». Да, дворянин... ах ты, рожа! — дворянин учится наукам; его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? Ты начинаешь плутнями: тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Ты мальчишка еще, «Отче наш» не знаешь, а уж обмериваешь; а там как разодмет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также, каналья, спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович! Лукавый попутал! И закаемся вперед жаловаться. Всякое удовлетворение, какое хошь, готовы сделать, не гневись только!

Городничий. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? Оттого, что мое взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы *(кланяются в ноги)*. Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. Не погуби! Теперь: не погуби! А прежде что? Я бы вас в тюрьму... *(Махнув рукой.)* Ну, да бог простит! Встаньте, полно! Я непамятозлобен; только теперь смотрите: ухо востро! Я выдаю дочку свою не за какого-нибудь простого дворянина. Смотрите же, чтоб поздравление было приличное — не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару, понимаешь? Ну, ступай же с богом.

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Федорович *(еще в дверях)*. Верить ли слухам, Антон Антонович? К вам привалило необыкновенное счастие!

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастием. Я душевно обрадовался, когда услышал. *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Марьи Антоновны.)* Марья Антоновна!

Растаковский *(входит)*. Антона Антоновича поздравляю! Да продлит бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат, Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к ручке Марьи Антоновны.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к ее ручке.)*

Жена Коробкина. Душевно вас поздравляю, Анна Андреевна, с новым счастием!

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! *(Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства.)* Марья Антоновна! Имею честь поздравить! *(Подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей, в сюртуках и фраках, подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» — потом к Марье Антоновне, говоря: «Марья Антоновна!» Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! Имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! *(Подходит к ручке.)* Честь имею поздравить. Вы будете в большом, в большом счастии, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать; очень забавно будете проводить время.

Бобчинский *(перебивая)*. Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай бог вам всякого богатства, червонцев и сынка такого маленького, вот этакого *(показывает рукою)*, чтоб можно было на ладонку посадить; и так только все будет кричать: «уа! уа! уа!»

ЯВЛЕНИЕ VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам, Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь...

Жена Луки Лукича *(бежит вперед)*. Поздравляю вас, Анна Андреевна!

Целуются.

А я так, право, обрадовалась. Говорят мне: «Анна Андреевна выдает дочку». «Ах, боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик! вот какое счастие Анне Андреевне!» «Ну,— думаю себе,— слава богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъявить лично Анне Андреевне...» «Ах, боже мой! — думаю себе. — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела!» И так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю! Уже Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

Гости садятся.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо, прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом все это началось: постепенный ход всего, то есть, дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил! Говорит: «Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не графиня и не княгиня; я именно из одного уважения к вашим достоинствам и вашей дочери». И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил. «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка; но именно за то только, что уважаю ваши редкие качества, я прошу, я умоляю руки вашей; если вы будете жестоки...»

Марья Антоновна. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, вы поверите ли, что я потому только ищу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашим достоинствам». В таких лестных рассыпался словах!.. И когда я хотела сказать: «Мы никогда не смеем надеяться на такую честь»,— тогда он, не говоря ни слова, вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! И если вы не согласитесь отвечать моим чувствам, я смертью окончу жизнь свою!»

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил!

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Федорович. В самом деле, чрезвычайное происшествие!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Вот этакой свинье так и лезет в самый рот счастье!

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастию! Вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... *(Чихает.)*

Поздравительный гул. Слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли, боже, на сорок сороков!

Артемий Филиппович. Чтоб ты пропал!

Жена Коробкина. Черт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю!

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком... признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай бог получить!

Растаковский. От человека невозможно, а от бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю — большое плаванье!

Артемий Филиппович. По заслугам и честь!

Аммос Федорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, черт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно! *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно, и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя? иногда можно!

Анна Андреевна. Можно! Это ты себе так воображаешь.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она отзывается о нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Я, господа, пришел объявить вам удивительное дело!

Городничий. А например, что такое? Послушаем.

Почтмейстер. Я и сам не знаю, что сказать вам: такое странное обстоятельство, что я...

Некоторые. Какое? Что?

Почтмейстер. Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали все заведения. На пакете было написано какому-то Тряпичкину, в Санкт-Петербург, в Почтамтскую улицу. И как прочитал я, что в Почтамтскую улицу, то в ту же минуту так и обомлел. «Верно,— думаю себе,— это обо мне писано. Может быть, как-нибудь дошло до него, что я для своего удовольствия распечатывал иногда письма!» И в ту же самую минуту так, как будто какая-нибудь непредвидимая сила понудила меня распечатать.

Аммос Федорович. Как, и это самое письмо?

Городничий. Как же вы это?..

Все показывают ужас.

Почтмейстер. Я и сам испугался такой мысли и в ту же минуту положил письмо на стол, и уже хотел позвать почталиона, чтоб отправить скорее с эштафетой. Но только немножко отойду от стола, так вот опять и тянет, и тянет. В одном ухе кричит: «Распечатай!»— в другом: «Не распечатывай!» — «Распечатай!» — «Не распечатывай!» С этой стороны — так вот как бы под руку кто-нибудь толкает, а с другой стороны — как будто бы невидимая сила говорит: «Оставь, пропадешь как курица!» Так что минут с десять не знал, что делать; наконец напропалую решился распечатать!

Городничий. Как же вы смели распечатать?

Почтмейстер. Ей-богу, распечатал! Со страхом таким, какого еще никогда не помню. И ставни велел закрыть, и собственноручно заткнул все щелки. И как только придавил сургуч, то огонь так по всему телу и пробежал; а как разломал печать — мороз, мороз! так вот и чувствую, что мороз! А как вынул и развернул письмо — то я уже не знаю, где я в то время был! Зубы и губы так тряслись, что целый час не мог одной строчки прочесть.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он и не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то! черт знает что такое!

Городничий *(запальчиво)*. Как вы смеете это сказать? Знаете ли, что я велю вас под арест взять!

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я.

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что этот самый чиновник женится на моей дочери? Я сам скоро буду вельможа и если захочу, то вас в Сибирь законопачу!

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь! Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер *(читает)*. «Мая такого-то числа и прочее, и прочее, и прочее. Я уже писал к тебе, душа Тряпичкин, о том, как обыграл меня в Пензе пехотный капитан. Трактирщик хотел даже потащить в тюрьму. К батюшке не писал: недоволен тоном. Все одно: розги да розги. Этим, при теперешнем образовании, он ничего не возьмет. Но вдруг сцена переменилась: я живу теперь у городничего в доме, жуирую, отпускаю bons mots [1]. Жена и дочка его, обе ко мне неравнодушны. Не решился, с которой прежде начать; думаю, лучше с матушки: к дочке, может быть, труден доступ, а матушка такая, что сию минуту готова влюбиться по уши. Сам городничий преблагороднейший человек, с гостеприимством патриархальным, но глуп, как сивый мерин!!!»

Городничий. Не может быть! Там нет этого.

Почтмейстер *(показывает письмо)*. Читайте сами!

Городничий *(читает)*. «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

---

[1] остроты *(франц.)*.

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер *(продолжая читать)*. «Городничий преблагороднейший человек, с гостеприимством патриархальным, но глуп, как сивый мерин».

Городничий. О, черт возьми! Нужно еще повторять! Как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер *(продолжает читать)*. «Но...— хм, хм, хм, хм...— сивый мерин; почтмейстер тоже добрый человек...» *(Оставляя читать.)* Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми! когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. *(Надевает очки и читает.)* «Почтмейстер тоже добрый человек; чрезвычайно похож на департаментского сторожа Михеева; должно быть, тоже, подлец, пьет горькую».

Почтмейстер *(к зрителям)*. Ну, скверный мальчишка, которого нужно посечь; больше ничего!

Артемий Филиппович *(продолжая читать)*. «Кроме того, надзиратель над богоугодным заведением какой-то и... и... и...» *(Заикается.)*

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берет письмо.)*

Артемий Филиппович *(не давая письма)*. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю: далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! Ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо. *(Коробкину.)* Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдает*

письмо.) Вот позвольте, я закрою пальцем *(закрывает пальцем)*, вот этого места только не читайте, а прочее все можно.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте! Читайте всё!

Коробкин *(читая)*. «Кроме того, надзиратель за богоугодным заведением, какой-то Земленика; вообрази себе чухонскую свинью в ермолке, с предбольшими ушами».

Артемий Филиппович *(к зрителям)*. И нимало не остроумно. Бог знает что: свинья в ермолке! Совсем неправдоподобно: где ж свинья в ермолке бывает?

Коробкин *(продолжая читать)*. «А от смотрителя училищ страшно воняет луком».

Лука Лукич *(к зрителям)*. Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Слава богу, хоть по крайней мере обо мне нет!

Коробкин *(читает)*. «Кроме того, какой-то судья...»

Аммос Федорович. Вот тебе на! *(Вслух.)* Господа, я думаю, что письмо действительно несколько длинно. На первый раз этого будет довольно.

Лука Лукич. Зачем же? Нет, мне хочется все знать.

Коробкин *(продолжает)*. «Какой-то судья Ляпкин-Тяпкин, ужасный моветон...» *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже!

Коробкин *(продолжает читать)*. «Словом, дурачье страшное! По моей физиогномии приняли меня за военного генерал-губернатора. Я с своей стороны подпустил им пыли порядочной. Ты пописываешь для «Библиотеки для чтения». Пожалуйста, помести их в свою литературу и окритикуй хорошенько! Прощай, душа Тряпичкин! Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братец, так жить: ищешь пищи для

души; а светская чернь тебя не понимает. Хочешь наконец чем-нибудь эдаким высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку». *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* «Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербург, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже, направо».

Одна из дам. Какой репримант неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц; а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

Почтмейстер. Куда тут воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку и вперед писал предписание, черт бы меня совсем побрал!

Жена Коробкина. Вот, в самом деле, беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! Ведь он у меня взял деньги взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня сто рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем семьдесят пять ассигнациями и три двугривенных.

Аммос Федорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий *(бьет себя по плечу)*. Как я? Нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести меня; мошенников над мошенниками обманывал; пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду; трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! А теперь... вертопрах, какой-нибудь мальчишка — на губах молоко еще не обсохло... ступай ищи его! черт побери! Я думаю, так удирает по столбовой дороге, что колокольчик заливается!

А н н а А н д р е е в н а *(мужу)*. Как же?.. Ведь это не может быть... Он совсем ведь обручился уж с нашей Машенькой!

Г о р о д н и ч и й *(с досадою)*. А разве ты не видишь, что у него все это: фу-фу? Пустейший человек, черт бы побрал его! Вот подлинно, если бог захочет наказать, так отнимет разум. Ну, что в нем было такого, чтоб можно было принять за важного человека или вельможу? Пусть бы имел он в себе что-нибудь внушающее уважение, а то черт знает что: дрянь, сосулька! Тоньше серной спички. И каким это образом случилось? кто первый вынес, что он чиновник, присланный для того, чтоб ревизовать?..

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. А кто вынес? Вот кто вынес! Эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Б о б ч и н с к и й. Ей-ей, не я! и не думал...

Д о б ч и н с к и й. Я ничего, совсем ничего...

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Конечно, вы!

Л у к а Л у к и ч. Разумеется, вы первые прибежали, как сумасшедшие, из трактира: «Приехал, приехал ревизор, и денег не плотит»... Нашли, черт бы вас побрал, важную птицу!

Г о р о д н и ч и й. Натурально, вы! Сплетники городские, лгуны проклятые!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Г о р о д н и ч и й. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Пачкуны проклятые!

Л у к а Л у к и ч. Колпаки!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Б о б ч и н с к и й. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович!

Д о б ч и н с к и й. Э, нет, Петр Иванович! это вы говорили.

Б о б ч и н с к и й. Э, нет! вы прежде...

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Все издают звук изумления и остаются с открытыми ртами и вытянутыми лицами. Немая сцена.

Занавес опускается.

---

2. ДВЕ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЕ И ПРИ ПЕРВОМ ИЗДАНИИ, КАК ЗАМЕДЛЯВШИЕ ТЕЧЕНИЕ ПЬЕСЫ

ДЕЙСТВИЕ III, ЯВЛЕНИЕ 3

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Но я не знаю, маменька, отчего вам кажется, что у вас лучше всего глаза...

Анна Андреевна. Вздор тебе кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у нас полковница, которая уж такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье из Москвы,— бывало, мне несколько раз повторяет: «Сделайте милость, Анна Андреевна, откройте мне эту тайну, отчего ваши глаза просто говорят...» И все, бывало, в один голос: «С вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы от вашей любезности позабыть все обстоятельства». А стоявший в это время штаб-ротмистр Ставрокопытов? Он, не помню, проживал за ремонтом, что ли? Красавец! Лицо свежее, румянец, как я не знаю что; глаза черные-черные, а воротнички рубашки его — это батист такой, какого никогда еще купцы наши не подносили нам. Он мне несколько раз говорил: «Кля-

нусь вам, Анна Андреевна, что не только не видал, но начитывал даже таких глаз; я не знаю, что со мною делается, когда гляжу на вас...» На мне еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями с колосками и вся обложенная блондочкою, тонкою, не больше как в палец,— это просто было обворожение! Так говорит, бывало: «Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствие, когда гляжу на вас, что мое сердце»,— говорит... Я уж не могу теперь припомнить, что он мне говорил. Куды ж! Он после того такую поднял историю: хотел непременно застрелиться, да как-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свете.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька,— мне, однако ж, кажется, что у вас нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! Вот этого уж нельзя сказать. Что вздор то вздор!

Марья Антоновна. Нет, право, маменька; когда вы эдак говорите или сидите в профили, у вас губы всё...

Анна Андреевна. Пожалуйста, не толкуй пустяков! Такая, право, несносная! Чтобы она как-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вот что у матери ее хорошие глаза, так уж ей и завидно. За этими спорами, за вздорами я заболталась с тобой. А тут того и гляди что он приедет и застанет нас одетыми бог знает как. *(Поспешно уходит; за ней Марья Антоновна.)*

ДЕЙСТВИЕ IV, ЯВЛЕНИЕ 6

Хлестаков и Растаковский, в екатерининском мундире с эксельбантом.

Растаковский. Имею честь рекомендоваться — житель здешнего города, помещик, отставной секунд-майор Растаковский.

Хлестаков. А, прошу покорнейше садиться; очень рад. Я очень хорошо знаком с вашим начальником.

Растаковский *(сел)*. А, так вы изволили знать Задунайского?

Хлестаков. Какого Задунайского?

Растаковский. Графа Румянцева-Задунайского, Петра Александровича. Ведь это мой бывший начальник.

Хлестаков. Да... так вы служили уже давно?..

Растаковский. Находился во время осады под Силистрией, в семьсот семьдесят третьем году. Очень жаркое было дело. Турок был вот так, как этот стол перед нами. Я был тогда сержантом, а секунд-майор был в нашем полку — не изволите ли вы знать?— Гвоздев Петр Васильевич.

Хлестаков. Гвоздев? какой это?

Растаковский. Петр Васильевич. Он был по высочайшему повелению покойной императрицы переведен потом в драгуны.

Хлестаков. Нет, не знаю.

Растаковский. Я так и полагал, что вы не знаете, потому что уж более тридцати лет как он умер. Вот здесь не далеко, верстах в двадцати от города, осталась его внучка, что вышла замуж за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаков. За Рогатку? Скажите! Я этого совсем не полагал.

Растаковский. Да-с, Рогатка, Иван Васильевич... Так турок стоял перед нами вот так, как бы этот стол. Зима и снег, и сумятица была такая, как в том году, когда француз подступал под Москву. В нашем полку был тоже секунд-майором Фуктель-Кнабе, немец. Звали его Сихфрид Иванович, но генерал-аншеф тогдашний, Потемкин, велел переименовать. «Ты, говорит, не Сихфрид, а Суп,— так будь ты Супом Ивановичем». И с той поры так и осталось ему имя Суп Иванович. Так этот Суп Иванович и секунд-майор Гвоздев, о котором я говорил, были посланы за фуражом. К ним был прикомандирован я и еще квартирмистр, если изволите знать—Трепакин, Автоном Павлович: он также, я думаю, уже будет лет двадцать пять как умер.

Хлестаков. Трепакин? нет, не знаю. А вот я хотел бы попросить у вас...

Растаковский (*не слушая*). Видный мужчина: русый волос, золотой эксельбант. Ловко танцевал польский. Хлопнет, бывало, рукою, и отобьет пару у самого полковника, и как только девушки... хе, хе, хе... У нас бывали тогда палатки; и как только заглянешь к нему в палатку... хе, хе, хе... там уж сидит, и наутро денщик выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе... и портупея висит, хе, хе, хе...

Хлестаков. Да, это подобная история с моим знакомым, одним чиновником, который очень выгодно служит. Сидит он в халате, закурил трубку, вдруг к нему приходит один мой тоже приятель гвардеец, кавалергардского полку, и говорит... *(Останавливается и смотрит между тем пристально в глаза Растаковскому.)* Послушайте, однако ж, не можете ли вы мне дать сколько-нибудь взаймы денег? Я в дороге истратился.

Растаковский. Да кто это просил денег: чиновник у гвардейца или гвардеец у чиновника?

Хлестаков. Нет, это я прошу у вас. Видите, чтоб после как-нибудь не позабыть, так лучше теперь.

Растаковский. Так это вам нужны деньги? Как странно! Я думал, что гвардеец при анекдоте-то попросил. Как в разговоре-то иногда случается! Так вам нужны деньги? А я, признаюсь, с своей стороны пришел беспокоить преубедительнейшею просьбою.

Хлестаков. А что, о чем?

Растаковский. Должен получить прибавочного пенсиона, так я просил бы, чтобы замолвили там сенаторам или кому другому.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Растаковский. Я сам подавал просьбу, да только, может, не туда, куда следует.

Хлестаков. А как давно вы подавали просьбу?

Растаковский. Да если сказать правду, не так и давно — в тысяча восемьсот первом году; да вот уж тридцать лет нет никакой резолюции. Я послал чрез Сосулькина Ивана Петровича, который ехал тогда в Петербург; да он-то не слишком надежный человек. Так

статься может, что просьбу отнес-то не туды, куды следует. А оно, правда, уже немного и ждать отстается: тридцать лет прошло — стало быть, теперь скоро дело решится.

Хлестаков. Да, натурально, теперь решат скоро; а впрочем, я тоже с своей стороны... хорошо, хорошо.

---

3. СЦЕНА, НЕ ВНЕСЕННАЯ АВТОРОМ В ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ «РЕВИЗОРА»

ДЕЙСТВИЕ IV, ЯВЛЕНИЕ 8

Хлестаков и Гибнер.

Гибнер. Ich habe die Ehre mich zu rekommandieren: Doctor der Armen-Anstalten, Hiebner[1].

Хлестаков. Прошу покорнейше садиться.

Гибнер. Es freuet mich sehr die Ehre zu haben, einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat...[2]

Хлестаков. Нет, я по-немецки... не так. Лучше по-русски. Скажите, пожалуйста: теперь вообще чиновникам назначено хорошее жалованье. Не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнер. Денг?.. и што денги?..

Хлестаков. Да. Если вы обзавелись, то я бы попросил у вас взаймы... взаймы... То есть, это вот что значит: вы мне giebt[3] теперь, а я вам после назад отгибаю.

---

[1] Имею честь представиться: доктор богоугодных заведений, Гибнер *(нем.)*.

[2] Рад, что имею честь видеть столь достойного человека, который уполномочен властью... *(нем.)*

[3] Дайте *(нем.)*.

Гибнер. Денг... нет денги... *(Вынимает бумажник и вытряхивает.)* Sehen Sie![1] нет... одна сигар... больш нет...

Хлестаков. Ну, нечего делать! на нет и суда нет.

Гибнер *(прячет бумажник, потом опять берется за карман)*. Wollen Sie eine Cigarre rauchen?[2] *(Вынимает и подает сигару.)*

Хлестаков. А, хорошо, gut! Дайте сюда, giebt. *(Берет и раскуривает.)* Хорошая сигарка. Это, верно, из Петербурга? *(Пускает дым.)*

Гибнер. Нет... из... Рига.

Хлестаков. Из Риги? Да, я так и думал.

Гибнер *(вставая со стула и кланяясь)*. Ich darf Sie nicht mehr zu beunruihigen und Ihnen die theure Zeit zu berauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen[3]. *(Откланивается.)*

Хлестаков. Прощайте. Рад познакомиться.

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков *(один)*. Хорошо и сигарку выкурить. Как много здесь чиновников! Городишко таки населен довольно...

4. ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА, ПИСАННОГО АВТОРОМ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «РЕВИЗОРА» К ОДНОМУ ЛИТЕРАТОРУ

...«Ревизор» сыгран — и у меня на душе так смутно, так странно... Я ожидал, я знал наперед, как пойдет дело, и при всем том чувство грустное и досадно-тяго-

---

[1] Видите! *(нем.)*

[2] Не хотите ли выкурить сигару? *(нем.)*

[3] Не смею больше беспокоить и отнимать драгоценное время, определенное на государственные обязанности *(нем.)*.

стное облекло меня. Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое. Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то вроде Альнаскарова, чем-то вроде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров. Он сделался просто обыкновенным вралем,— бледное лицо, в продолжение двух столетий являющееся в одном и том же костюме. Неужели в самом деле не видно из самой роли, что такое Хлестаков? Или мною овладела довременно слепая гордость и силы мои совладеть с этим характером были так слабы, что даже и тени и намека в нем не осталось для актера? А мне он казался ясным. Хлестаков вовсе не надувает; он не лгун по ремеслу; он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе, видит, что все идет хорошо, его слушают — и по тому одному он говорит плавнее, развязнее, говорит от души, говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть. Вообще у нас актеры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать — значит просто нести болтовню. Лгать — значит говорить ложь тоном, так близким к истине, так естественно, так наивно, как можно только говорить одну истину; и здесь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти уверен, что Хлестаков более бы выиграл, если бы я назначил эту роль одному из самых бесталанных актеров и сказал бы ему только, что Хлестаков есть человек ловкий, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродетельный, и что ему остается представить его именно таким. Хлестаков лжет вовсе не холодно или фанфаронски-театрально; он лжет с чувством; в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни — почти род вдохновения. И хоть бы что-нибудь из этого было выражено! Никакого тоже характера, то есть лица, то есть видимой наружности, то есть физиономии,— решительно не дано было бедному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старых чиновников в

поношенных вицмундирах с потертыми воротниками; но схватить те черты, которые довольно благовидны и не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга,— дело мастера сильного. У Хлестакова ничего не должно быть означено резко. Он принадлежит к тому кругу, который, по-видимому, ничем не отличается от прочих молодых людей. Он даже хорошо иногда держится, даже говорит иногда с весом, и только в случаях, где требуется или присутствие духа, или характер, высказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничего более неподвижны и ясны. Его уже обозначает резко собственная, неизменяемая, черствая наружность и отчасти утверждает собою его характер. Черты роли Хлестакова слишком подвижны, более тонки, и потому труднее уловимы. Что такое, если разобрать в самом деле, Хлестаков? Молодой человек, чиновник, и пустой, как называют, но заключающий в себе много качеств, принадлежащих людям, которых свет не называет пустыми. Выставить эти качества в людях, которые не лишены, между прочим, хороших достоинств, было бы грехом со стороны писателя, ибо он тем поднял бы их на всеобщий смех. Лучше пусть всякий отыщет частицу себя в этой роли и в то же время осмотрится вокруг без боязни и страха, чтобы не указал кто-нибудь на него пальцем и не назвал бы его по имени. Словом, это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадается и в натуре. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, но, натурально, в этом не хочет только признаться; он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только, конечно, в коже другого, а не в собственной. И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым. Словом, редко кто им не будет хоть раз в жизни,— дело только в том, что вслед за тем очень ловко повернется, и как будто бы и не он.

Итак, неужели в моем Хлестакове не видно ничего

этого? Неужели он просто бледное лицо, а я, в порыве минутно-горделивого расположения, думал, что когда-нибудь актер обширного таланта возблагодарит меня за совокупление в одном лице толиких разнородных движений, дающих ему возможность вдруг показать все разнообразные стороны своего таланта? И вот Хлестаков вышел детская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

С самого начала представления пьесы я уже сидел в театре скучный. О восторге и приеме публики я не заботился. Одного только судьи из всех бывших в театре я боялся,— и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, которые заглушали все другие. А публика вообще была довольна. Половина ее приняла пьесу даже с участием; другая половина, как водится, ее бранила, по причинам, однако ж, не относящимся к искусству. Каким образом бранила, мы об этом поговорим при первом свидании с вами; тут есть много поучительного и немало смешного. Я даже кое-что записал; но это в сторону.

Вообще с публикою, кажется, совершенно примирил «Ревизора» городничий. В этом я был уверен и прежде, ибо для таланта, каков у Сосницкого, ничего не могло остаться необъясненным в этой роли. Я рад по крайней мере, что доставил ему возможность выказать во всей широте талант свой, об котором уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются так щедро рукоплесканиями во вседневных водевилях и прочих забавных пьесах. На слугу тоже надеялся, потому что заметил в актере большое внимание к словам и замечательность. Зато оба наши приятели, Бобчинский и Добчинский, вышли, сверх ожиданий, дурны. Хотя я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцева, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже пред началом представления, увидевши их костюмированными, я ах-

нул. Эти два человечка, в существе своем довольно опрятные, толстенькие, с прилично-приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и бессовестно карикатурна. Я как бы предчувствовал это, когда просил, чтоб сделать хоть одну репетицию в костюмах; но мне стали говорить, что это вовсе не нужно и не в обычае и что актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены словам моим давали не много, я оставил их в покое. Еще раз повторяю: тоска, тоска! Не знаю сам, отчего одолевает меня тоска.

Во время представления я заметил, что начало четвертого акта холодно; кажется, как будто течение пьесы, дотоле плавное, здесь прервалось или влечется лениво. Признаюсь, еще во время чтения сведущий и опытный актер сделал мне замечание, что не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замечание довольно тонкое, имеющее свои справедливые стороны, я, однако же, не видел причины, почему Хлестаков, будучи Хлестаковым, не мог попросить первый. Но замечание было сделано; «стало быть,— сказал я сам в себе,— я плохо выполнил эту сцену». И точно, теперь, во время представления, я увидел ясно, что начало четвертого акта бледно и носит признак какой-то усталости. Возвратившись домой, я тот же час принялся за переделку. Теперь, кажется, вышло немного сильнее, по крайней мере естественнее и более идет к делу. Но у меня нет сил хлопотать о включении этого отрывка в пьесу. Я устал; и как вспомню, что для этого нужно ездить, просить и кланяться, то бог с ним,— пусть лучше при втором издании или возобновлении «Ревизора».

Еще слово о последней сцене. Она совершенно не вышла. Занавес закрывается в какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, как будто не кончена. Но я не виноват. Меня не хотели слушать. Я и теперь говорю,

что последняя сцена не будет иметь успеха до тех пор, пока не поймут, что это просто немая картина, что все это должно представлять одну окаменевшую группу, что здесь оканчивается драма и сменяет ее онемевшая мимика, что две-три минуты должен не опускаться занавес, что совершиться все это должно в тех же условиях, каких требуют так называемые *живые картины*. Но мне отвечали, что это свяжет актеров, что группу нужно будет поручить балетмейстеру, что несколько даже унизительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще других *прочих* увидел я на минах, которые были досаднее словесных. Несмотря на все эти *прочие*, я стою на своем и сто раз говорю: «Нет, это не свяжет нимало, это не унизительно». Пусть даже балетмейстер сочинит и составит группу, если только он в силах почувствовать настоящее положение всякого лица. Таланта не остановят указанные ему границы, как не остановят реку гранитные берега; напротив, вошедши в них, она быстрее и полнее движет свои волны. И в данной ему позе чувствующий актер может выразить все. На лицо его здесь никто не положил оков, размещена только одна группировка; лицо его свободно выразить всякое движение. И в этом онемении для него бездна разнообразия. Испуг каждого из действующих лиц не похож один на другой, как не похожи их характеры и степень боязни и страха, вследствие великости наделанных каждым грехов. Иным образом остается поражен городничий, иным образом поражена жена и дочь его. Особенным образом испугается судья, особенным образом попечитель, почтмейстер и пр., и пр. Особенным образом останутся пораженными Бобчинский и Добчинский, и здесь не изменившие себе и обратившиеся друг к другу с онемевшим на губах вопросом. Одни только гости могут остолбенеть одинаким образом, но они даль в картине, которая очерчивается одним взмахом кисти и покрывается одним колоритом. Словом, каждый мимически продолжит свою роль, и, несмотря на то что, по-видимому, покорил себя балетмейстеру, может всегда остаться высоким актером. Но у меня недостает больше сил хлопотать и спорить. Я устал и душою и телом. Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий.

Бог с ними со всеми; мне опротивела моя пьеса. Я хотел бы убежать теперь бог знает куда, и предстоящее мне путешествие, пароход, море и другие, далекие небеса могут одни только освежить меня. Я жажду их, как бог знает чего. Ради бога, приезжайте скорее. Я не поеду, не простившись с вами. Мне еще нужно много сказать вам того, что не в силах сказать несносное, холодное письмо...

1836 г., мая 25.
С.-Петербург.

5. ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПОЖЕЛАЛИ БЫ СЫГРАТЬ КАК СЛЕДУЕТ ИГРАТЬ «РЕВИЗОРА»

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенного или тривиального даже в последних ролях. Напротив, нужно особенно стараться актеру быть скромней, проще и как бы благородней, чем как в самом деле есть то лицо, которое представляется. Чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнаружится смешное взятой им роли. Смешное обнаружится само собою именно в той сурьезности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виден пустяк их заботы. Но сами они совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь смеется. Умный актер, прежде чем схватить мелкие причуды и мелкие особенности внешние доставшегося ему лица, должен стараться поймать *общечеловеческое* выражение роли; должен рассмотреть, зачем призвана эта роль; должен рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове. Поймавши эту главную заботу выведенного лица, актер должен в такой силе исполниться ею сам, чтобы мысли и стремления взятого

им лица как бы усвоились ему самому и пребывали бы в голове его неотлучно во все время представления пьесы. О частных сценах и мелочах он не должен много заботиться. Они выйдут сами собою удачно и ловко, если только он не выбросит ни на минуту из головы этого гвоздя, который засел в голову его героя. Все эти частности и разные мелкие принадлежности,— которыми так счастливо умеет пользоваться даже и такой актер, который умеет дразнить и схватывать походку и движенье, но не создавать целиком роли,— суть не более как краски, которые нужно класть уже тогда, когда рисунок сочинен и сделан верно. Они — платье и тело роли, а не душа ее. Итак, прежде следует схватить именно эту душу роли, а не платье ее.

Одна из главных ролей есть городничий. Человек этот более всего озабочен тем, чтобы не пропускать того, что плывет в руки. Из-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотреться получше на себя. Из-за этой заботы он стал притеснителем, не чувствуя сам, что он притеснитель, потому что злобного желанья притеснять в нем нет; есть только желанье прибирать все, что ни видят глаза. Просто он позабыл, что это в тягость другому и что от этого трещит у иного спина. Он вдруг простил купцов, замышлявших погубить его, когда те предложили заманчивое предложение, потому что эти заманчивые блага жизни обуяли им и сделали то, что в нем очерствело и огрубело чутье слышать положенье и страданье другого. Он чувствует, что грешен; он ходит в церковь, думает даже, что в вере тверд, даже помышляет когда-нибудь потом покаяться. Но велик соблазн всего того, что плывет в руки, и заманчивы блага жизни, и хватать все, не пропуская ничего, сделалось у него уже как бы просто привычкой. Его поразил распространившийся слух о ревизоре, еще более поразило то, что этот ревизор — incognito, неизвестно когда будет, с которой стороны подступит. Он находится от начала до конца пьесы в положениях свыше тех, в которых ему случалось бывать в другие дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя от страха к надежде и радости, взгляд его несколько распален оттого, и он стал податливее на обман, и его, которого в дру-

гое время не скоро удалось бы обмануть, становится возможным. Увидевши, что ревизор в его руках, не страшен и даже с ним вступил в родню, он предается буйной радости при одной мысли о том, как понесется отныне его жизнь среди пирований, попоек, как будет он раздавать места, требовать на станциях лошадей и заставлять ждать в передних городничих, важничать, задавать тон. Поэтому-то внезапное объявление о приезде настоящего ревизора для него больше, чем для всех других, громовой удар, и положенье становится истинно трагическим.

Судья — человек, меньше грешный в взятках. Он даже не охотник творить неправду, но велика страсть ко псовой охоте... Что ж делать! у всякого человека есть какая-нибудь страсть; из-за нее он наделает множество разных неправд, не подозревая сам того. Он занят собой и умом своим, и безбожник, только потому, что на этом поприще есть простор ему выказать себя. Для него всякое событие, даже и то, которое навело страх для других, есть находка, потому что дает пищу его догадкам и соображениям, которыми он доволен, как артист своим трудом. Это самоуслажденье должно выражаться на лице актера. Он говорит и в то же время смотрит, какой эффект производят на других его слова. Он ищет выражений.

Земляника — человек толстый, но плут тонкий, несмотря на необъятную толщину свою, который имеет много увертливого и льстивого в оборотах поступков. На вопрос Хлестакова, как называлась съеденная рыба, он подбегает с легкостью двадцатидвухлетнего франта, затем чтобы у самого его носа сказать: «Лабардан-с». Он принадлежит к числу тех людей, которые, только для того, чтобы вывернуться сами, не находят другого средства, как чтобы топить других, и торопливы на всякие каверзничества и доносы, не принимая в строку ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о том, как бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотлив. А потому умный актер никак не пропустит всех тех случаев, где услуга толстого человека будет особенно смешна в глазах зрителей, без всякого желанья сделать из этого карикатуру.

Смотритель училищ — ничего более, как только напуганный человек частыми ревизовками и выговорами неизвестно за что; а потому боится, как огня, всяких посещений и трепещет, как лист, при вести о ревизоре, хотя и не знает сам, в чем грешен. Играющему это лицо актеру нетрудно, ему остается только выразить один постоянный страх.

Почтмейстер — простодушный до наивности человек, глядящий на жизнь как на собрание интересных историй для препровождения времени, которые он начитывает в распечатываемых письмах. Ничего больше не остается делать актеру, как быть простодушну сколько возможно.

Но два городские болтуна Бобчинский и Добчинский требуют особенно, чтобы были сыграны хорошо. Их должен себе очень хорошо определить актер. Это люди, которых жизнь заключилась вся в беганьях по городу с засвидетельствованием почтенья и в размене вестей. Все у них стало визит. Страсть рассказать поглотила всякое другое занятие, и эта страсть стала их движущею страстью и стремленьем жизни. Словом, это люди, выброшенные судьбой для чужих надобностей, а не для своих собственных. Нужно, чтобы видно было то удовольствие, когда наконец добьется того, что ему позволят о чем-нибудь рассказать. Торопливость и суетливость у них единственно от боязни, чтобы кто-нибудь не перебил и не помешал ему рассказать. Любопытны — от желанья иметь о чем рассказать. От этого Бобчинский даже немножко заикается. Они оба низенькие, коротенькие, чрезвычайно похожи друг на друга, оба с небольшими брюшками. Оба кругловицы, одеты чистенько, с приглаженными волосами. Добчинский даже снабжен небольшой лысинкой на середине головы; видно, что он не холостой человек, как Бобчинский, но уже женатый. Но при всем том Бобчинский берет верх над ним по причине большей живости и даже несколько управляет его умом. Словом, актеру нужно заболеть сапом любопытства и чесоткой языка, если хочет хорошо исполнить эту роль, и представлять себе должен, что сам заболел чесоткой языка. Он должен позабыть, что он совсем ничтожный

человек, как оказывается, и бросить в сторону все мелкие атрибуты; иначе он попадет как раз в карикатуры.

Все прочие лица: купцы, гостьи, полицейские и просители всех родов — суть ежедневно проходящие перед нашими глазами лица, а потому могут быть легко схвачены всяким, умеющим замечать особенности в речах и ухватках человека всякого сословия. То же самое можно сказать и о слуге, несмотря на то что эта роль значительнее прочих. Русский слуга пожилых лет, который смотрит несколько вниз, грубит барину, смекнувши, что барин щелкопер и дрянцо, и который любит себе самому читать нравоученье для барина, который молча плут, однако очень умеет воспользоваться в таких случаях, когда можно мимоходом поживиться,— известен всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномерно всякий может почувствовать степень того впечатления, какое приезд ревизора способен произвести на каждое из этих лиц.

Не нужно только позабывать того, что в голове всех сидит ревизор. Все заняты ревизором. Около ревизора кружатся страхи и надежды всех действующих лиц. У одних надежда на избавление от дурных городничих и всякого рода хапуг. У других панический страх при виде того, что главнейшие сановники и передовые люди общества в страхе. У прочих же, которые смотрят на все дела мира спокойно, чистя у себя в носу,— любопытство, не без некоторой тайной боязни увидеть наконец то лицо, которое причинило столько тревог и, стало быть, неминуемо должно быть слишком необыкновенным и важным лицом.

Всех труднее роль того, который принят испуганным городом за ревизора. Хлестаков сам по себе ничтожный человек. Даже пустые люди называют его пустейшим. Никогда бы ему в жизни не случилось сделать дела, способного обратить чье-нибудь внимание. Но сила всеобщего страха создала из него замечательное комическое лицо. Страх, отуманивши глаза всех, дал ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрезываемый доселе во всем, даже и в замашке пройтись козырем по Невскому проспекту, он почувствовал про-

стор и вдруг развернулся неожиданно для самого себя. В нем всё сюрприз и неожиданность. Он даже весьма долго не в силах догадаться, отчего к нему такое внимание, уважение. Он почувствовал только приятность и удовольствие, видя, что его слушают, угождают, исполняют все, что он хочет, ловят с жадностью все, что ни произносит он. Он разговорился, никак не зная с начала разговора, куда поведет его речь. Темы для разговоров ему дают выведывающие. Они сами как бы кладут ему всё в рот и создают разговор. Он чувствует только то, что везде можно хорошо порисоваться, если ничто не мешает. Он чувствует, что он и в литературе господин, и на балах не последний, и сам дает балы и, наконец, что он — государственный человек. Он ни от чего не прочь, о чем бы ему ни лгать. Обед со всякими лабарданами и винами дал изобразительную словоохотность и красноречие его языку. Чем далее, тем более входит всеми чувствами в то, что говорит, и потому выражает многое почти с жаром. Не имея никакого желанья надувать, он позабывает сам, что лжет. Ему уже кажется, что он действительно все это производил. Поэтому сцена, когда он говорит о себе как о государственном человеке, способна, точно, смутить чиновника. Особенно в то время, когда он рассказывает, как распекал всех до единого в Петербурге, является в лице важность и все атрибуты и все что угодно. Будучи сам неоднократно распекаем, он это должен мастерски изобразить в речах: он почувствовал в это время особенное удовольствие распечь наконец и самому других, хотя в рассказах. Он бы и подальше добрался в речах своих, но язык его уже не оказался больше годным, по какой причине чиновники нашлись принужденными отвести его с почтеньем и страхом на отведенный ночлег. Проснувшись, он тот же Хлестаков, каким и был прежде. Он даже не помнит, чем напугал всех. В нем по-прежнему никакого соображения и глупость во всех поступках. Влюбляется он и в мать и в дочь почти в одно время. Просит денег, потому что это как-то само собой срывается с языка и потому, что уже у первого он попросил и тот с готовностью предложил. Только к концу акта он догадывается, что его принимают за кого-то повыше. Но если

бы не Осип, которому кое-как удалось ему несколько растолковать, что такой обман не долго может продолжаться, он бы преспокойно дождался толчков и проводов со двора не с честью. Хотя это лицо фантасмагорическое, лицо, которое, как лживый олицетворенный обман, унеслось вместе с тройкой бог весть куда, но тем не менее нужно, чтоб эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всех труднее. Этот пустой человек и ничтожный характер заключает в себе собрание многих тех качеств, которые водятся и не за ничтожными людьми. Актер особенно не должен упустить из виду это желанье порисоваться, которым более или менее заражены все люди и которое больше всего отразилось в Хлестакове,— желанье ребяческое, но оно бывает у многих умных и старых людей, так что редкому на веку своем не случалось в каком-либо деле отыскать его. Словом, актер для этой роли должен иметь очень многосторонний талант, который бы умел выражать разные черты человека, а не какие-нибудь постоянные, одни и те же. Он должен быть очень ловким светским человеком, иначе не будет в силах выразить наивно и простодушно ту пустую светскую ветреность, которая несет человека во все стороны поверх всего, которая в таком значительном количестве досталась Хлестакову.

Последняя сцена «Ревизора» должна быть особенно сыграна умно. Здесь уже не шутка, и положенье многих лиц почти трагическое. Положение городничего всех разительней. Как бы то ни было, но увидеть себя вдруг обманутым так грубо и притом пустейшим, ничтожнейшим мальчишкой, который даже видом и фигурой не взял, будучи похож на спичку (Хлестаков, как известно, тоненький, прочие все толсты),— быть им обманутым — это не шуточное. Обмануться так грубо тому, который умел проводить умных людей и даже искуснейших плутов! Возвещенье о приезде, наконец, настоящего ревизора для него громовый удар. Он окаменел. Распростертые его руки и закинутая назад голова остались неподвижны, и вокруг него вся действующая группа составляет в одно мгновенье окаменевшую группу в разных положеньях.

Вся эта сцена есть немая картина, а потому должна быть так же составлена, как составляются живые картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная с его характером, со степенью боязни его и с потрясением, которое должны произвести слова, возвестившие о приезде настоящего ревизора. Нужно, чтобы эти позы никак не встретились между собою и были бы разнообразны и различны; а потому следует, чтобы каждый помнил свою и мог бы вдруг ее принять, как только поразится его слух роковым известием. Сначала выйдет это принужденно и будет походить на автоматов, но потом, после нескольких репетиций, по мере того как каждый актер войдет поглубже в положение свое, данная поза ему усвоится, станет естественной и принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматов исчезнет, и покажется, как бы сама собой вышла онемевшая картина.

Сигналом перемены положений может послужить тот небольшой звук, который исходит из груди у женщин при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу приходят в положение, данное для немой картины, начиная переходить в него уже при появлении вестника с роковым известием: это — которые меньше, другие вдруг — это те, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотреть самому несколько раз на эту картину в качестве зрителя, чтобы видеть, что нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнее.

Картина должна быть установлена почти вот как:

Посредине городничий, совершенно онемевший и остолбеневший. По правую его руку жена и дочь, обращенные к нему с испугом на лице. За ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям. За ним Лука Лукич, весь бледный, как мел. По левую сторону городничего Земляника с приподнятыми кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, как человек, который чем-то сильно обжегся. За ним судья, присевший почти до земли и сделавший губами гримасу, как бы говоря: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». За ними Добчинский и Бобчинский, уста-

вивши глаза и разинувши рот, глядят друг на друга. Гости в виде двух групп по обеим сторонам: одна соединяется в одно общее движенье, стараясь заглянуть в лицо городничего. Чтобы завязалась группа ловче и непринужденней, всего лучше поручить художнику, умеющему сочинять группы, сделать рисунок и держаться рисунка.

Если только каждый из актеров вошел хоть сколько-нибудь во все положения ролей своих во все продолжение представления пьесы, то они выразят также и в этой немой сцене положенье разительное ролей своих, увенчая этой сценой еще более совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представления, то останутся так же и холодны и натянуты как здесь, с тою разницею, что в этой немой сцене еще более обнаружится их неискусство.

---

6. РАЗВЯЗКА «РЕВИЗОРА»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первый комический актер — Михайло Семенович Щепкин.

Хорошенькая актриса.

Другой актер.

Федор Федорыч, любитель театра.

Петр Петрович, человек большого света.

Семен Семеныч, человек тоже немалого света, но в своем роде.

Николай Николаич, литературный человек.

Актеры и актрисы.

Первый комический актер *(выходя на сцену)*. Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, в этот раз точно хорошо сыграл, и рукоплесканье пуб-

лики досталось недаром. Если чувствуешь это сам, если не стыдно перед самим собой, то, значит, дело было сделано как следует.

Выходит толпа актеров и актрис.

Другой актер *(с венком в руке)*. Михайло Семеныч, это уж не публика, это мы подносим вам венок. Публика раздает венки не всегда с строгим разбором; достается от нее венок и не за большие услуги; но если своя братья-товарищи, которые подчас и завистливы и несправедливы, если своя братья-товарищи поднесут кому с единодушного приговора венок, то, значит, такой человек, точно, достоин венка.

Первый комический актер *(принимая венок)*. Товарищи, умею ценить этот венок.

Другой актер. Нет, не в руке держать; наденьте-ка на голову!

Все актеры и актрисы. На голову венок!

Хорошенькая актриса *(выступая вперед, с повелительным жестом)*. Михайло Семеныч, венок на голову!

Первый комический актер. Нет, товарищи, взять венок от вас — возьму, но надеть на голову — не надену. Другое дело — принять венок от публики, как обычное выраженье приветствия, которым она награждает всякого, кто удостоился ей понравиться; не надеть такого венка — значило бы показать пренебреженье к ее вниманью. Но надеть венок посреди себе равных товарищей,— господа, для этого нужно иметь слишком много самонадеянной уверенности в себе.

Все. Венок на голову!

Хорошенькая актриса. На голову венок, Михайло Семеныч!

Другой актер. Это наше дело; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надеть его, а потом мы вам скажем, зачем вас увенчали. Вот так! Теперь слушайте! За то вам венок, что вот уже с лишком двадцать лет как вы посреди нас и нет из нас никого, который был бы когда-либо вами обижен; за то, что вы всех нас ревностней делали свое дело и сим одним внушали охоту

не уставать на своем поприще, без чего вряд ли у нас достало бы сил. Какая посторонняя сила может так подтолкнуть, как подтолкнет товарищ своим примером? За то, что вы не об одном себе думали, не о том хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всяк не оплошал также в своей роли, и никому не отказывали в совете, никем не пренебрегали. За то, наконец, что так любили дело искусства, как никто из нас никогда не любил его. И вот вам за что подносим теперь все до единого венок.

Первый комический актер (*растроганный*). Нет, товарищи, не было так, но хотел бы, чтобы было так.

Входят Федор Федорыч, Семен Семеныч, Петр Петрович и Николай Николаич.

Федор Федорыч (*бросившись обнимать первого актера*). Михайло Семеныч! Себя не помню, не знаю, что и сказать об игре вашей: вы никогда еще так не играли.

Петр Петрович. Не почтите слов моих за лесть, Михайло Семеныч, но я должен признаться, не встречал,— а могу сказать нехвастовски, был на всех первоклассных театрах Европы, видел лучших актеров,— не встречал подобной игры, не примите моих слов за лесть.

Семен Семеныч. Михайло Семеныч!.. (*В бессилии выразить словом, выражает движением руки.*) Вы просто Асмодей!

Николай Николаич. В таком совершенстве, в такой окончательности, так сознательно и в таком соображенье всего исполнить роль свою — нет, это что-то выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество!

Федор Федорыч. Венец искусства — и больше ничего! Здесь-то наконец узнаешь высокий смысл искусства. Ну, что есть, например, привлекательного в том лице, которое вы сейчас представляли? Как можно доставить наслажденье зрителю в коже какого-нибудь плута? А вы его доставили. Я плакал; но плакал не от участья к положенью лица,— плакал от наслаж-

дения. Душе стало светло и легко. Легко и светло оттого, что выставили все оттенки плутовской души, что дали ясно увидеть, что такое плут.

Петр Петрович. Позвольте, однако ж, оставивши в сторону мастерскую обстановку пьесы, подобной которой, признаюсь, не встречал,— а могу сказать нехвастовски, был на лучших театрах,— уж не знаю, кому за это обязан автор: вам ли, господа, или начальству наших театров,— вероятно, тому и другому вместе; но подобная обстановка вынесет хоть какую пьесу. Не примите моих слов за лесть, господа! Позвольте, однако ж, оставивши все это в сторону, сделать мне замечанье насчет самой пьесы, то самое замечанье, которое сделал я назад тому десять лет, во время ее первого представления: не вижу я в «Ревизоре», даже и в том виде, в каком он дан теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу.

Семен Семеныч. Я даже вижу вред. В пьесе выставлено нам униженье наше; не вижу я любви к отечеству в том, кто писал ее. И притом какое неуважение, какая даже дерзость... Я уж этого даже не понимаю, как сметь сказать в глаза всем: «Что смеетесь? — Над собой смеетесь!»

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, ты позабыл: ведь это не автор говорит, ведь это говорит городничий; это говорит рассердившийся, раздосадованный плут, которому, разумеется, досадно, что над ним смеются.

Петр Петрович. Позвольте, Федор Федорыч, позвольте вам, однако ж, заметить, что слова эти, точно, произвели странное действие, и, вероятно, не одному из сидевших в театре показалось, что автор как бы к нему самому обращает эти слова: «Над собой смеетесь!» Говорю это... вы не примите моих слов, господа, за какое-нибудь личное нерасположение к автору, или предубеждение, или... словом, не то чтобы я имел что-нибудь противу него, понимаете; но говорю вам мое собственное ощущение: мне показалось, точно как бы в эту минуту стоит передо мною человек, который смеется над всем, что ни есть у нас: над нравами, над обычаями, над

порядками, и, заставивши нас же посмеяться над всем этим, нам же говорит в глаза: «Вы над собой смеетесь!»

Первый комический актер. Позвольте здесь мне сказать слово. Вышло это само собой. В монологе, обращенном к самому себе, актер обыкновенно обращается к стороне зрителей. Хотя городничий был в беспамятстве и почти в бреду, но не мог не заметить усмешки на лицах гостей, которую возбудил он смешными своими угрозами всех обманувшему Хлестакову, который в это время несется во весь дух себе на почтовых, бог весть в каких краях. Намеренья у автора дать именно тот смысл, о котором вы говорите, не было никакого; я это вам говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пьесы. Но позвольте мне с моей стороны сделать запрос: ну что, если бы у сочинителя, точно, была цель показать зрителю, что он над собой смеется?

Семен Семеныч. Благодарю за комплимент! Я по крайней мере не нахожу в себе ничего общего с выведенными в «Ревизоре» людьми. Извините! Не хвастаюсь, что я не без пороков, так же как и все люди, но все же я не похож на них. Это уж слишком! В эпиграфе выставлено: «На зеркало нечего пенять, если рожа крива!» Петр Петрович, я спрашиваю у вас: разве у меня рожа крива? Федор Федорыч, я спрашиваю у тебя: разве у меня рожа крива? Николай Николаич, у тебя я спрашиваю: рожа у меня крива? *(Обращаясь ко всем другим.)* Господа, я у вас всех спрашиваю, скажите мне: разве у меня рожа крива?

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, странный и ты опять вопрос задал. Ведь ты же опять и не красавец, как и мы все, грешные. Нельзя же сказать уж так напрямик, чтобы твое лицо было образец образцом. Как ни рассмотри, немножко косовато: ну, а что косо, то уж и криво.

Петр Петрович. Господа, вы вдались совершенно в другой вопрос. Это лежит на совести всякого человека; нам смешно и трактовать о том, у кого лицо криво, а у кого нет. Но вот в чем главное дело, позвольте мне вновь возвратиться к тому же: не вижу я большого разума в комедии, не вижу цели; по край-

пей мере в самом сочинении это не обнаруживается.

Николай Николаич. Но какой же вы хотите еще цели, Петр Петрович? Искусство уже в самом себе заключает свою цель. Стремленье к прекрасному и высокому — вот искусство. Это непременный закон искусства; без этого искусство — не искусство. А потому ни в каком случае не может быть оно безнравственно. Оно стремится непременно к добру, положительно или отрицательно: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеется над безобразием всего худшего в человеке. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь ее таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? спрашиваю: разве это не похвала добру?

Петр Петрович. Бесспорно, Николай Николаич; но позвольте, однако же, вам...

Николай Николаич *(не слушая)*. Не то дурно, что нам показывают в дурном дурное и видишь, что оно дурно во всех отношениях; но то дурно, если нам так его выставляют, что не знаешь, злое ли оно, или нет; то дурно, когда делают привлекательным для зрителя злое; то дурно, что мешают его в такой степени с добром, что не знаешь, к которой стороне пристать; то дурно, что доброе показывают нам таким образом, что в добре не видишь добра.

Первый комический актер. Клянусь, истинная правда, Николай Николаич! Вы сказали то, в чем я всегда был убежден, но не умел только так хорошо высказать. То дурно, что в добре не видишь добра. А этот грех водится за всеми модными драмами, которыми должны мы тешить публику. Зритель выходит из театра и сам не знает решить, что такое он видел: злой ли человек, или добрый был перед ним. К добру не влечет его, от зла не отталкивает, и остается он точно как во сне, не извлекши из того, что видел, никакого для себя правила, к чему-нибудь пригодного в жизни, сбившись даже и с той дороги, по которой шел, готовый пойти за первым, кто поведет, не спрашивая, куда и зачем.

Федор Федорыч. И прибавьте, Михайло Семеныч, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только он истинный артист в душе.

Первый комический актер. Не говорите этого: ваши слова метят в самое сердце. Не можете постигнуть, как подчас бывает горько. Учишь, разучиваешь эту роль, и не знаешь сам, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь в положенье лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чем ты его потряс,— противен станешь самому себе: хотел бы просто провалиться сквозь землю, и от рукоплесканий горишь, как от собственного стыда. Я решительно не знаю, что хуже: выставлять ли преступленья таким образом, чтобы зритель готов был с ними почти примириться, или же выставлять подвиги добра в таком виде, что зритель не закипит весь желаньем с ним подружиться? То и другое по мне — гниль, а не искусство. Глубоко сказал Николай Николаич: то дурно, когда в добре не видишь добра.

Другой актер. Справедливо, справедливо: то дурно, когда в добре не видишь добра.

Петр Петрович. Противу этого я не могу сказать решительно никакого возражения. Николай Николаич сказал глубоко; Михайло Семеныч развил еще больше. Но все это не ответ на мой вопрос. То, что вы сейчас сказали, то есть чтобы хорошее выставлено было действительно с силой магической, увлекающей не только человека хорошего, но даже и дурного, а дурное изображено было в таком презрительном виде, чтобы зритель не только не почувствовал желанья примириться с выведенными лицами, но, напротив, желал бы поскорее их оттолкнуть от себя, — все это, Николай Николаич, должно быть непременным условием всякого сочинения. Это даже и не цель. Всякое сочинение должно иметь сверх этого всего свое собственное, личное выраженье, Николай Николаич, иначе пропадет его оригинальность. Николай Николаич,— понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу в «Ревизоре» того большого значенья, которое придают ему другие. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачем предпринято такое-то сочинение, на что именно бьет оно, к чему кло-

нится, что нового хочет доказать собой. Вот что, Николай Николаич, а не то, что вы говорите вообще об искусстве.

Николай Николаич. Петр Петрович, да как же вы говорите, к чему клонится... ведь это... ведь это видно.

Петр Петрович. Николай Николаич, это не видно. Не вижу я никакой особенной цели этой комедии, обнаруженной в самом сочинении; или, может быть, автор с каким-нибудь умыслом скрыл ее. В таком случае это выдет уже преступленье пред искусством, Николай Николаич, что вы себе ни говорите. Разберемте-ка сурьезно эту комедию: ведь «Ревизор» совсем не производит того впечатленья, чтоб зритель после него освежился; напротив, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали бесплодное раздраженье, другие даже озлобленье, а вообще всяк унес какое-то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствие, которое возбуждают ловко найденные сцены, на комическое даже положенье многих лиц, на мастерскую даже обработку некоторых характеров, в итоге остается что-то эдакое... я вам даже объяснить не могу,— что-то чудовищно мрачное, какой-то страх от беспорядков наших. Самое это появленье жандарма, который, точно какой-то палач, является в дверях, это окамененье, которое наводят на всех его слова, возвещающие о приезде настоящего ревизора, который должен всех их истребить, стереть с лица земли, уничтожить вконец,— все это как-то необъяснимо страшно! Признаюсь вам достоверно, à la lettre [1], на меня ни одна трагедия не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства, так что я готов подозревать даже, не было ли у автора какого-нибудь особенного намерения произвести такое действие последней сценой своей комедии. Не может быть, чтобы это вышло так, само собой.

Первый комический актер. А, вот наконец догадались сделать этот запрос. Десять лет играется на сцене «Ревизор». Все более или менее на-

---

[1] буквально *(франц.)*.

падали на тягостное впечатленье, им производимое, а никто не дал запроса: зачем было производить его? — точно как будто бы автор должен был писать свою комедию очертя голову и не зная сам, к чему она и что выдет из нее. Дайте же ему хотя каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку. Ведь, верно же, есть причина всякому поступку, даже и в глупом человеке.

Все смотрят на него с изумлением.

Петр Петрович. Михайло Семеныч, объяснитесь: это что-то неясно.

Семен Семеныч. Это пахнет какою-то загадкой.

Первый комический актер. Да как же в самом деле вы не заметили, что «Ревизор» без конца?

Николай Николаич. Как без конца?

Семен Семеныч. Да какой же еще конец? Пять действий; в шести комедия и не бывает. Разве новая побранка в придачу?

Петр Петрович. Позвольте, однако ж, заметить вам, Михайло Семеныч, что ж за пьеса, которая без конца? я спрашиваю вас. Неужели и это в законе искусства? Николай Николаич! Ведь это, по-моему, значит принести, поставить перед всеми запертую шкатулку и спрашивать, что в ней лежит?

Первый комический актер. Ну, да если она поставлена перед вами с тем именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петр Петрович. В таком случае нужно по крайней мере сказать это; или же просто дать ключ в руки.

Первый комический актер. Ну, а если и ключ лежит тут же, возле шкатулки?

Николай Николаич. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Верно, вам автор дал в руки этот ключ, а вы держите его и секретничаете.

Федор Федорыч. Объявите, Михайло Семеныч; я не в шутку заинтересован знать, что в самом деле может здесь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семен Семеныч. Дайте же открыть нам эту загадочную шкатулку. Что это за странная такая шкатулка, которая неизвестно зачем нам поднесена, неизвестно зачем перед нами поставлена и неизвестно зачем от нас заперта?

Первый комический актер. Ну, а что ж, если она откроется так, что станете удивляться, как не открыли сами? и если в шкатулке лежит вещь, которая для одних — что старый грош, вышедший из употребленья, а для других — что светлый червонец, который век в цене, как ни меняется на нем штемпель?

Николай Николаич. Да полно вам с вашими загадками! Нам подавайте ключ, и ничего больше!

Семен Семеныч. Ключ, Михайло Семеныч!

Федор Федорыч. Ключ!

Петр Петрович. Ключ!

Все актеры и актрисы. Михайло Семеныч, ключ!

Первый комический актер. Ключ? Да примете ли вы, господа, этот ключ? Может быть, швырнете его прочь вместе с шкатулкой?

Николай Николаич. Ключ! не хотим больше ничего слышать. Ключ!

Все. Ключ!

Первый комический актер. Извольте, я дам вам ключ. От комического актера вы, может быть, не привыкли слышать таких слов, но что ж делать? в этот день сердце мое разогрелось, мне стало легко, и я готов все сказать, что ни есть у меня на душе, как бы вы ни приняли слова мои. Нет, господа, не давал мне автор ключа, но бывают такие минуты состоянья душевного, когда становится самому понятным то, что прежде было непонятно. Нашел я этот ключ, и сердце мое говорит мне, что он тот самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говорит мне, что не мог иметь другой мысли сам автор.

Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе! Все до единого согласны, что этакого города нет во всей России: не слыхано, чтобы где были

у нас чиновники все до единого такие уроды: хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного. Словом, такого города нет. Не так ли? Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас? Нет, взглянем на себя не глазами светского человека,— ведь не светский человек произнесет над нами суд,— взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами того, кто позовет на очную ставку всех людей, перед которым и наилучшие из нас, не позабудьте этого, потупят от стыда в землю глаза свои, да и посмотрим, достанет ли у кого-нибудь из нас тогда духу спросить: «Да разве у меня рожа крива?» Чтобы не испугался он так собственной кривизны своей, как не испугался кривизны всех этих чиновников, которых только что видел в пьесе! Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, не говорите: «это старые речи», или: «это уж мы сами знаем!» Дайте ж наконец уж и мне сказать слово. Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества? Те вещи, которые нам даны с тем, чтобы помнить их вечно, не должны быть старыми: их нужно принимать как новость, как бы в первый раз только их слышим, кто бы их ни произносил нам,— тут нечего глядеть на лицо того, кто говорит их. Нет, Семен Семеныч, не о красоте нашей должна быть речь, но о том, чтобы в самом деле наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедию, да не кончилась бы такой трагедией, какою не кончилась эта комедия, которую только что сыграли мы. Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот — наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по именному высшему повеленью он послан и возвестится о нем тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад. Вдруг откроется перед тобою, в тебе же, такое страшилище, что от ужаса подымется волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее. На место пустых разглагольствований о себе и похвальбы собой да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе,

который в несколько раз хуже всякого другого города,— в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! В начале жизни взять ревизора и с ним об руку переглядеть все, что ни есть в нас,— настоящего ревизора, не подложного, не Хлестакова! Хлестаков — щелкопер, Хлестаков — ветреная светская совесть, продажная, обманчивая совесть; Хлестакова подкупят как раз наши же, обитающие в душе нашей, страсти. С Хлестаковым под руку ничего не увидишь в душевном городе нашем. Смотрите, как всякий чиновник с ним в разговоре вывернулся ловко и оправдался,— вышел чуть не святой. Думаете, не хитрей всякого плута чиновника каждая страсть наша, и не только страсть, даже пустая, пошлая какая-нибудь привычка? Так ловко перед нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродетель и даже похвастаешься перед своим братом и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный город, как в нем все прибрано и чисто!» Лицемеры — наши страсти, говорю вам, лицемеры, потому что сам имел с ними дело. Нет, с ветреной светской совестью ничего не разглядишь в себе: и ее самую они надуют, и она надует их, как Хлестаков чиновников, и потом пропадет сама, так что и следа ее не найдешь. Останешься как дурак городничий, который занесся было уже невесть куда — и в генералы полез, и наверняка стал возвещать, что сделается первым в столице, и другим стал обещать места,— и потом вдруг увидел, что был кругом обманут и одурачен мальчишкою, верхоглядом, вертопрахом, в котором и подобья не было с настоящим ревизором. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, нет, господа, все, кто ни держитесь такого же мненья, бросьте вашу светскую совесть! Не с Хлестаковым, но с настоящим ревизором оглянем себя! Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем государстве. Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев! Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их. Смехом, мои благородные соотечественники! Смехом, которого так боятся все низкие наши

страсти! Смехом, который создан на то, чтобы смеяться над всем, что позорит истинную красоту человека. Возвратим смеху его настоящее значенье! Отнимем его у тех, которые обратили его в легкомысленное светское кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного! Таким же точно образом, как посмеялись над мерзостью в другом человеке, посмеемся великодушно над мерзостью собственной, какую в себе ни отыщем! Не одну эту комедию, но все, что бы ни показалось из-под пера какого бы то ни было писателя, смеющегося над порочным и низким, примем прямо на свой собственный счет, как бы оно именно было на нас лично написано: все отыщешь в себе, если только опустишься в свою душу не с Хлестаковым, но с настоящим и неподкупным ревизором. Не возмутимся духом, если бы какой-нибудь рассердившийся городничий, или, справедливей, сам нечистый дух шепнул его устами: «Что смеетесь?—Над собой смеетесь!» Гордо ему скажем: «Да, над собой смеемся, потому что слышим благородную русскую нашу породу, потому что слышим приказанье высшее быть лучшими других!» Соотечественники! ведь у меня в жилах тоже русская кровь, как и у вас. Смотрите: я плачу! Комический актер, я прежде смешил вас, теперь я плачу. Дайте мне почувствовать, что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас, что я так же служу земле своей, как и все вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморох, созданный для потехи пустых людей, но честный чиновник великого божьего государства и возбудил в вас смех,— не тот беспутный, которым пересмехает в свете человек человека, который рождается от бездельной пустоты праздного времени, но смех, родившийся от любви к человеку. Дружно докажем всему свету, что в русской земле все, что ни есть, от мала до велика, стремится служить тому же, кому все должно служить что ни есть на всей земле, несется туда же *(взглянувши наверх)*, кверху, к верховной вечной красоте!

---

7. ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ ОКОНЧАНИЯ «РАЗВЯЗКИ «РЕВИЗОРА»[1]

Семен Семенч. Что, что, Михал Михалч, что вы говорите, какой душевный город?

Михал Михалч. Мне так показалось. Мне показалось, что это мой же душевный город, что последняя сцена представляет последнюю сцену жизни, когда совесть заставит взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться самого себя. Мне показалось, что этот настоящий ревизор, о котором одно возвещенье в конце комедии наводит такой ужас, есть та настоящая наша совесть, которая встречает нас у дверей гроба. Мне показалось, что этот ветреник Хлестаков, плут, или как хотите назвать, есть та поддельная ветреная светская наша совесть, которая, воспользовавшись страхом нашим, принимает вдруг личину настоящей и дает себя подкупить страстям нашим, как Хлестаков чиновникам,— и потом пропадает, так же как он, неизвестно куда. Мне показалось, что это безотрадно печальное окончанье, от которого так возмутился и потрясся зритель, предстало перед меня в напоминанье, что и жизнь, которую привыкаем понемногу считать комедией, может иметь такое же печально-трагическое окончание. Мне показалось, как будто вся комедия совокупностью своею говорит мне о том, что следует вначале взять того ревизора, который встречает нас в конце, и с ним так же, как правосудный государь ревизует свое государство, оглядеть свою душу и вооружиться так же против страстей, как вооружается государь противу продажных чиновников, потому что они так же крадут сокровища души нашей, как те грабят казну и достоянье государства,— с настоящим ревизором: потому что лицемерны наши страсти, и не только страсти, но даже малейшая пошлая привычка умеет так искусно подъехать к нам и ловко перед нами изворотиться, как не изворотились перед Хлестаковым

[1] После слов: «Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?» (стр. 389).

проныры чиновники, так что готов даже принять их за добродетели, готов даже похвастаться порядком душевного своего города, не принимая и в мысль того, что можешь остаться обманутым, как городничий. Мне так показалось.

Петр Петрович. Михал Михалч! Все то, что вы говорите, красноречиво; но где здесь вы нашли подобие? Какое сходство Хлестакова с ветреной светской совестью или настоящего ревизора с настоящей совестью? Николай Николаич! скажите мне поистине: находите вы здесь какое-нибудь сходство?

Николай Николаич. Признаюсь, никакого.

Семен Семенч. И я тоже; как ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Федор Федорыч. Сознаюсь вам, Михал Михалч, откровенно: несмотря на то, мысль недурна и могла бы послужить даже предметом сочиненья художественного; но я не думаю, чтобы автор ее имел в виду.

Николай Николаич *(решительно)*. Вздор! Он и в помышленье этого не имел!

Михал Михалч. Да разве я вам говорю, что автор имел ее в виду? Я вам вперед сказал: «Автор не давал мне ключа, я вам предлагаю свой». Автор, если бы даже и имел эту мысль, то и в таком случае поступил бы дурно, если бы ее обнаружил ясно. Комедия тогда бы сбилась на аллегорию, могла бы из нее выйти какая-нибудь бледная, нравоучительная проповедь. Нет, его дело было изобразить просто ужас от беспорядков вещественных не в идеальном городе, а в том, который на земле,— собрать в кучку все, что есть похуже в нашей земле, чтобы его поскорей увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое следует допустить и которое так же необходимо среди добра, как тени в картине. Его дело изобразить это темное так сильно, чтобы почувствовали все, что с ним надобно сражаться, чтобы кинуло в трепет зрителя — и ужас от беспорядков пронял бы его насквозь всего. Вот что он должен был сделать. А это уж наше дело выводить нравоученье. Мы, слава богу, не дети. Я подумал о том, ка-

кое нравоученье могу вывести для самого себя, и напал на то, которое вам теперь рассказал.

Петр Петрович. Михал Михалч! Комедия пишется для всех. Из нее должны вывести нравоученье все,— нравоученье ближайшее, доступное всем, а не то отдаленное, которое может вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожий на прочих человек. Спрашиваю: зачем этого нравоучения никто не вывел, а только одни вы?

Николай Николаич *(поспешно)*. Именно! вот настоящий вопрос! Разрешите-ка прежде это: зачем одни вы это вывели, а не все?

Семен Семенч. Да, Михал Михалч, зачем одни вы это вывели? Зачем одни вы это вывели?

Михал Михалч. Во-первых, почему вы знаете, что это нравоученье вывел один я? А во-вторых, почему вы считаете его отдаленным? Я думаю, напротив, ближе всего к нам собственная наша душа. Я имел тогда в уме душу свою, думал о себе самом, потому и вывел это нравоученье. Если бы и другие имели в виду прежде себя, вероятно и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывел и я. Но разве всяк из нас приступает к произведенью писателя, как пчела к цветку, затем, чтоб извлечь из него нужное себе? Нет, мы ищем во всем нравоученья для *других*, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью других и позабывши о своей. Ведь посмеяться мы любим над другими, а не над собой; увидеть недостатки ведь мы любим в других, а не в себе. Как бы то ни было, но взгляните: три тысячи ведь людей пришло в театр; все знают, что пришли затем, чтобы посмеяться, и всякий из этих трех тысяч уверен, что придется над другим посмеяться, а не над ним. Малейший намек, что он может быть похож сам на того, над кем посмеялся, может привести его в гнев, и он готов уже в бешенстве повторять: «Да разве у меня рожа крива?»

Семен Семенч. Михал Михалч, я говорю не в том смысле...

Михал Михалч *(прерывая)*. Позвольте, Семен Семенч! Вы человек благородный, человек истинно

русский в душе, человек, наконец, который глядит уже глазами христианина на жизнь,— зачем вы произносите речи, противные вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачем вы всякий раз позабываете, что предмет комедии и вообще сатиры не достоинство человека, а презренное в человеке; что чем больше она выставила презренное презренным, чем больше им возмутила и привела от него в содроганье зрителя, тем больше она выполнила свое значение. Зачем вы всякий раз это позабываете и всякий раз хотите сатире навязать предметы, приличные трагедии? Нет, кто хочет нравоученья, тот возьмет его себе; кто глядит в душу себе, тот из всего возьмет то, что нужно: тот и в этом вещественном городе увидит душевный свой город; тот увидит, что с большей силой следует вооружиться против лицемерия. Тот увидит, увидит, что и дело лежит здесь. Нет, оставьте сатиру в покое: она дело свое делает. Дурного не следует щадить, где бы оно ни было. Но если хотите уж поступить христиански, обратите ту же сатиру на самого себя и примените всякую комедию к себе, прежде чем замечать отношенье ее к целому обществу. Уж ежели действовать по-христиански, так всякое сочиненье, где ни поражается дурное, следует лично обратить к самому себе, как бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нет порока, замеченного нами в другом, которого хотя отраженья не присутствовало бы и в нас самих,— не в таком объеме, в другом виде, в другом платье, поприличней и поблагообразней, принарядившись, как Хлестаков. Чего не отыщешь, если только заглянешь в свою душу с тем неподкупным ревизором, который встретит нас у дверей гроба! Сами это знаем, а знать не хочем! «Кипит душа страстями»,— говорим всякий день, а гнать не хочем. И бич в руках, данный на то, чтобы гнать их.

С е м е н С е м е н ч. Да где ж бич? Какой бич?

М и х а л М и х а л ч. А смех разве не бич? Или, думаете, даром нам дан смех, когда его боится и последний негодяй, которого ничем не проймешь, его боится даже и тот, кто ничего не боится? Значит, он дан на доброе дело. Скажите: зачем нам дан смех? затем ли, чтобы так, попусту смеяться? Если он дан нам на то, чтобы

поражать им все, позорящее высокую красоту человека, зачем же прежде всего не поразим мы то, что порочит красоту собственной души каждого из нас? Зачем не обратим его вовнутрь самих себя, не изгоняем им наших собственных взяточников? Зачем один намек о том, что вы над собой смеетесь, может привести во гнев?.. Как бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая наклонность наша все-таки хочет сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только под этой личиной пробирается нам в душу, потому что благородна наша природа и не допустит ее к себе в бесстыдной наготе. Но, поверьте, когда выставишь перед самим собой ее на смех и, не пощадя ничего, поразишь так, что от стыда весь сгоришь, не зная куда скрыть собственное лицо свое,— тогда эта страсть не посмеет остаться в душе нашей и убежит, так что и следа ее не отыщешь.

Семен Семенч. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможен этот поворот смеха на самого себя, противу собственного лица?

Петр Петрович. Я думаю только, что это возможно для человека, который почувствовал благородство природы человека и омерзенье к своим недостаткам.

Михал Михалч. Я думаю только, что если он сверх того и русский в душе, тогда ему возможней. Согласитесь: смех у нас есть у всех; свойство какого-то беспощадного сарказма разнеслось у нас даже у простого народа. Есть также у нас и отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у нас скорее может быть возможен поворот смеха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мне, что я лгу, уничтожьте, разрушьте убежденье мое, и вместе с тем разрушьте уже и меня, бедного скомороха, который живет этим убежденьем, который испробовал на собственном своем теле. Семен Семеныч, разве у меня не такая же русская кровь, как и у вас? Разве я могу почувствовать в мои высшие минуты иное что, как не то же, что способны почувствовать и вы в такие? Разве я не стою теперь перед вами в мою высшую ми-

нуту? Служба моя кончилась; я схожу с театра, на котором служил двадцать лет. Вы сами меня увенчали венками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказал. Смотрите же: я плачу. Комический актер, я прежде смешил вас,— теперь я плачу. Дайте же мне почувствовать, что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас; что я также служил земле своей, что не пустой я был скоморох, но честный чиновник великого божьего государства и возбудил в вас не тот пустой смех, которым пересмехает человек человека, но смех, родившийся от любви к человеку. Николай Николаич! Федор Федорч! Семен Семеныч, и вы, все товарищи, с которыми делил я время труда, время наставительных бесед, от которых я многому поучился и с которыми расстаюсь теперь! Друзья! публика любила талант мой, но вы любили меня самого. Отнимите, отнимите после меня этот смех,— отнимите у тех, которые обратили его в кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного! Говорю вам: верьте этим словам, которые говорит душа впервые в свою жизнь. Он добр, он честен, этот смех. Он дан именно на то, чтобы уметь посмеяться над собой, а не над другим. И в ком уж нет духа посмеяться над собственными недостатками своими, лучше тому век не смеяться!.. Иначе смех обратится в клевету, и, как за преступленье, даст он за него ответ!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пьеса под заглавием «Заключенье Ревизора» предназначалась в прощальный бенефис одному из лучших актеров нашего театра. А потому не мешает помнить, что *первый комический актер*, который есть главное лицо в этой комедии, взят в ту минуту, когда, прослуживши законное число лет, сходит он со сцены, прощаясь навсегда с публикою, которую занимал так долго, и с товарищами, которым уж больше не товарищ.

ВЛАДИМИР ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ

(Отрывки незаконченной комедии)

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОК

Марья Петровна. «М» и «А», а с другой стороны фамилии: «Повалищев и княжна Шлепохвостова». Чтобы все это было как можно повеликолепнее. Я также прошу вас, чтоб это все было готово не позже как через две недели.

Каплунов. Очень хорошо! *(Бежит отпереть дверь.)*

Марья Петровна *(к лакею)*. Знаешь ли ты квартиру того чиновника?

Лакей. Знаю.

Марья Петровна. Вели кучеру ехать прямо туда! Ух, я до сих пор не могу успокоиться! *(Уходит.)*

СЦЕНА III

Комната Александра Ивановича.

Хрисанфий Петрович. Я очень рад, что познакомился с вами. Странно, однако ж, что по физиогномии вашей никак нельзя было думать прежде, чтобы вы были путный человек.

Александр Иванович. Насчет этого, вы знаете, есть старая пословица.

Хрисанфий Петрович. Скажите, пожалуйста: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Александр Иванович. Оставимте это.

Хрисанфий Петрович. Нет, я вам скажу, вы не будьте в претензии, это очень часто случается. Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья. Так сказать, как будто отрезана и поросла шерстью, совершенно как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди к окну баран, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Александр Иванович. Да, это может случиться.

Хрисанфий Петрович. Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, замечаю, что лицо ваше как будто мне знакомо: у нас в карабинерном полку был поручик. Вот как две капли воды похож на вас! Пьяница страшнейший! То есть, я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Александр Иванович. Позвольте. Я так жажду скорее вам помочь. Садитесь, сделайте одолжение, в эти кресла да расскажите обстоятельно мне ваше дело.

Хрисанфий Петрович. Позвольте, сидя не расскажешь. Это дело казусное! Знавали ли в Устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову? Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мне и бестии моему брату. У ней ближайшими наследниками были я да брат. О! Слушайте, слушайте! Кроме того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева. Ну, о той ни слова. Та и без того получила следуемую ей часть. Позвольте: вот этот мошенник, брат,— он уж на эти дела хоть сейчас в какую угодно министерию,— вот и подъехал он к ней: «Вы-де, тетушка, уже прожили, слава богу, семьдесят лет; где уж вам в таких преклонных летах мешаться самим в хозяйство? Пусть лучше я буду приберегать и кормить». О то-то, то-то! Замечайте, замечайте! Переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

Александр Иванович. Слышу.

Хрисанфий Петрович. То-то! Да. Вот занемогает тетушка, отчего — бог знает; может быть, он сам и подсунул ей чего-нибудь. Мне дают уж знать стороною. Замечайте! Приезжаю: в сенях встречает меня эта бестия, то есть брат, в слезах, так весь и заливается. «Ну, говорит, братец, навеки мы несчастны с тобою; благодетельница наша...» — «Что, отдала богу душу?»— «Нет, при смерти». Я вхожу, и точно: тетушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну, что ж? плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

Александр Иванович. Не поможет.

Хрисанфий Петрович. Ну, что ж? Нечего делать! Так, видно, богу угодно! Я приступил поближе. «Ну, говорю, тетушка, мы все смертны. Один бог, как говорят, не сегодня, так завтра властен в нашей жизни. Так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение?» Что ж тетушка? Я вижу, не может уже языком поворотить и только сказала: «э... э... э... э...» А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: «Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите?

Александр Иванович. Да разве она, точно, сказала это?

Хрисанфий Петрович. Кой черт сказала! Она сказала только: «э... э... э...» Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: «э... э... э...» А этот подлец опять: «Тетушка говорит, что все распоряжение по этой части находится в духовном завещании». Слышите? слышите? Что ж мне было делать? Я замолчал и не сказал ни слова.

Александр Иванович. Как же вы не уличили тут же их во лжи?

Хрисанфий Петрович Что ж? *(Размахивает руками.)* Стали божиться, что она точно все это говорила. Ну, ведь... и поверил!

Александр Иванович. А духовное завещание распечатали?

Хрисанфий Петрович. Распечатали.

Александр Иванович. Что ж?

Хрисанфий Петрович. А вот что. Как только все это, как следует, христианским долгом было отправлено, я говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего говорить не может от слез. «Возьмите, говорит, читайте сами». Как же бы вы думали было написано завещание? «Племяннику моему, Ивану Петрову Барсукову,— слушайте! — в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти — замечайте! замечайте! — оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде—ого-го-го! — пятьсот ревизских душ, угодья и прочее». Да вы всё слышите? «Племяннице моей Марии Петровой, дочери Повалищевой, урожденной Барсуковой, оставляю следуемую ей деревню из ста душ. Племяннику все остальное — Хрисанфию, сыну Петрову, Барсукову,— слушайте, слушайте! — на память обо мне — ого! го! — завещаю: три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы»,— и там черт знает еще какое тряпье! А? как вам кажется? Я спрашиваю: на кой черт мне штаметовые юбки?

Александр Иванович. Ах, боже мой, какое мошенничество!

Хрисанфий Петрович. Мошенничество — это так, я с вами согласен; но, спрашиваю я вас, на что мне штаметовые юбки? что я с ними буду делать? разве себе на голову надену?

Александр Иванович. И свидетели подписались при этом?

Хрисанфий Петрович. Как же! набрал какой-то сволочи.

Александр Иванович. А покойница собственноручно подписалась?

Хрисанфий Петрович. Вот то-то и есть, что подписалась, да черт знает как.

Александр Иванович. Как?

Хрисанфий Петрович. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Александр Иванович. Как так?

Хрисанфий Петрович. Черт знает что такое: ей нужно было написать «Евдокия», а она написала «обмокни».

Александр Иванович. Ах, какой подлец!

Хрисанфий Петрович. О, я вам скажу, что он горазд на все. «А племяннику моему Хрисанфию Петрову три штаметовые юбки»!

Александр Иванович *(в сторону)*. Молодец, однако ж, Иван Петрович Барсуков. Я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так.

Хрисанфий Петрович *(размахивая руками)*. «Обмокни»! Что ж это значит? ведь это не имя: «обмокни»?

Александр Иванович. Как же вы намерены поступить теперь?

Хрисанфий Петрович. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не «обмокни».

Александр Иванович. И хорошо! Позвольте теперь мне за все это взяться. Я сейчас напишу записку к одному знакомому секретарю, а вы между тем доставьте мне копию с завещания вашего.

Хрисанфий Петрович. Несказанно обязан вам! *(Берется за шапку.)* А в которые двери нужно выходить — в те или в эти?

Александр Иванович. Пожалуйте в эти.

Хрисанфий Петрович. То-то! Я потому спросил, что мне нужно еще будет по своей надобности. До свидания, почтеннейший... как вас? я все позабываю.

Александр Иванович. Александр Иванович.

Хрисанфий Петрович. Александр Иванович! Александр Иванович есть Брульдюковский; вы не знакомы с ним?

Александр Иванович. Нет.

Хрисанфий Петрович. Он еще живет в пяти верстах от моей деревни. Прощайте!

Александр Иванович. Прощайте, почтеннейший, прощайте!

ВТОРОЙ ОТРЫВОК

Каплунов. Еще и вина! а водки не хочешь? Один дьявол — вино и водка, ведь все так же пьяно. Пойдем!

Шрейдер. Нет, я в немецка театр пойду.

Каплунов. Охота в театр! *(В сторону.)* Вот уж немецкая цигарка! И врет, расподлец,— и не думает быть в театре! Скряжничает, проклятая немчура! боится проиграть алтына, и еще в театр! На свой счет не выпьет пива, немецкая сосиска! Когда-нибудь, ей-богу, поколочу его на все боки. *(Вслух.)* Это что за зеркало? *(Схватывает со стола зеркало.)*

Лаврентий. Перестаньте. Чего вы пришли? Ведь барина нет. Что вам здесь делать?

Слышен стук в боковые двери.

А вот и барин теперь увидит.

Шрейдер и Каплунов убегают. Остается Петрушевич, погруженный в задумчивость.

Лаврентий и Аннушка.

Лаврентий. А! Анна Гавриловна! Насчет моего почтения с большим удовольствием вас вижу!

Аннушка. Не беспокойтесь, Лаврентий Павлович! Я нарочно зашла к вам на минуту. Я встретила карету вашего барина и узнала, что его нет дома.

Лаврентий. И очень хорошо сделали! я и жена будем очень рады. Пожалуйста, садитесь!

Аннушка *(севши)*. Скажите, ведь вы знаете что-нибудь о бале, который на днях затевается?

Лаврентий. Как же. Оно, примерно, вот изволите видеть, складчина. Один человек, другой, примерно так же сказать, третий. Конечно, это, впрочем, составит большую сумму. Я пожертвовал вместе с женою пять рублей. Ну, натурально, бал, или, что обыкновенно говорится,— вечеринка. Конечно, будет угощение, примерно сказать — прохладительное. Для молодых людей танцы и тому прочие подобные удовольствия.

А н н у ш к а. Непременно, непременно буду. Я только зашла затем, чтобы узнать, будете ли вы вместе с Агафией Ивановной?

Л а в р е н т и й. Уж Агафия Ивановна только и говорит все что о вас.

З а к а т и щ е в *(вбегает)*. Что, Иван Петрович дома?

Л а в р е н т и й. Никак нет.

З а к а т и щ е в *(про себя)*. Жаль! Если бы не заговорился так долго с этим степняком, я бы его застал. Однако ж я даром ему не скажу об этом сюрпризце, который готовит ему родной братец. Нет, Иван Петрович! Извините — представьте меня непременно к награде! Я уж чересчур усердно вам служу, доставляю запрещенный товар. Нет, тысячонки четыре вы должны мне пожаловать! Эх, куплю славных рысаков! Только и речей будет по городу, что про лошаденку Закатищева. Хотелось бы и колясчонку, только уж зеленую. Желтого цвета никак не хочу! Куда же уехал Иван Петрович?

Л а в р е н т и й. Они уехали к Марье Петровне.

З а к а т и щ е в *(увидев Аннушку, кланяется)*. Здравствуйте, сударыня! Ох, какие воровские глазки!

А н н у ш к а. Есть на кого заглядеться!

З а к а т и щ е в *(уходя)*. Лжешь, плутовка! Влюблена в меня! Признайся — по уши влюблена? А, закраснелась! *(Уходит.)*

А н н у ш к а. Право, чем кто больше урод, тем более воображает, что в него все влюбляются. Если и у нас на бале будет такая сволочь, то я...

Л а в р е н т и й. Нет, Анна Гавриловна, у нас будет общество хорошее. Не могу сказать наверно, но слышал, будет камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники некоторые будут.

А н н у ш к а. Одно только мне очень не нравится, что будут кучера. От них всегда запах простого табаку или водки. Притом же все они такие необразованные, невежи...

Л а в р е н т и й. Позвольте вам доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерам рознь. Оно, конечно,

так как кучера, по обыкновению больше своему, находятся неотлучно при лошадях, иногда подчищают, с позволения сказать, кал. Конечно, человек простой — выпьет стакан водки или, по недостаточности больше, выкурит обыкновенного бакуну, какой большею частью простой народ употребляет. Да. Так оно, натурально, что от него иногда, примерно сказать, воняет навозом или водкой. Конечно, всё это так. Да. Однако ж согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такие кучера, которые, хотя и кучера, однако ж, по обыкновению своему, больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера. Их должность, или так выразиться, дирекция, состоит в том, чтобы отпустить овес или укорить в чем, если провинился форейтор или кучер.

Аннушка. Как вы хорошо говорите, Лаврентий Павлович! Я всегда вас заслушиваюсь.

Лаврентий *(с довольной улыбкой)*. Не стоит благодарности, сударыня. Оно, конечно, не всякий человек имеет, примерно сказать, речь, то есть дар слова. Натурально, бывает иногда... что, как обыкновенно говорят, косноязычие. Да. Или иные прочие, подобные случаи, что, впрочем, уже происходит от натуры... Да не угодно ли вам пожаловать в мою комнату?

Аннушка идет, Лаврентий за нею, но, увидя Петрушевича в задумчивости, останавливается.

Ах, Григорий Савич! Я вас чуть было не запер. Извините! У нас уже давно обедать пора.

Петрушевич *(выходя из задумчивости)*. Боже мой! Боже мой! Итак, вот что! Служил, служил — и что ж выслужил? Хм! *(С горькою улыбкою.)* Тут что-то говорили об бале. Какой для меня бал! Сегодня еще сговорились было мы идти к Андрею Ивановичу на бостончик. Нет. Не пойду. Что мне теперь бостон! Я сам не знаю, что я буду, куда я пойду. Что скажет моя Марья Григорьевна? *(Выходит медленно и машинально.)*

Занавес опускается.

АЛЬФРЕД

ДЕЙСТВИЕ I

Народ толпится на набережной.

Один из народа. Ай, что ты так теснишь! Пустите хоть душу на покаянье!

Другой из народа. Да посторонитесь, ради бога!

Голос третий. Эх, как продирается! Чего тебе? Ну, море, вода, больше ничего. Что, не видел никогда? Думаешь, так прямо и увидишь короля?

Туркил. Ну, теперь, как бог даст, авось будет лучшее время, когда приедет король. Вот не прогонит ли собак датчан.

— Ты откудова, брат?

Туркил. Из графства Гертинга. Томс Туркил. Сеорл.

— Не знаю.

Туркил. Бежал из Колдингама.

— Знаю. Где монахинь сожгли. Ах, страх там какой! Такого нехристианства и от жидов, что распяли Христа, не было.

Женщина из толпы. А что же там было?

— А вот что. Когда узнали монахини, что уже подступает Ингвар с датчанами, которые, тетка, такой народ, что не спустят ни одной женщине, будь хоть немного смазлива... дело женское... ну, понимаешь... Так игуменья — вот святая так точно святая! — уговорила всех монахинь и сама первая изрезала себе все

лицо. Да, изуродовала совсем себя. И как увидели эти звери — нет хороших лиц, так его не оставили и пережгли огнем всех монахинь.

Голос. Боже ты мой!

Голос в толпе. Эх, англосаксы..,

Другой. Сильный народ, проклятый.

— Конечно, нечистая сила.

— Что, как в вашем графстве?

— Что в нашем графстве? Вот я другой месяц обедни не слушал.

— Как?

— Все церкви пусты. Епископа со свечой не сыщешь.

— От датчан дурно, а от наших еще хуже. Всякий тан подличает с датчанином, чтоб больше земли притянуть к себе. А если какой-нибудь сеорл, чтоб убежать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся в покровительство тану, думая, что если платить повинности, то уже лучше своему, чем чужому,— еще хуже: так закабалят его, что и бретон такого рабства не знал.

— Ну, наконец мы приободримся немного. Теперь у нас, говорят, будет такой король, как и не бывало,— мудрый, как в писании Давид.

— Отчего ж он не здесь, а за морем?

Другой. А где это за морем?

— В городе в Риме.

— Зачем же там он?

— Там он обучался потому, что умный город, и выучился, говорят, всему-всему, что ни есть на свете.

Другой голос. Какой город, ты сказал?

— Рим.

Другой голос. Не знаю.

— Рима не знаешь? Ну, умен ты!

Другой. Да что это Рим? Там, где святейший живет?

— Ну да, конечно. Пресвятая дева! Если бы мне довелось побывать когда-нибудь в Риме! Говорят, город больше всей Англии и дома из чистого золота.

Другой голос. Мне не так Рим, как бы хотелось увидеть папу. Ведь посуди ты: выше уж нет ни-

кого на свете, как папа,— и епископ и сам король ниже папы. Такой святой, что какие ни есть грехи, то может отпустить.

— Вот, слышишь ли, кто-то говорит, что видел папу.

Голос народа *(на другой стороне)*. Ты видел папу?

Брифрик *(из толпы)*. Видел.

— Где ж ты его видел?

Брифрик. В самом Риме.

Голоса. Ну, как же? Что он? Какой?

Народ сталкивается в ту сторону.

Да пустите! Ну, чего вы лезете? Не слышали рассказов глупых?

Брифрик. Я расскажу по порядку, как я его видел... Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мне всего только половину hydes земли. Тогда я сказал себе: «Зачем тебе, Брифрик, сын Квикельма, обработывать землю, когда ты можешь оружием добиться чести?» Сказавши это себе, я поехал кораблем к французскому королю. А французский король набирал себе дружину из людей самых сильных, чтобы охраняли его в случае сражения или когда выедет куда, то и они бы выезжали, чтобы если посмотреть, так хороший вид был. Когда я попросился, меня приняли. Славный народ! Латы лучше не в сто мер наших. Кольчуги такие ж, как и у нас, только не все железные. В одном месте, смотришь,— ряд колец медных, а в другом есть и серебряные. Меч при каждом, стрел нет, только копья. Топор больше чем в полпуда — о, куды больше! а железо такое острое,— то, что у старого Вульфинга на бердыше,— ни к черту не годится!

Вульфинг *(из толпы)*. Знай себя!

Брифрик. Вот мы отправились с французским королем в Рим, чтоб папе почтение отдать. Город такой, что никак нельзя рассказать. А домы и храмы божии не так, как у нас, строятся, что крыши востры, как копье, а вот круглые — совсем как бы натянутый лук, и шпицев совсем нет. А столпы везде, и так много и резьбы и золота, великолепие такое!..— так и ослепило глаза. Да, теперь насчет папы скажу. В один вечер

пришел товарищ мой, немец Арнуль. Славный воин! Перстней у него и золотых крестов, добытых на войне, куча; и на гитаре так славно играет... «Хочешь, говорит, видеть папу?» — «Ну, хочу».— «Так смотри же, завтра я приду к тебе пораньше. Будет сам папа служить». Пошли мы с Арнулем. Народу на улице — боже ты мой! больше, чем здесь. Римлянки и римляне в таких нарядах!.. Так и ослепило глаза. Мы протолкались на лучшее место, но и то, если бы я немножко был ниже, то ничего бы не увидел за народом. Прежде всех пошли мальчишки лет десяти со свечами, в вышитых золотом платьях; и как вышли они — так и ослепило глаза. А ход-то, весь ход! Ход был выстлан красным сукном. Красным-красным, вот как кровь... Ей-богу, такое красное сукно, какого я и не видал. Если бы из этого сукна да мне верхнюю мантию, то вот говорю вам перед всеми, то не только бы свой новый шлем, что с каменьем и позолотою, который вы знаете, но если бы прибавить к этому ту сбрую, которую променял Кенфус рыжий за гнедого коня, да бердыш и рукавицы старого Вульфинга и еще коня в придачу — ей-богу, не жаль бы за эту мантию! Красная-красная, как огонь!..

Голос в народе. Черт знает что! Ты рассказывай об папе, а какая нужда до твоих мантий!

Вульфинг *(из толпы)*. Хвастун! Расхвастался!

Брифрик. Сейчас. Вот вслед за ребятами пошли те... как их? Они, с одной стороны, сдают на епископов,— только не епископы, а так, как наши таны или бароны в рясах... Не помню, шепелявое какое-то имя. То эти все таны, или епископы, как вышли — так и ослепили глаза. А как показался сам папа, то такой блеск пошел — так и ослепил глаза. На епископах-то все серебряное, а на папе золотое. Где епископы выступают, там серебряный пол, а где папа — там золотой. Где епископы стоят — там серебряный пол, а где папа — там золотой...

Голос из толпы. Бровинг! Корабль! Ей-богу, корабль!

Все бросаются, Брифрик первый, и теснятся гуще около набережной.

Голоса в толпе. Да ну, стой, ради бога! — Задавили! — Да дайте хоть назад выбраться!

Голос женщины. Ай, ай! Косолапый медведь! Руку выломил! Ой, пропусти! Кто во Христа верует, пропустите!

Брифрик *(оборачиваясь)*. Чего лезешь на плечи? Разве я тебе лошадь верховая? Где ж король? Где ж корабль? Экая теснота!

Голос в народе. Да нет корабля никакого!

— Кто выдумал, что король едет?

— Да кто же? Ты говорил!

— И не думал.

— Да кто ж сказал, что король?

— Джон Шпинг сказал, что король едет.

— Эй, Шпинг, зачем ты сказал, что король едет?

Шпинг. Ей-богу, любезный народ, совсем было похоже на корабль.

— Вперед молчи, дурак, если не хочешь сам поплыть.

Старуха *(пролезая вперед)*. Нашли чего толпиться! И куды? Ведь никого нет.

Брифрик. А, Кудред! Откудова, приятель?

Кудред. Из дому.

Брифрик. Короля видеть пришел?

Кудред. И побольше, чем видеть.

Брифрик. А что еще?

Кудред. Жалобу прямо самому королю.

Брифрик. На кого?

Кудред. На королевского тана Этельбальда.

Брифрик. Ты шутишь, братец?

Кудред. Нет, не шучу.

Голоса в народе. Вишь, на Этельбальда жалуется! — Он сошел с ума! — Да он ведь сильнее всех в королевстве! — Войска и богатства у него больше, чем у короля.

Эгберт. Кто несет жалобу на Этельбальда, тот подай мне руку. Хоть ты и простой сеорл, а я тан, но я пожимаю, потому что ты честный человек и англосакс. Я тебе буду помогать.

Брифрик. За что ж жалуешься?

К у д р е д. За что? Этельбальд хоть и королевских танов всех старше, но подлец и мошенник. Когда датчане ворвались в Вессекс и начали грабить, я прибегнул к нему, свинье. Думал, он богач и столько имеет земли, что зачем ему бы обижать меня. Я обещался ему, если надобность, первым явиться в его войско и лошадь привести свою, и все вооружение мое. А он, мошенник, как только датчане ушли, совсем зачислил меня в свои рабы. За что я должен ему мостить чертовский мост к его замку и на моих двух лошадях, самых благородных, возить фашинник? А теперь, когда я отлучился по надобности в графство Гексгам, он взял мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двух гидес, и отдал в лен какому-то, а мне отдал двадцать шагов песчанику за кладбищем. «Вот тебе, говорит, земля». Да разве я, старый плут, раб твой? Я вольный. Я сеорл. Я, если бы только захотел, прикупил еще два hydes земли да выстроил церковь и дом, я бы сам был таном. Никто по законам англосакским не может обидеть и закабалить вольного человека. Разве я сделал какое преступление?

Б р и ф р и к. Да ходил ли ты с жалобою в ваш ширгемот?

К у д р е д. Подлецы все! Держат его сторону.

Б р и ф р и к. Ну, да все-таки, как же порешили?

К у д р е д. Вот на́ тебе бумагу, если ты прочтешь.

Б р и ф р и к. Что ты! Э, так у вас судьи пишут? Слышь ты, народ, писанная бумага! У нас во всем ширстве, да и во всем Вессексе ни один шир, ни алдерман не умеют писать. Вишь ты, какие каракульки. Тут где-нибудь должно быть А В С... Я уж знаю, меня было начинал учить один церковник.

Т у р к и л *(Вульфингу)*. Я думаю, нет мудренее науки, как письмо.

В у л ь ф и н г. Попы все-таки прочтут.

Б р и ф р и к *(обращаясь к Киссе)*. Высокородный тан, прочти-ка. Ты, верно, знаешь?

К и с с а. Поди прочь! Я тебе не поп.

Г у н т и н г. Давай я прочту.

Т у р к и л. Кто он?

В у л ь ф и н г. Не знаю.

Голос. Это, видишь, тот, что был школьным учителем. Да теперь датчане разорили школу.

Гунтинг *(читает)*. «Да будет ведомо: в Schirgemot Агельмостане, в графстве Герефорт, во время царствования Этельреда, где...»

— А, при покойном короле! Храбрый был король, всю жизнь бился с этими мерзкими датчанами.

Гунтинг *(продолжает)*. «...где заседали: Дунстан епископ, Кеолрик алдерман, Варвик — его сын, и Эсквин — сын Пентвина, и Туркил косоглазый, как комиссары короля заседали...»

Вульфинг. Слышишь, Туркил? Это ты?

Туркил. Разве я косоглазый?

Гунтинг *(продолжает)*. «...в присутствии Бринпинга шерифа, Ательварда де Фрома, Леофина де Фрома черного, Годрига де Штока и всех танов графства Герефорта, Кудред—сын Эгвинов — представил суду против высокородного графа и королевского тана в том, что якобы он, Кудред, от него, высокородного графа Этельбальда...»

В народе крик и давка.

— Пусти, пусти! — Куда теперь сторониться! — Батюшки, батюшки, тресну! Со всех сторон придавили!

Высокий *(болтает вверху руками)*. Чего эти бабы лезут, желал бы я знать.

Брифрик. Чего народ лезет? *(Продирается.)*

— Да взбеленился просто, никого нет. Какой-то дурак опять пронес, что корабль показался.

Кудред *(кричит)*. Бумагу, бумагу, бумагу дай! Экий трус, изорвал...

Кисса. Да кто сказал, что король едет?

Голоса. Я не говорил.— Я не говорил.—Опять, верно, Шпинг.

Шпинг. Нет, высокородный тан, и языком не воротил.

Брифрик. Ей-богу, глупый народ! Ну что, хоть бы и в самом деле был корабль?

Вульфинг. А сам небось первый полез.

Брифрик. Что ж! Только посмотреть.

О д и н и з н а р о д а. Вон таны поехали на лошадях. Это, верно, встречать короля.

Р ы ц а р ь *(на лошади)*. Дорогу, дорогу! Народ, посторонись!

Э г б е р т. Кому дорогу?

Р ы ц а р ь *(на лошади)*. Посторонись, говорят тебе! Дорогу высокородному королевскому тану Этельбальду.

Э г б е р т. Отнеси ему эту пощечину. *(Бьет его и убегает.)*

Р ы ц а р ь *(кричит)*. Мы увидимся, проклятый длиннорукий черт!

В у л ь ф и н г. Вон поехал граф Эдвиг. Видел?

Т у р к и л. Видел. Славное вооружение.

В у л ь ф и н г. Вон Этельбальд. Гляди, какой около него строй стоит,— в толпе рыцарей, как в лесу! Эх, как одеты славно! Какие кирасы, щиты! Ей-богу, если б хотели, побили датчан.

Т у р к и л. Отчего ж не хотят?

В у л ь ф и н г. А так. Сами держат руку неприятелей.

Т у р к и л. Ну вот!

В у л ь ф и н г. Почему ж не побить? Ведь наших впятеро будет больше, если собрать всех саксонов, а англов-то одних всадников будет на всю дорогу от Лондона до Йорка! А датчан всех-навсех трех тысяч не будет.

Т у р к и л. Э, любезный приятель мой! Как твое имя? Вульфинг?

В у л ь ф и н г. Вульфинг.

Т у р к и л. Так будем приятелями, Вульфинг.

В у л ь ф и н г. Вот тебе рука моя.

Т у р к и л. Не говори этого, любезный Вульфинг. Им помогает нечистая сила, тот самый сатана, о котором читал нам в церкви священник, что искушает людей. Они, брат, и море заговаривают. Вдруг из бурного сделается тихо, как ребенок, а захотят — начнет выть, как волк. Наши всадники давно бы совладали с ними...

В у л ь ф и н г. Народ опять затеснился. Да и сами таны махают шапками. Посмотрим, верно король наконец едет.

Голос в народе. Ну, теперь корабль так корабль!

Туркил. Опять пошла теснота!

Голоса. Корабль с тремя ветрилами.— Зачем дерешься? — Не лезь вперед!

— Вон и люди, как мухи, стоят на палубе.

— А что ж не видно короля?

— Где ж теперь его увидишь? Людей многое множество.

— Вон что-то блеснуло перед солнцем!

— Скоро идет корабль. Видно, что заморской работы! Вон как окошечки блестят. У нас таких кораблей нет.

— Это должен быть, что блестит, тан.

— Нет, вот тот больше блестит. Смотри, какой шлем, какое богатое убранство!

Вульфинг. Это всё те таны, что поехали за ним в Рим с посольством.

Туркил. Где ж король? Ведь король в короне.

Вульфинг. Да еще не короновался.

Туркил. А, вон, снял шляпу... Таны машут... Виват, король!..

Весь берег *(кричит)*. Виват, король!.. Здравствуй, король!..

— Вон снова машут... Здравствуй, король!..

Народ. Здравствуй, король!

Всадник *(на лошади)*. Расступись, народ! *(Машет алебардой.)*

Народ пятится, прижатые кричат.

Туркил. Что он так кричит? Кто это?

Всадник. Тан из Кенульф, сын Эгальдов. Тан из Медлисекса, славный воин.

Корабль подходит к самому берегу. За столпившимся народом видны только головы.

Альфред *(сходя с корабля)*. Здравствуйте, добрые мои подданные.

Народ. Здравствуй, король! Виват!

Король и свита подымаются на лошадях в народ.

Н а р о д. Виват! Виват, король!

А л ь ф р е д. Благодарю, благодарю вас, мои добрые. Я сам не менее рад видеть вас и мою отцовскую землю Англосаксию.

Э г б е р т. Слышишь? Англосаксию! Он, верно, не знает, что Мерси и Эст-Англ уже не наши.

Король уезжает. Таны и народ с восклицаниями тянутся за ним.

Т у р к и л. Молодец король! видный, рослый, лучше всех! Как он славно выступал, словно сокол. Я думаю, латы его стоят больше, чем твоя жизнь. Пойдем посмотрим.

В у л ь ф и н г. Постой! Зачем же идти? Глянь, за ними не угнаться: они на лошадях и во всю рысь поедут в Йорк.

Т у р к и л. Отчего ж не в Лондон?

В у л ь ф и н г. Видишь, в Лондоне приготовят всё как следует; а когда приготовят, тогда и он поедет.

Э г б е р т *(возвращаясь)*. Нет, я не хочу быть последним. Я такой же тан. У меня тоже было в услужении шестнадцать танов ситкундменов. Правда, я потерял много в войну. У меня теперь нет этого. Но я защищал землю нашу. Отчего граф Эдвиг, Кенульф, не говоря уж о собаке Этельбальде, молокосос сын его, рыжебородый Киль,— почему они имеют право провожать короля в первом ряду? Отчего я должен следовать еще за двумя танами? Я хотел было сбить с седла копьем плута Киля, да не хотел только сделать этого при короле.

К и с с а. Дьявол ему на шею! Я рад по крайней мере, что король приехал. Датчан опять за море, завоюем опять Эст-Англию, Мерси и Нортумберланд также; хоть и разоренная страна, однако же есть добрые земли для скота и для пашен.

Э г б е р т. Мне король понравился — добрый молодец! Пойду к нему прямо и суну ему руку по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вот тебе рука! При первой надобности всегда привожу четырнадцать

тебе всадников, вооруженных, с добрыми конями, и сам пятнадцатый. А надежный ли человек? Вон, гляди, сколько рубцов у меня». Пойдем, Кисса, выпьем его здоровье. Эй, Кудред! Тебя обидел Этельбальд? Будь завтра в Лондоне, спроси тана Эгберта, тана из графства Сомерсетского. Меня знают.

Кудред. Ну, теперь, я думаю, король укротит немного танов.

Вульфинг. Да что ж король? Ведь король не может сказать тану: «Отдай такую-то землю, я тебе приказываю». Что скажет витенагемот?

Кудред. Да, беспорядков, верно, будет меньше. Что ни скажет, а все будет лучше. По крайней мере можно будет по дороге пройти безопасно. Чем живешь, Вульфинг?

Вульфинг. Один hydes земли держу от тана.

Кудред. Платишь хлебом?

Вульфинг. Нет, еще никогда не марал рук своих в земле.

Кудред. Кто ж ты?

Вульфинг. Пастух. Шесть десятков овец и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если ты хочешь, пришлец, отдохни у меня. Ты будешь есть сыр и молоко, каких не сыщешь во всем Вессексе. А завтра ранним утром мы отправимся в Лондон смотреть королевский праздник. Гляди, чего народ опять смотрит? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голос в народе. Корабль, опять корабль!

Кудред. В самом деле корабль! Что же это? Верно, тоже королевская свита?

Туркил. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсем не так сделаны. Постой, рассмотреть поближе— и народ как будто не так одет.

Один из толпы (*всплескивая руками*). Саксонцы! Убежим, убежим!..

Кудред. Что такое?

Одна из толпы. Морской король!

Кудред. Нет, что ты!

Туркил. Как христианин, не лгу! Разве вы не видите, что датский корабль?

Голоса. Ай, народ! Точно — датчане! — Вон машут, чтобы остались. — Да, как бы не так! — Бежим, друзья!

Все в беспорядке убегают.

Корабль виден у берега. Руальд висит на мачте.

Голос Губбо. Перекидай канат.

Руальд *(сверху)*. Кормщик, бери ниже: там мель.

Норманд плывет с канатом в зубах.

Еще ниже. Еще ниже. А, народ проклятый! Весь разбежался! Теперь прямо. Норманд, хватай крюком!.. Стой!

Губбо *(выходит с корабля)*. Ну, вот мы и в Англии. Тащите старшую лодку на берег.

Вытаскивают лодку.

Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли нам Ингвара, или теперь налететь и окропить наши доспехи алою, как перед бурей вечерняя заря, кровью саксонцев, а?

Воины. Наши копья готовы.

Руальд. Не лучше ли, король мой Губбо, послать проведать узнать о числе неприятеля?

Губбо. Это ты, Руальд, говоришь? Тебя, верно, не море пеленало. За эти слова тебя стоит вышвырнуть в море. «Какой храбрый когда спрашивает о числе?» — говорил отец мой Лодброд, победивший на тридцати трех сражениях.

Руальд. Губбо, сын Лодбродов! Ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вместе с братом Гримуальдом срамили себя перед дружиною? Разве я когда-нибудь в жизни грелся у очага или спал под крышей? Разве платье мое на мачте сушилось, а не на мне?

Губбо. Прости, Руальд. Брат твой Гримуальд был славный воин. Мы лишились, други, храброго товарища. Великий Один! Какая была буря и битва! Ветер оборвал во тьме наши платья, и морские брызги пронзали разгоревшиеся лица наши. Клянусь моим мечом и копьем, ничего бы не пожалел за такую участь: завидная участь! Теперь Гримуальд пирует с легионом храбрых. Сам Один наливает ему чашу из широкого

черепа и говорит ему: «А сколько ты, Гримуальд, получил ран на последней битве?» — «Ран семнадцать и четыре»,— отвечает ему Гримуальд. «Сильный воин! Вон тебе, Гримуальд, бессмертные лани с лоснящейся, как серебро, шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая их далеко достающим копьем». Слушай, Стемид, теперь не время, но когда будем пировать на покрытых пылью саксонских трупах и зажжем альбионские дубы, ты спой нам песню о подвиге Гримуальда. Знаешь, какую песню? Такую, чтобы в груди все встрепенулось: отвага, самое бешеное веселье, и руки схватились за рукояти мечей... Но следует теперь сказать вам, мои товарищи, что мы будем делать. Англия земля хорошая: скота, пажитей и земель в ней много. В Нортумберландии и в Мерси, где уже поселились соотечественники наши, жители бедны, но здесь жилища, а более всего церкви, очень богаты, и золота в них много. Каждому достанется на золотую цепь. Мечи у англосаксов славные. Они достают их издалека. Мы можем тут себе выбрать любые мечи, и копья, и все вооружение. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мне и вам: у англосаксов девы белизною лица — как наши скандинавские снега, окропленные алой кровью молодых ланей. Но стойте, товарищи! В Англии воинов, которые станут под мечом и копьем на конях, несметное множество. Только из них Оден никого не примет в Валгал к себе, потому что они презренные христиане. Помните и то, что ныне будут наши соотечественники, и как только нападем с одной стороны, они нападут с другой... Видите ли, как тут хорошо и тепло. В нашей Скандинавии нет этого. Тут зимы всего только два месяца.

Р у а л ь д. Я себе отвоюю лучший замок во всей Англии. Девять десятков англосаксских рабов будет прислуживать мне за чашею пиршества.

— Что, конунг Губбо, правда ли, что есть где-то земли еще теплее?

Г у б б о. Есть.

— И что зимы совсем не бывает?

Г у б б о. Ну, этого нет — чтобы зимы совсем не было. Зима есть. Нужно, однако, попробовать. Мы с

тобою, Элгад, пустимся потом далее. Скучно долго жить на одном месте. Чтобы и там, по ту сторону океана, вспоминали нас в песнях. Клянусь всей моей сбруей, приедешь оттуда на вызолоченном корабле. Красная, как огонь, мантия, и весь будет убран дорогими каменьями шлем. Крыло на нем будет, как вечерняя звезда, сиять. И как приеду к первой царевне в мире, скажу: «Прекрасная царевна, я, король, пришел, горя любовью к твоим голубым очам. Его рука поразила сто и сто десятков витязей, и пришел король Губбо взять тебя этою самой рукой вместе с приданым, которое приготовил тебе престарелый отец твой».

В о и н ы. Виват, король Губбо!

Г у б б о. Виват и вы, товарищи! Теперь идем. Вы два, Авлуг и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы — никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть...

А л ь ф р е д *(окруженный танами и графами королевства)*. Благодарю, благодарю вас, благородные таны, за ваше поздравление. Я надеюсь, что вы окажете с своей стороны мне всякую помощь разогнать варварство и невежество, в котором тяготеет англосакская нация.

Г р а ф Э д в и г. Я всегда готов. Пятьдесят вооруженных всадников всякую минуту может требовать государь.

Г р а ф Э т е л ь б а л ь д. Рука моя и моих восьмидесяти вассалов принадлежат тебе, государь мой.

С и ф р е д. Всякое законное требование государя готов выполнить. Двадцать конных и сто сорок пеших стрелков.

К л е о б а л ь д. В моей стране лошадей мало, но пеших сколько могу собрать...

А л ь ф р е д. Вы ошибаетесь, друзья. Не этой помощи я требовал от вас, на которую, конечно, имею всегда право. Но я разумел о том благодетельном просвещении, которого нет в Англии. Я вас просил споспешествовать мне научить англосаксов искоренить гру-

бость нравов, которая, как старая кора, пристала к ним.

Таны в безмолвии. Некоторые расставляют руки, рассуждая, что это значит.

Э д в и г. Как же, государь, ты говоришь, что англы и саксы грубы? Да ведь они покорили Англию!

А л ь ф р е д. Ну, против этого мне ничего не остается говорить. Этот, кажется, кроме войны, и думать ни о чем не хочет. Видел ли ты, Эдвиг, своего сына?

Э д в и г. Видел, государь.

А л ь ф р е д. Что ж, как нашел его?

Э д в и г. Хорош малый, да чуть ли к чернокнижию не пристрастен и копьем плохо владеет.

А л ь ф р е д. Нет, Эдвиг, ты должен благодарить бога за такого сына. Этот день побудь с ним, а завтра пришли ко мне. Мы с ним были друзья во всю бытность в Риме. Давно не видел я Англию. Прежнее время свое как сквозь сон помню. Ведь тут должны уцелеть еще остатки римских памятников. Существует ли та стена, которую выстроил император Константин в Лондоне, и бани близ Йорка, выстроенные римлянами?

Э д в и г. Не знаю, государь, о каких ты римлянах говоришь.

А л ь ф р е д. Римляне — народ, который завоевал Англию и которому были подвластны бритты.

Э д в и г. Бритты были, это правда, а римлян, государь, никаких не было.

А л ь ф р е д. Ты не знаешь, потому что не читал. Римляне были народ великий. Они покорили весь мир и в том числе Британь.

Э д в и г. Воля твоя, король, римляне и живут в Риме. Нет, король, это тебе солгали. У нас есть старики, которые помнят, как покорили саксы народ, которого храбрее еще никого не было. И те говорят, что были одни только бритты.

А л ь ф р е д. Ну, об этом тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчет об нынешнем положении государства и о всех происшествиях, бывших без меня по кончине брата мое-

го Этельреда. Об отдыхе моем не беспокойтесь. Отдохнуть я успею. Ты, Этельбальд, так как старший в государстве и первый советник в витенагемоте, расскажи мне подробно все.

Этельбальд. Все хорошо, государь. Со стороны датчан только худо. Впрочем, дорога от Йорка до Лондона поправлена и была мощена все время. Зверинец твой в исправности. Все королевские твои латы, щиты отцовские и добытые покойным братом твоим Этельредом я сохранил в исправности.

— Врет, старый медведь! Лучшее копье стянул себе.

Альфред. Ты, Этельбальд, говоришь о моем хозяйстве. Это дело пустое. Я просил тебя рассказать — как государство, в каком положении?

Граф Эдвиг. В гадком положении государство. Сеорлы и бретонские рабы ничего не выплачивают. Поля очень опустошены датчанами. Не на что вооружить рыцаря. Лошади — мерзость.

Альфред. Зачем вы позволили датчанам взять Мерси и Эст-Англию?

— Что ж делать, король? Покойный король, брат твой, храбро сражался, да сильнее перетянула сила... Они знаются с дьяволом, с ними из моря находят морские чудища.

Альфред. Брат мой Этельред сражался, как должно храброму, доблестному саксонцу, но вы были виною, непокорность вассалов была причиною.

Сифред. Если б я имел землю в Эст-Англии или Мерси, я бы защитил ее моею рукою и руками моих вассалов, но у меня свои земли есть.

Альфред. Да умели ли вы свои защитить? Отчего по всей дороге, по которой мы ехали, пустые пажити и две развалившиеся церкви? Малолюдный гирд датчан издевался над вами, а вы, хорошо вооруженные христиане, могли вынести это?

— Браво, о король!— Вот король!— Прозорлив, как горный орел!

Сифред. Я никогда не был бесчестным и всегда готов, и если бы граф Мидльсекс не поссорился со мною, я бы не впустил датчан, и Вессекс и его бы владения спас.

А л ь ф р е д. И виною вы же, вы, через свои мелкие ссоры. Мне очень не нравится это ваше феодальное обыкновение. Бог знает что такое! Всякий управляет, как ему хочется. Высшему не повинуются, между собою не согласны. В государстве должно быть так, как в Римской империи: государь должен повелевать всем по своему усмотрению, как ему захочется.

О д о н *(потупляет глаза)*. Гм! Я что-то не вполне понял это. Ведь англосакский всякий тан, вольный и свободный человек,— разве возьмет землю, собственность короля...

А л ь ф р е д. Отчего я не вижу здесь ни одного епископа? Один только дряхлый старик и вышел меня встретить.

— Епископ Вессекский убит во время войны с датчанами, а Адельстан из Кента умер.

А л ь ф р е д. И никто не позаботился о том, чтобы избрать на место!

А р в а л ь д. Нет, король, в том нет нам укоризны. Все таны нарочно собрались, но некого было избрать в епископы: не нашли такого, который мог бы читать святое письмо.

А л ь ф р е д. Будто уже в Англии нет ни одного священника, умеющего читать? Ведь еще отцом Этельвальдом заведена была коллегия.

— Коллегии давно уж нет.

А л ь ф р е д. Где же она?

— Сожжена датчанами.

А л ь ф р е д. Опять датчане! Да что это за бич такой датчане! Или Англия состоит вся из трусов, или в самом деле датчане... Что это за человек? Что ты?

В е с т н и к. Король!

А л ь ф р е д. Что?

В е с т н и к. Датчане ворвались и грабят Лондон.

К о р о л ь *(в изумлении)*. Как легки на помине!.. Ну, господа таны и графы! Нам приходится сию минуту думать о вооружении. Нечего делать, нужно все отложить в сторону.

— Я готов.

— Все вассалы уже при мне, государь.

— Мое войско всегда со мною.

Э т е л ь б а л ь д. Для тебя, государь, все рад принесть.

А р в а л ь д. В одну минуту буду снаряжен. *(Уходит.)*

А л ь ф р е д. Да, шумно начинается мое царствование! Дайте и вы все, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанам.

Т а н ы. Спасителем Иисусом и девой Марией клянемся!

А л ь ф р е д. Идем и сейчас на коней! Но прежде я хочу обсмотреть войска ваши. Ну, король, яви теперь деятельность души. Вот тебе то поле, которое ты рвался возделать. Много работы предстоит. Страшные перспективы: внести туда пламенник наук и познаний, где их в помине нет, где нет букваря во всем государстве... Подвести под законы и укротить своевольное неустройство этих беспокойных магнатов государства, глядящих лесным зверем, а вдобавок и на плечах неприятель... Дай, боже, силы!.. *(Уходит.)*

Ц е о л и н. Как мне нравится король!

Э д р и к. Ты не знаешь его еще, Цеолин, хорошо. Это бог.

Э д в и г. Что, Кедовалла, у тебя все вооружены?

К е д о в а л л а. Все.

Э д в и г. Что король? Ведь, кажется, молодец?

К е д о в а л л а. Да, кажется, храбрый. Да что-то так...

Э д в и г. Что?

К е д о в а л л а. Мудреный что-то.

ДЕЙСТВИЕ II

А л ь ф р е д, г р а ф Э т е л ь б а л ь д, г р а ф Э д в и г, Ц е о л и н, К е д о в а л л а с т о л п о ю в о и н о в входят на сцену.

А л ь ф р е д. Мне еще не верится, чтобы мы были побеждены. Горсть, разбойничья шайка, не более, и перед этой шайкой не могло устоять пятнадцать тысяч всадников и цвет саксонской нации и девяносто тысяч

пеших! Что скажете вы на это, столпы этой нации, благородные таны?

Граф Эдвиг. Король, распусти нас. Я соберу всех слуг своего замка, сам выгоню моих вассалов. Пусть каждый сделает то же.

Альфред. Граф, ты сед волосом, а даешь такой совет. Нет, благородные таны, все теперь зависит от нас самих и от нашей решимости. Уступим — мы потеряем всё, возрастим гордость неприятельскую. Клянусь, мы им дадим и уверенность в их непобедимости, и тогда кто против них? Вы видели, как они неслись в битве. Один шаг назад — и дерзость их возрастет, как Голиаф. Бароны, одно нам средство! Здесь нечего думать. С этими же самыми силами обратить отступление в нападение, покамест не узнала о нашем поражении нация.

Кедовалла. Король, ты видел сам, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думал о своей жизни. Но, клянусь пресвятой матерью, за них стоит демон! Я видел сам, как его темный образ мчался рядом с этим непобедимым Губбо. Мои вассалы в первый раз побледнели от страха. Мои латы, которые окропил епископ два года назад, в первый раз пробиты.

Альфред. Какое черное невежество веет от Кедоваллы! Тебя, я знаю, не уверишь, потому что твоя душа в старой коре. Но, таны, как видно, что недавно приняли христианскую веру и не смыслите ничего в ней! Вы испугались злого духа! Разве злой дух может устоять против бога? Разве есть что на свете больше христианского бога? Вы видели, с каким криком и острым копьем стремились в наши ряды эти морские люди. А отчего? Потому что призывали поминутно языческого бога их Одена, который — пыль и прах перед богом христианским. А вы не надеетесь! Какие вы христиане! За вас Христос и пречистая дева...

Таны. Король, идем! Ни двух шагов земли датчанам!

Часть народа и всадников. Король, датчане...

Альфред. Стой!

Всадник. ...гонятся!

Альфред. Все таны ни с места! Далеко датчане?

Всадник. По пятам нашим...

Альфред. Во имя святой Марии! не подавайся, как кельданские скалы.

Врывается на сцену дружина датчан. Саксонцы встречают копьями. Начинается сеча.

Губбо. Сыны Одена! не полон будет пир наш, если не сокрушим англосаксов!

Альфред. Англосаксы! не забывайте — с нами Христос и Мария!

Губбо. Ринальд, Ринальд! тихо гремит твой меч. Мало искр вышибает твое копье из неприятельских лат.

Ринальд. Нет, король Губбо, кровь от вражеских трупов отуманила твой взгляд!

Альфред. Христиане, крепитесь! Святой Георгий на белом коне за нас!

Губбо. Оден! рука моя дымится кровью, а Ингвара нет со мною. Ринальд, Ринальд! Зачем избит шлем твой? Не дрожат ли твои перси?

Ринальд. Еще станет, король мой Губбо! Вот тебе, собака!.. Сыны Одена доставят черепов на пиршественные чаши!

Альфред. За Марию, за Христа, англосаксы!

Губбо. Уста мои запеклись, язык сохнет, а Ингвар мой не летит на помощь!

Ринальд *(падая)*. Оден! Готовь мне место в Валгале!

— Вот тебе, собака датчанин! *(Протыкает ему голову копьем.)*

Альфред. Англосаксы! победа за нами!

Губбо. Отдыха не будет тебе, Альфред, до коих пор меч играет в руках моих!

Альфред. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружие!

Губбо. Никогда! Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами?

Альфред. Мне не нужно, Губбо, твоей свободы, я не отнимаю ее. На два слова.

Губбо тотчас останавливается. Обе стороны опускают копья.

Я готов заключить с тобою мир и пощадить остаток твоих товарищей, с тем чтобы ты теперь же немедля отправлялся за море, принес клятву, по обычаю своей религии, никогда не являться у берегов Англии. Оружие все при вас остается. Все, что ни имеете на себе, не будет тронуто.

Г у б б о. Король Альфред, я соглашаюсь.

А л ь ф р е д. Итак, храбрый, произнеси клятву.

Г у б б о. Клянусь моим Оденом, моею сбруею, моим вызубренным мечом, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будем нападать на твои владения, а когда не выполню моей клятвы, да будем желты, как медь на латах наших! Да обратятся наши копья на нас же самих!

А л ь ф р е д. Слышите вы все клятву? Губбо, ты свободен. Ступай! Твои ладьи ждут у берегов.

Г у б б о. Пойдем, товарищи. Нам не стыдно глядеть друг на друга. Мы бились храбро. Не сегодня — завтра, не здесь — в другом месте, нанесут наши ладьи гибель неприятелям, носящим золотое убранство...

НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ

Как нужно создать эту драму

Облечь ее в месячную ночь и ее серебряное сияние и в роскошное дыхание юга.

Облить ее сверкающим потопом солнечных ярких лучей, и да исполнится она вся нестерпимого блеска!

Осветить ее всю минувшим и вызванным из строя удалившихся веков, полным старины временем, обвить разгулом, козачком и всем раздольем воли.

И в потоп речей неугасаемой страсти, и в решительный, отрывистый лаконизм силы и свободы, и в ужасный, дышащий диким мщением порыв, и в грубые, суровые добродетели, и в железные, несмягченные пороки, и в самоотвержение неслыханное, дикое и нечеловечески-великодушное.

И в беспечность забубенных веков.

Отвечает сравнением, иносказательно: «Правда, случается, что вол падал, издыхал,— но под рукою человека, которому бог дал ум на то, чтобы сделать нож; но никогда еще не случалось, чтобы бык погибал от свиньи».

Делает распоряжения о продаже рыбы, о запасе на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлоп-

цы пьянствуют. О покупке соли, о баштанах, хлебах, о порохе, ружьях, кунтушах для солдат.—«Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая сноровка бунтовать,— так, чтобы не побунтовать, не может проклятый народ; так вот у него рука чешется; дармоедничает да повесничает по шинкам да по улицам».

Монахам такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

Рыцарские

Не поединки, а разделываются драками; набравши с собою сколько можно больше слуг и выехавши на поле, нападает на своих противников.

Мужики

Разговор между мужиками. «Вздорожало все, дорого. За землю, ей-богу, не длиннее вот этого пальца — двадцать четвериков, четыре пары цыплят, к духову дню да к пасхе — пару гусей, да десять с каждой свиньи, с меду, да и после каждых трех лет третьего вола».

Рассказывают про клады и сокровище запорожцев. «Уйду на Запорожье, здесь всякий черт тебя колотит».

Демьян превращается в кашевара, Самко в перекупщика.

Выдумать, как запала мысль в голову молодому дворянину. Чисто козацкое изобретение, как подговорить. Лукаш говорит, что он ничего не значит, что нужно склонить полковников. Народ обступает их домы и вынуждают... И сказать, каким же образом...

Народ кипит и толчется на площади, около дома обоих полковников, требуя их принять участие в

деле, начальство над ними. Полковник выходит на крыльцо, увещевает, уговаривает, представляет невозможность [1].

Входят, возвещают и советуют бежать.

«Бегите и спасайтесь, жены и бабы! Ляхи за нами, и грабят и жгут». В этом положении находят. Укладывается старушка, плачет, расставаясь с прежним жилищем, где столько пробыла и откуда никуда не выходила.

Вдохновенная, небесноуха́ющая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? По-прежнему ли ты глядишь на своего любимца, не изменившегося ни годами, ни тратами, и горишь, и блещешь ему в очи, и целуешь его в уста и лоб? Ты так же ли, по-прежнему ли смеешься, месячный свет? О боже, боже, боже! Такие ли звуки, такие снуются и дрожат в тебе? Клянусь, я слышал эти звуки, я слышал их один в то время, когда я перед окном: на груди рубашка раздернута, и грудь и шея моя навстречу освежительному ночному ветру. Какой божественный, и какой чудесный и обновительный, утомительный, дышащий негой и благовонием, рай и небеса — ветер ночной. Дышащий радостным холодом ветер урывками обнимал меня и обхватывал своими объятиями, и убегал, и вновь возвращался обнимать меня, а черные, угрюмые массы лесу, нагнувшись, издали глядели, и над ними стоял торжественный, несмущенный воздух. И вдруг соловей... О небеса, как загорелось все, как вспыхнуло! У, какой гром... А месяц, месяц... Отдайте, возвратите мне, возвратите юность мою, молодую крепость сил моих, меня, меня свежего — того, который был. О, невозвратимо все, что ни есть в свете.

Сказавши монолог, долго кричит. Выходит мать. «Дочь, у тебя болит голова»,— и прочее.

— Нет, не голова. Болею я вся, болят мои руки, бо-

---

[1] Позднейший набросок карандашом среди черновиков «Шинели».

лят мои ноги, болит грудь моя, болит моя душа, болит мое сердце. Огонь во мне. Воды, мать моя, матушка, мамуся. Дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята моя злодейка, и проклят род твой, и прокляты те сво <*слово недописано*>, что кричали. Мать моя, матушка, зачем ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила в церковь; ты, видно, не молилась богу; ты, видно, в нечистой воде искупалась, в ядовитом зелье, на котором проползла гадина.

— Внутри рвет меня, все не мило мне: ни земля, ни небо, ни все, что вокруг меня.

Отречение от мира совершенное. А между тем рисуется прежнее счастие и богатство, которое могло... Прощание слезное с молодыми летами, с молодыми радостями, со всем, и строгое покорение судьбе. Обеты и как будет молиться, как припадать к иконе: «И все буду плакать, и ничего, никакой пищи бедному сердцу, не порадую его никаким воспоминанием».

И вдруг. Здесь встреча с соперницей в уничиженном состоянии, и все вспыхивает вновь во всем огне и силе. Потоки упреков и злобная радость. Потом опомнивается и вспоминает об обетах, бросается на колени и просит прощения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Театральные интересы зародились у Гоголя еще в отроческие годы. Ранним их пробуждением он был обязан, с одной стороны, знакомству с украинским народным театром (так называемыми «вертепами»), а с другой — влиянию своего отца, Василия Афанасьевича, страстного театрала, автора украинских комедий. Гоголь-отец ставил свои комедии на домашней сцене в Кибинцах, у Трощинского, и сам исполнял в них главные роли. Эти спектакли, несомненно, оставили след в памяти сына. Вскоре по приезде в Петербург, в 1829 году, Гоголь просит мать прислать ему комедии отца (тогда уже умершего). «Здесь так занимает всех все малороссийское,— пишет он 30 апреля 1829 года,— что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из их поставить на здешний театр» (Н. В. Гоголь, т. X, стр. 142) [1]. Комедиями отца он воспользовался для эпиграфов в «Сорочинской ярмарке».

Еще в ученические годы проявились у Гоголя сценические способности. Он с успехом исполнял комические роли в спектаклях, которые устраивались в Нежинской гимназии. Впоследствии он был превосходным чтецом своих произведений.

Влечение к театру связано было с необычайным умением Гоголя воспроизводить живую разговорную речь со всеми ее оттенками. Речь гоголевских героев отличается яркой социально-психологической характерностью и почти не нуждается в ремарках — настолько она сама по себе экспрессивна в смысле интонации, жеста и мимики. Этот драматический элемент за-

---

[1] Здесь и далее цитаты из писем и статей Н. В. Гоголя приводятся по Полному собранию сочинений, изд. АН СССР, М.—Л. 1937—1952, тт. I—XIV.

метно выступает в повестях и рассказах Гоголя, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Гоголь инсценирует свои повести и рассказы, развертывая сюжет преимущественно в диалогах. Таким драматическим характером отличаются «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Ночь перед рождеством» (отсюда легкость их переделок для оперного либретто у Римского-Корсакова, Чайковского и Мусоргского). На сценичность «Вечеров» указывал П. А. Плетнев. Он писал Жуковскому в декабре 1832 года по поводу задуманной Гоголем комедии «Владимир третьей степени» — первого его опыта в области драматического искусства: «У Гоголя вертится на уме комедия. Не знаю, разродится ли он ею нынешней зимой; но я ожидаю в этом роде от него необыкновенного совершенства. В его сказках меня всегда поражали драматические места» (П. Плетнев, Сочинения и переписка..., СПб. 1885, т. III, стр. 522).

Театру и драме Гоголь придавал высокое общественное значение, что нашло выражение в заключительном монологе автора в «Театральном разъезде» (1842): «Побасенки!.. А вон стонут балконы и перила театров: все потряслось снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, и все люди встретились, как братья, в одном душевном движенье...» (стр. 270 наст. тома). Эту объединяющую силу театра, как орудия пропаганды, Гоголь подчеркивает и в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847). Он пишет в статье о театре: «Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображенье то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, разбирая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясеньем, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра» (Н. В. Гоголь, т. VIII, стр. 268). Аналогичный взгляд на театр как на «кафедру» высказывал раньше и Белинский. Значение театра Белинский видел в том, что человек сливается здесь со всем зрительным залом «в одном чувстве». «Вы здесь живете не своею жизнию,— писал он в «Литературных мечтаниях» (1834),— ...радуетесь не своим блаженством, трепещете не за свою опасность; здесь ваше холодное *я* исчезает в пламенном эфире любви... Но возможно ли описать все очарования театра, всю его магическую силу над

душою человеческою?..» (В. Г. Белинский, т. I, стр. 80)[1].

Между тем театр того времени далеко не соответствовал своему назначению. Сцена заполнялась «историческими представлениями» феерического характера и переделанными с иностранного мелодрамами и водевилями. Русских оригинальных пьес вообще было очень мало. Спектакли обыкновенно были сборные, состоявшие из одноактных пьес и «дивертисмента» с пеньем и танцами. Понятно, как тяжело приходилось знаменитому актеру Михаилу Семеновичу Щепкину, вынужденному играть в ничтожных пьесах, и какое наслаждение доставила ему роль городничего в «Ревизоре», в которой он, как и в роли Фамусова в «Горе от ума», мог проявить во всей силе свой гениальный реалистический талант.

Чем выше были понятия Гоголя о театре, тем строже судил он о современном его состоянии. Он резко выступал против ничтожных, бессодержательных пьес, заполнявших репертуар, особенно против иностранщины на сцене, и призывал к созданию русской самобытной драматургии, которая отражала бы живую русскую действительность. «Где же жизнь наша? — восклицал он по поводу «надутых и холодных» переводных мелодрам.— Где мы со всеми современными страстями и странностями?» («Петербургские записки 1836 года» — Н. В. Гоголь, т. VIII, стр. 182). Живое современное содержание, правдивые картины русской действительности — вот чего требовал Гоголь от театра. В этом отношении он сходился с Белинским, который писал в «Литературных мечтаниях»: «О, как было бы хорошо, если б у нас был свой, народный, русский театр!.. В самом деле,— видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могуществом фантазии, видеть биение пульса ее могучей жизни...» (В. Г. Белинский, т. I, стр. 80).

Гоголь не представлял себе пьесу вне ее сценического воплощения. «Драма живет только на сцене,— писал он М. П. Погодину.— Без нее она как душа без тела» (Н. В. Гоголь, т. X, стр. 263). Отсюда неразрывная связь гоголевской драматургии с практикой театра. Пьесы Гоголя влияли на развитие

---

[1] Здесь и далее цитаты из статей и писем В. Г. Белинского приводятся по тексту Полного собрания сочинений, изд. АН СССР, М. 1953—1956, тт. I—XII.

актерского мастерства. На них совершенствовали свое искусство такие мастера реалистической школы игры, как Михаил Семенович Щепкин в Москве и Иван Иванович Сосницкий в Петербурге. Оба они были ближайшими друзьями писателя.

С самого начала своей драматургической деятельности Гоголь стремился к созданию комедии общественной, основанной на общественных, а не на частных, личных отношениях. Общественную направленность он считал характерным национальным свойством русской комедии. «Подобного выраженья,— пишет он в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье о русской поэзии,— сколько мне кажется, не принимала еще комедия ни у одного из народов» (Н. В. Гоголь, т. VIII, стр. 400). В качестве образцов «истинно общественной» комедии он указывал на «Недоросль» Фонвизина и на «Горе от ума» Грибоедова. «Наши комики,— говорит он в той же статье, имея в виду своих предшественников, Фонвизина и Грибоедова,— двигнулись общественной причиной, а не собственной, восстали не противу одного лица, но против целого множества злоупотреблений, против уклоненья всего общества от прямой дороги» (там же). В «Театральном разъезде» в связи с «Ревизором» он так определял устами «второго любителя искусств» принципы построения общественной комедии: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массою, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два,— коснуться того, что волнует более или менее всех действующих. Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины» (стр. 241 наст. тома). На этом основании отвергается традиционная любовная завязка, которую «второй любитель» сравнивает с «узелком на углике платка». По словам «второго любителя», общественная тематика и есть «прямое и настоящее значение» комедии. Уже в самом начале, в руках Аристофана, комедия, как говорит «второй любитель», была «общественным, народным созданием», и только позднее она «вошла в узкое ущелье частной жизни, внесла любовный ход, одну и ту же непременную завязку» (стр. 241 наст. тома). Вернуть комедии ее первоначальное значение, сделать ее вновь «общественным, народным созданием» — такова была цель, которую поставил себе Гоголь с самого начала и к которой неуклонно стремился.

Первым шагом в этом направлении была начатая Гоголем в конце 1832 или в начале 1833 года комедия «Владимир третьей

степени». Комедия задумана была в очень широком плане. Гоголь предполагал охватить здесь и высший бюрократический мир, и светское общество; интрига развивалась по нескольким линиям и включала множество действующих лиц, от бар до лакеев. Столкновение мелких чиновничьих честолюбий, корыстные интересы, светское тщеславие, лакейская угодливость и, в целом, пошлость и пустота верхов общества — вот что должно было составить содержание комедии, замысел которой носил, таким образом, острый сатирический характер. Сюжет комедии — честолюбивая погоня за орденом Владимира третьей степени и сумасшествие на этой почве — отразился отчасти в «Записках сумасшедшего». В одной из гоголевских записных книжек намечена была схема комедии: «Уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанного предмета на огромное расстояние» (Н. В. Гоголь, т. IX, стр. 18—19). Эта схема нашла себе потом применение в «Ревизоре», где катастрофа застигает городничего в момент его кажущегося полного торжества: все его мечты о «генеральстве» лопаются внезапно, как мыльный пузырь. Комедия Гоголя «Владимир третьей степени» остановилась на втором акте. «Его комедия не пошла из головы,— писал Плетнев Жуковскому (17 февраля 1833 г.).— Он слишком много хотел обнять в ней» (П. Плетнев, Сочинения и переписка..., 1885, т. III, стр. 528). Но была и другая причина, по которой Гоголь бросил свою комедию: это цензурные препятствия, которые он предвидел для ее постановки на сцене. Он писал М. П. Погодину 20 февраля 1833 года о своей комедии: «Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написалось на белой толстой тетради: «Владимир третьей степени»,— и сколько злости! смеху! соли!.. Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура (театральная.— *А. С.*) ни за что не пропустит. А что из того, когда пьеса не будет играться?.. Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный, которым даже квартальный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости!» (Н. В. Гоголь, т. X, стр. 262—263). На эти цензурные препятствия намекал и Пушкин, спрашивавший в письме к князю В. Ф. Одоевскому (30 октября 1833 года) о судьбе комедии Гоголя: «Что его комедия? В ней же есть закорючка» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, М. 1948, т. 15, стр. 90). Некоторые сцены из первых двух актов неосуществленной комедии позднее

(в 1842 г.) использованы были Гоголем в его драматических отрывках «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок».

Параллельно с «Владимиром третьей степени» Гоголь начинает работу над комедией из провинциального быта «Женихи» (1833). Действие состоит в споре между собой женихов, сватающихся к молодой помещице. Пьеса представляла собою бытовую комедию с характерными персонажами, но без достаточно острой, объединяющей интриги. Первая редакция комедии была закончена весной 1835 года. Тогда же она получила новое название — «Женитьба», и действие было перенесено в Петербург, в мир чиновников.

Гоголь не думал ограничивать комедией свою драматургическую деятельность. Чрезвычайно показателен его опыт в области исторической драмы — незаконченная пьеса из английской истории «Альфред» (1835). «Идея драмы,— писал об «Альфреде» Чернышевский,— была, как видно, изображение борьбы между невежеством и своеволием вельмож, угнетающих народ, среди своих мелких интриг и раздоров забывающих о защите отечества, и Альфредом, распространителем просвещения и устроителем государственного порядка, смиряющим внешних и внутренних врагов» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М. 1947, т. III, стр. 527). При этом Чернышевский добавлял, что «сколько можно судить по началу, в этой драме мы имели бы нечто подобное прекрасным «Сценам из рыцарских времен» Пушкина» (там же).

Первым осуществлением задач подлинно общественной комедии, с «правдой» и «злостью», явился «Ревизор», поставленный в 1836 году на сцене и одновременно напечатанный отдельным изданием. Сам Гоголь впоследствии смотрел на «Ревизора» как на важную веху в своем творчестве. Комизм своих прежних произведений, до «Ревизора», он считал бесцельным и легкомысленным; только в «Ревизоре» смех его, по его словам, принял серьезное направление. Эту перемену он приписывал влиянию Пушкина, который, как говорит Гоголь, заставил его «взглянуть на дело сурьезно» (Пушкин же, как сообщает Гоголь, дал ему и тему «Ревизора»). От локализованной сатиры «Миргорода» и повестей «Арабесок» Гоголь переходит здесь к сатире обобщенного, общегосударственного содержания. На это обобщающее значение «Ревизора» указывал позднее сам Гоголь в «Авторской исповеди» (1847). «Если смеяться,— писал он,— так

уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего. В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем. Но это, как известно, произвело потрясающее действие» (Н. В. Гоголь, т. VIII, стр. 440). В «Ревизоре» сказалось изумительное умение Гоголя возводить частное к общему, оставаясь верным действительности. Обобщенность представленной им картины достигается тем, что он обнажает корни всего происшедшего, вскрывает общие причины, которыми объясняется все поведение действующих лиц. Как могло случиться, что такой опытный служака, как городничий, «сосульку, тряпку» принял за важного человека? Подобное недоразумение возможно только там, где господствует слепое чинопочитание и никому не приходит в голову сомневаться в словах «начальства». Пустой, на первый взгляд, анекдот о ложном ревизоре превращается под пером Гоголя в обвинительный акт против всей административно-бюрократической машины царской России, против всего режима в целом, основанного на безграничном произволе одних и полном бесправии других. «Ревизор» совсем не комедия о взятках. Взятки здесь только деталь в общей картине, одно из многочисленных следствий общего порядка. Именно общий порядок и обрисовал Гоголь в своей комедии. «Ревизор», как и «Мертвые души», представлял собой, по словам Герцена, страшную исповедь современной России, под стать разоблачениям Котошихина в XVII веке».

Помимо общественного содержания, смелым новаторством был также и отказ от любовной завязки — отказ, продиктованный реалистическими соображениями, о которых Гоголь говорил потом в «Театральном разъезде» устами «второго любителя искусств»: «Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить во что бы ни стало другого, отмстить за пренебреженье, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» (стр. 240—241 наст. тома). Именно отсутствие «интриги» в обычном понимании этого слова поразило больше всего зрителей на первом представлении «Ревизора». По словам П. В. Анненкова, большинство зрителей, «выбитое из всех театральных ожиданий и привычек», остановилось на том предположении, что дается фарс. «Однако же в этом фарсе,— говорит Ан-

ненков,— были черты и явления, исполненные такой жизненной истины, что раза два, особенно в местах, наименее противоречащих тому понятию о комедии вообще, которое сложилось в большинстве зрителей, раздавался общий смех» (П. В. Анненков, Литературные воспоминания, Л. 1928, стр. 69). Анненков подчеркивает при этом, что публика на спектакле была «избранная в полном смысле слова». В связи с этим характерен совет одного из «знатоков», О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса), преподанный им Гоголю в «Библиотеке для чтения» (1836 г., май). Для создания «сильной завязки» Сенковский предлагал ввести в комедию «еще одно женское лицо»: «Хлестаков мог бы приволокнуться за какой-нибудь уездною барышней, приятельницей или неприятельницею дочери городничего, и возбудить в ней нежное чувство, которое разлило бы интерес на всю пьесу», и т. д. Ответом на этот совет и служат слова «второго любителя искусств» в «Театральном разъезде» относительно «любовной интриги», без которой не могут обойтись драматурги.

Комедия Гоголя возбудила шум и толки. Многие смеялись, видя в «Ревизоре» не более как забавный фарс. В числе смеявшихся был, между прочим, Николай I, который, как передает Герцен, «помирал со смеху» на первом представлении «Ревизора». «О ирония, святая ирония, приди, я поклонюсь тебе!» — восклицал Герцен по этому поводу. Хотя «Ревизор» в его сценической редакции 1836 года не имел еще той обобщающей сатирической силы, какую он получил позднее, в переделке 1842 года, но все же большинство ретроградов угадало и в этой первой редакции серьезный разоблачительный смысл комедии. «Комедия была признана многими либеральным заявлением,— писал князь П. А. Вяземский,— вроде, например, комедии Бомарше «Севильский цирюльник», признана за какой-то политический брандскугель, брошенный в общество под видом комедии... Одни приветствовали ее, радовались ей как смелому, хотя и прикрытому, нападению на предержащие власти. По их мнению, Гоголь, выбрав полем битвы своей уездный городок, метил выше... С этой точки зрения другие, разумеется, смотрели на комедию как на государственное покушение: были им взволнованы, напуганы и в несчастном или счастливом комике видели едва ли не опасного бунтовщика» (П. Вяземский, Полн. собр. соч., т. II, СПб. 1879, стр. 274) Авантюрист и картежник, граф Ф. И. Толстой-американец (высмеянный Грибоедовым в «Горе от ума») называл Гоголя, как передает С. Т. Аксаков, «врагом России»

и говорил, что его следует «в кандалах отправить в Сибирь». Ф. Ф. Вигель писал М. Н. Загоскину вскоре после представления «Ревизора»: «Автор выдумал какую-то Россию и в ней какой-то городок, в который свалил он все мерзости, которые изредка на поверхности настоящей России находишь... Я знаю господина автора: это юная Россия во всей ее наглости и цинизме» (Ф. Вигель, Записки..., т. 2, М. 1928, стр. 327). Все эти злонамеренные толки нашли отражение и в печати. Продажный Ф. В. Булгарин в двух фельетонах, посвященных в «Северной пчеле» «Ревизору», публично бросал Гоголю обвинение в «клевете на Россию».

Немногочисленные голоса защитников комедии (В. П. Андросов в «Московском наблюдателе», Н. С. Селивановский, выступивший в «Молве» под инициалами «А. Б. В.», князь П. А. Вяземский в «Современнике») тонули в дружном хоре осуждений со стороны ретроградных журналистов и просто со стороны людей, не сумевших разобраться в комедии и видевших в ней только грубый фарс. Так, например, Лажечников писал Белинскому, что уважает «автора «Старосветских помещиков» и «Бульбы», но не даст «гроша за то, чтобы написать «Ревизора» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М. 1948, стр. 181). Гоголь был потрясен сыпавшимися против него обвинениями — литературными и политическими. По своей мнительности он очень преувеличивал неудачу комедии и пришел к поспешному выводу, что русское общество не дозрело еще до понимания истинных задач комедии и литературы вообще. «Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель,— пишет он М. П. Погодину 15 мая 1836 года.— Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Он зажигатель! Он бунтовщик!» И кто же говорит? Это говорят люди государственные, люди выслужившиеся, опытные, люди, которые должны бы иметь на сколько-нибудь ума, чтоб понять дело в настоящем виде, люди, которые считаются образованными» (Н. В. Гоголь, т. XI, стр. 45). О том же он писал и Щепкину 29 апреля 1836 года: «Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня» (там же, стр. 38).

Травля, которой подвергся Гоголь со стороны реакционеров, заставила его, как известно, покинуть на время Россию. Он

оставил мысль о реформе театра, о возвращении его к истинному назначению. Комедия его, как он пишет в «письме к одному литератору», «опротивела» ему. Не говоря о том, что исполнение ее в Петербурге, на сцене Александринского театра, совершенно не удовлетворило его, так как многие актеры играли «Ревизора» как заурядный фарс, он почувствовал еще и недостатки самой пьесы в том виде, в каком она была написана в 1836 году. «Одного только судьи из всех бывших в театре я боялся,— говорит он в «письме к одному литератору»,— и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, которые заглушали все другие» (стр. 368 наст. тома). Тогда же, по-видимому, и возник план переработки комедии, осуществленный в 1841 году (для издания собрания сочинений 1842 года). В редакции 1842 года Гоголь не только не ослабил сатирического содержания пьесы, но еще усилил его. Именно здесь полностью раскрыт был широкий, обобщающий обличительный смысл комедии. Значительно усилен был эффект финальной сцены, причем только здесь впервые появилось знаменитое обращение городничего, бросаемое им прямо в зрительный зал: «Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!» В этих словах ясно слышался гневный, обличительный голос самого автора. Николай I, «помиравший со смеху» на представлении «Ревизора», мог бы принять эти слова на свой счет. Вместе с тем комедия подверглась и стилистической переделке: диалог приобрел ритмическое течение и выпуклую чеканную форму. Художественная «чистка» способствовала более яркому выражению идеи пьесы. Недаром сам Гоголь признавал, что его смех «никогда еще не появлялся в такой силе», как в «Ревизоре».

После «Ревизора» Гоголь надолго оставил драматургию. Только в 1839 году, во время переделки «Тараса Бульбы», он начал было пьесу, но, однако, не комедию, а историческую драму из украинской истории. Сохранились наброски этой драмы, из которых видно, что Гоголь намеревался дать здесь яркую картину угнетения, которому подвергались украинские крестьяне со стороны польского дворянства.

Однако теперь он смотрел на свои пьесы как на произведения, предназначенные прежде всего для печати. Еще в 1836 году он переделал начало «Владимира третьей степени» в отдельную сцену — «Утро делового человека», которая и появилась в пушкинском «Современнике». К 1841—1842 годам относится группа пьес, приготовленных Гоголем для первого собрания его сочи-

нений: «Женитьба», «Игроки», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок» и «Театральный разъезд после представления новой комедии». Но все это переделка или завершение написанного, начатого или задуманного раньше, еще до «Ревизора» или тотчас после «Ревизора» («Театральный разъезд»).

В позднейших своих пьесах Гоголь уже не заботится об острых сценических положениях. Если в «Ревизоре» соблюдается равновесие между «интригой» и «характерами», то в последующих пьесах «характеры» преобладают над «интригой». Это особенно заметно в «Женитьбе». Комедия состоит из ряда эпизодов, имеющих целью полнее обрисовать характеры и расширить картину нравов. Тут не было места тем соображениям, которые заставили Гоголя выбросить из «Ревизора» две совершенно отделанные сцены, как «замедляющие» течение пьесы (сцены Анны Андреевны с Марьей Антоновной в третьем действии и Хлестакова с Растаковским в четвертом, напечатанные потом отдельно). Такие «замедления» вполне соответствовали бытописательным задачам «Женитьбы». Поэтому, например, разговор о Сицилии между женихами, первоначально исключенный Гоголем по конструктивным соображениям, мог быть свободно восстановлен в окончательной редакции 1842 года, когда бытописательный принцип построения комедии определился с достаточной ясностью. В «Женитьбе», как и в «Ревизоре», Гоголь явился новатором. Эпизодическое ее построение (ряд сцен даже не имеет отношения к основной интриге пьесы) воспринималось современниками как явный недостаток. Друг Гоголя, знаменитый актер И. И. Сосницкий, находил, что тут «комедии-то и нет», так как «сюжета никакого». По рассказу современников, многие считали пьесу неоконченной, так как в ней не было финальной свадьбы.

«Женитьба», впервые напечатанная в составе четвертого тома собрания сочинений 1842 года и в том же году поставленная на сцене, была дальнейшим шагом в развитии драматургической системы Гоголя. Это была пьеса, открывавшая дорогу драматургии Островского. Неторопливое развитие действия, развернутые картины быта, эпизоды, мало связанные с основным сюжетом,— все это подготовляло композицию пьес Островского, определявшуюся бытописательными и сатирическими целями. В «Женитьбе» Гоголь явился предшественником Островского также и в изображении типических черт купеческой жизни. Отец Агафьи Тихоновны, мимоходом обрисованный в рассказе Арины Пантелеймоновны, является прототипом самодуров Островского;

гоголевская Фекла предвосхищает свах Островского; купеческая дочка, мечтающая о женихе-дворянине, представляет собой первый очерк Липочки из комедии Островского «Свои люди — сочтемся». С точки зрения купеческого быта, как писал потом Чернышевский, у Островского «очень немногое прибавлено к тому, что уже указано Гоголем» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М. 1947, т. III, стр. 47). Таким образом, «Женитьба» предопределяла и форму и содержание комедий Островского.

В «Женитьбе» сказались те художественные принципы, которые легли в основу школы критического реализма сороковых годов. Анекдот о неудачном сватовстве послужил Гоголю средством для «очерка» нравов. Типы, выведенные в «Женитьбе», имели широкое, обобщающее значение. Подколесин представляет собой дальнейшее развитие типа Шпоньки из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», которого он напоминает своей застенчивостью и боязнью женитьбы; беседа Шпоньки с невестой является эскизом беседы Подколесина с Агафьей Тихоновной. Цензор Никитенко (правда, дружелюбно настроенный по отношению к Гоголю) в своем докладе цензурному комитету определял «Женитьбу» как «нечто вроде очерка нравов из низшего чиновничьего и мещанского быта в Петербурге», не имеющего никакой «неблагонамеренной» цели. Однако при кажущейся безобидности содержания комедия заключала глубокий сатирический смысл. Спускаясь в область мелочей быта, Гоголь вскрывал те общие причины, которыми управлялся этот быт. Он рисовал целый мир добродушно-зловредной обывательщины, где чин, звание, достаток служат единственным мерилом достоинств человека; мир умственной пустоты, где нет ничего, что выходило бы за пределы мелких, узких, ограниченных интересов, и где отсутствует нормальная логика поступков. Людям этого пошлого мира настолько чужды естественные человеческие чувства, что один только их проблеск выбивает их из колеи, как это показывают бессильные потуги Подколесина выразить новое для него ощущение любви, вспыхнувшее в нем и тотчас погасшее. «Женитьба» являлась обличением того быта и нравов, которые были порождены строем жизни царской России.

Если «Женитьба» по своему объему еще была в глазах Гоголя комедией, то свои одноактные пьесы, в том числе и «Игроков» с их достаточно развернутой интригой, он причислял к разряду «драматических отрывков и отдельных сцен». В декабре 1842 года, в письме к Щепкину, назвавшему «Игроков» комедией,

он подчеркивал, что это не комедия, а «просто комическая сцена». Оригинальность «Игроков» заключалась, между прочим, в полном отсутствии женских ролей и в том, что самая интрига до развязки вообще оставалась скрытой. Интерес сосредоточен здесь не на интриге, а на характере ролей, разыгрываемых шулерами с целью обмануть Ихарева. Некоторые из участников этой «комедии в комедии» совсем не выступают собственным лицом без маски и так и остаются неизвестными читателю и зрителю (отец и сын Гловы, приказный Замухрышкин). Анекдот о плутнях шулеров служит в «Игроках» только поводом для обрисовки типических персонажей, из которых приказный Замухрышкин оказал несомненное влияние на типы приказных у Островского, начиная с Рисположенского в «Свои люди — сочтемся» и кончая Чугуновым в «Волках и овцах». И здесь Гоголь прокладывал дорогу Островскому.

Четыре сцены, переделанные из отрывков «Владимира третьей степени» («Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок»), рисуют уголки того бюрократического и светского мира, который должен был составить предмет незавершенной комедии. «Утро делового человека» и «Тяжба» представляют собой ядовитую сатиру на высший бюрократический круг с его праздностью, карьеризмом, корыстолюбием и завистью к успехам соперника. Отражением этого «барского» мира является мир лакейский, изображенный в сцене «Лакейская»; здесь своя чиновная иерархия — то же чинопочитание, чванство, мелкое тщеславие: дворецкий с важностью сообщает, что на затеваемом лакейском бале будет, как он слышал, «камердинер графа Толстогуба»; горничная Аннушка считает для себя унизительным быть в обществе кучеров, потому что они «такие невежи» и т. д. В этом отношении горничная Аннушка является точным сколком с жеманной барыни Марьи Александровны из «Отрывка», которая не может без отвращения смотреть на «штафирок» и желает, чтобы сын ее был военным и присутствовал «на всех придворных балах».

Предметом «Театрального разъезда» является общий теоретический вопрос о комедии и о значении смеха. Это необычная форма инсценированного теоретического диспута, который, однако, превратился у Гоголя в широкую бытовую картину, охватывающую различные слои общества и заключающую в себе целую галерею характерных персонажей. Таковы, например, два офицера, два «литератора», две «бекеши», купец с купчихой,

начальник-генерал с увивающимся около него «молоденьким чиновником» и др. Постепенное развитие темы в живых диалогических эпизодах придает пьесе драматическое движение.

В заключительном монологе «автора» высказывается сожаление, что никто не заметил «честного лица» в его пьесе. «Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее,— говорит «автор».— Это честное, благородное лицо был — *смех*» (стр. 268 наст. тома). Так Гоголь отвечал тем, кто обвинял его за отсутствие положительного героя, противопоставленного всем прочим, как полагалось по традиции. Это было теоретическое оправдание смеха. Помимо чисто литературного вопроса, Гоголь затрагивает и вопрос общественно-политический, поставленный им в «Ревизоре»,— о порочности современного ему общества. Он возвращается здесь, таким образом, к обобщенной тематике «Ревизора», которым открывался том пьес в издании его сочинений 1842 года. «Театральный разъезд», помещенный в конце тома, являлся как бы его идейным завершением.

В истории мировой драматургии комедии Гоголя занимают важное и почетное место. Они представляют собой самобытное, оригинальное явление, сыгравшее огромную роль в развитии русской передовой общественной мысли и русского реалистического театра. Та комедия с «правдой» и «злостью», идеал которой рисовал себе Гоголь, на деле превратилась у него в гневное, беспощадное отрицание всей социально-политической действительности его времени. Белинский причислял «Ревизора» к тем «дивно-художественным» и «глубоко-истинным» творениям, которыми Гоголь «могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое, как будто в зеркало» (В. Г. Белинский, т. X, стр. 213). Он ставил «Ревизора» на один уровень с «Мертвыми душами»: и там и тут он видел «резко» высказанную «горькую правду». Общественное содержание придало гоголевскому театру широкий демократический характер: «Ревизор», по определению Герцена, был комедией не только для какой-то части публики, а комедией всенародной, «комедией для всех».

Драматические произведения Гоголя в издании его сочинений 1842 года собраны были в четвертом, последнем томе. Порядок их был указан самим Гоголем в письмах к Прокоповичу из Гастейна 10 сентября и из Рима 22 октября. Мы сохраняем установленный им порядок.

РЕВИЗОР

Время написания комедии определяется следующими данными. Осенью 1835 года, после окончания «Женитьбы» (в ее первой редакции), Гоголь просит Пушкина дать ему сюжет для новой комедии. «Сделайте милость,— пишет он 7 октября 1835 года,— дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию» (Н. В. Гоголь, т. X, стр. 375). Этим письмом косвенно подтверждается указание Гоголя в «Авторской исповеди», что сюжет «Ревизора» дал ему Пушкин. В письме 6 декабря 1835 года Гоголь уже сообщает М. П. Погодину, что он окончил комедию «третьего дни», то есть 4 декабря. «Да здравствует комедия! — пишет он.— Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предуведомить кого следует по этой части. Скажи Загоскину (Загоскин был тогда директором московских театров.— *А. С.*), что я буду писать к нему об этом и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть. Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенефису его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни окончить эту пьесу» («Ревизор».— *А. С.*) (там же, стр. 379). Таким образом, комедия, начатая в октябре, была закончена 4 декабря 1835 года, меньше чем в два месяца. Однако в период постановки и приготовления для печати она, как видно из писем Гоголя, подвергалась дальнейшим переделкам.

«Ревизор» был поставлен 19 апреля 1836 года на Александринском театре в Петербурге, а затем в Москве на Малом театре — 25 мая 1836 года. Городничего играл в Петербурге И. И. Сосницкий, в Москве — М. С. Щепкин. Тогда же, весной 1836 года, вышло отдельное издание «Ревизора» (текст в этом издании почти совпадает с театральным). В 1841 году комедия вышла вторым изданием с некоторыми переменами. И только в 1842 году в издании сочинений Гоголя (том четвертый) «Ревизор» появился в окончательном виде. В этой последней редакции текст был значительно переработан (вранью Хлестакова придан вдохновенный гиперболический характер, переделана финальная сцена, вставлено обращение городничего в публику: «Чему смеетесь? —

Над собою смеетесь!..» и т. д.). Здесь только получил полное выражение высокий общественный пафос комедии. Текст последней редакции, печатавшийся во всех изданиях Гоголя, был, однако, введен на сцену только в 1870 году.

Первая постановка «Ревизора» в Петербурге разочаровала Гоголя. Он был недоволен и актерами, и самой пьесой, в которой открыл ряд недостатков. Несмотря на советы Пушкина, он не согласился ехать в Москву, чтобы прочесть ее актерам. «Делайте что хотите с моей пьесой,— писал он Щепкину 29 апреля 1836 года,— но я не стану хлопотать о ней. Мне она сама надоела так же, как хлопоты о ней» (Н. В. Гоголь, т. XI, стр. 38).

«Ревизор» вызвал резкие нападки реакционной критики. Особенно злостным характером отличались две статьи Булгарина в «Северной пчеле» (1836 г., № 97, 30 апреля; № 98, 1 мая). Цель их была доказать, что все в «Ревизоре» основано на «невероятности» и «несбыточности», что «административные злоупотребления» вообще не есть предмет для комедии и что городок, изображенный Гоголем, «не русский, а малороссийский или белорусский». «Так незачем было и клеветать на Россию»,— ехидно заключал Булгарин свои доносительные рассуждения. Булгарину вторил Сенковский в «Библиотеке для чтения» (1836 г., май). Он тоже находил, что гоголевский город не русский: по мнению критика, он «скорее должен находиться в Малороссии или Белоруссии, чем в другой стороне России». Вслед за Булгариным он утверждал, что нельзя строить комедию на «административных злоупотреблениях», и намекал при этом, что гоголевская пьеса представляет собой клевету. «Административные злоупотребления в местах отдаленных и малопосещаемых,— писал Сенковский,— существуют в целом мире, и нет никакой достаточной причины приписывать их одной России, перенося анекдот на нашу землю и обставляя ее одними только лицами нашего народа».

Однако комедия Гоголя нашла защитников в современной ему критике. В «Московском наблюдателе» (1836, ч. 7) издатель журнала В. П. Андросов показал значение «Ревизора» как комедии общественной. С этой точки зрения комедия Гоголя, писал он, «явление чрезвычайно важное в нашей словесности». Столь же высокую оценку «Ревизор» встретил и в статье Н. С. Селивановского в журнале «Молва» (1836, № 9), где тогда сотрудничал Белинский (статья была подписана инициа-

лами «А.Б.В.» и многими исследователями приписывалась Белинскому; принадлежность статьи Селивановскому установлена проф. Ю. Г. Оксманом). В статье подчеркивались «современность произведения» и типичность персонажей. Имена действующих лиц на другой же день после получения в Москве первых печатных экземпляров комедии обратились, по словам автора, в нарицательные. «Посмотрите...— писал критик,— везде, где есть десяток народу, между ними наверное один выходец из комедии Гоголя». Далее автор определял «Ревизора» как русскую всероссийскую пьесу, возникшую «не из подражания, но из собственного, быть может, горького, чувства автора». «Ошибаются те,— продолжал Селивановский,— которые думают, что эта комедия смешна и только. Да, она смешна, так сказать, снаружи; но внутри это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано». Замечательно то, что в этой статье подчеркивалась демократичность гоголевской комедии. Говоря о публике «высшего тона», которая наполнила зрительный зал на первом представлении «Ревизора», автор статьи задавал вопрос: «Ей ли... принять участие в этих лицах, которые для нас, *простолюдинов* (курсив мой.— *А. С.*), составляют власть, возбуждают страх и уважение?» На защиту «Ревизора» выступил в пушкинском «Современнике» и князь П. А. Вяземский (1836, т. 2). Однако он отстаивал гоголевскую комедию с позиции «чистого искусства», отрицая ее протестующий критический смысл. Вся комедия, по его мнению, разрешалась в смехе.

Обстоятельный разбор «Ревизора» дал Белинский в 1840 году в статье, посвященной «Горю от ума» Грибоедова. Статья эта, написанная в период кратковременного «примирения с действительностью», не раскрывает вполне обличительного содержания «Ревизора». Белинский останавливается преимущественно на художественной стороне гоголевской комедии, показывая соразмерность частей и строгую логику сюжета. Надо иметь в виду, что критик имел перед собою только редакцию 1836 года, однако он и здесь подчеркивает верность ее действительности и путем тонкого анализа показывает зависимость характеров и поведения выведенных в комедии персонажей от социально-бытовых условий. Этим самым он подводит читателя к пониманию ее глубокого общественного значения. «В жизни надо быть счастливым,— формулирует он «простую философию» городничего,— а для этого нужны деньги и чины, а для приобретения их взяточничество, казнокрадство, низкопоклонниче-

ство и подличанье перед властями, знатностию и богатством, ломанье и скотская грубость перед низшими себя... Он знает, что средства его для достижения этой цели грешны перед богом, но он знает это отвлеченно, головою, а не сердцем, и он оправдывает себя простым правилом всех пошлых людей: «Не я первый, не я последний, все так делают»... И не Сквозники-Дмухановские увлекаются могучим водоворотом этой магической фразы «все так делают»... Наш городничий был не из бойких от природы, и потому «все так делают» было слишком достаточным аргументом для успокоения его мозолистой совести» (В. Г. Белинский, т. III, стр. 453—454). Белинский подчеркнул, таким образом, типичность гоголевских героев, связь их с общественными условиями, с понятиями среды, со всем самодержавно-бюрократическим строем.

Стр. 15. *В эмпиреях* — в блаженстве.

Штандарт — флаг с гербом или полковое знамя в кавалерии (штандарт-юнкер — носитель флага или полкового знамени, кавалерист).

Стр. 19. *В книге «Деяния Иоанна Масона»...* — Речь идет об английской масонской книге, переведенной на русский язык в XVIII веке.

Стр. 24. *Елистратишка* — коллежский регистратор (низший чин).

Стр. 25. *Пойдешь на Щукин* — на Щукин двор (петербургский рынок).

Стр. 27. *Штос* — азартная игра в карты; *штосы срезывать* — выигрывать.

Из «Роберта» — из «Роберта-Дьявола» (опера французского композитора Мейербера, 1831).

Стр. 28. *Иоахим* — каретный мастер в Петербурге.

Стр. 35. *В приватном доме* — в частном доме.

Стр. 45. *Лабардан* — свежепросольная треска.

Стр. 46. *Забастовать* — при игре в «банк» перестать увеличивать ставку; *гнуть от трех углов* — увеличивать ставку втрое (загибая углы карт).

Стр. 47. *Вояжировка* — путешествие (от франц. *voyage*).

Стр. 48. *«Женитьба Фигаро»* — комедия французского драматурга Бомарше (1784); *«Норма»* — опера итальянского композитора Беллини (1831). Комизм здесь в смешении разнородных вещей — опер и комедий.

Барон Брамбеус — псевдоним О. И. Сенковского, редактора журнала «Библиотека для чтения»; «*Фрегат Надежда*» — повесть А. А. Бестужева-Марлинского (1797—1837); «*Московский телеграф*» — журнал, издававшийся Н. А. Полевым с 1825 года (закрыт по приказу Николая I в 1834 г.). Комизм здесь в смешении имен авторов и названий повестей и журналов.

Смирдин А. Ф. (1795—1857) — петербургский книгопродавец, издатель журнала «Библиотека для чтения».

Стр. 57. *Цицерон* (106—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, славившийся красноречием.

Стр. 65. *Приказ общественного призрения* — учреждение по делам благотворительности, занимавшееся также денежными операциями.

Стр. 74. «*О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!..*» — начальные строки оды Ломоносова «Выбранная из Иова».

Стр. 75. *Пассаж* — случай (от франц. *passage*).

Стр. 76. «*Законы осуждают*» — из стихотворения Н. М. Карамзина в повести «Остров Борнгольм»: «Законы осуждают предмет моей любви...».

Стр. 82. *Кавалерия* — орденская лента, которую носили кавалеры высших орденов; голубая лента давалась при самых высоких орденах.

Стр. 93. *Моветон* — человек дурного тона (от франц. *mauvais ton*). *Реприманд* — урок (от франц. *reprimande*, буквально: выговор).

ЖЕНИТЬБА

Первый, незаконченный набросок «Женитьбы» относится к 1833 году. Действие здесь происходило в деревне, в помещичьей среде. Сюжет несколько напоминал ситуацию Солохи из «Ночи перед рождеством»: невеста не хочет упустить ни одного из женихов и, по-видимому, теряет их всех. Комедия была озаглавлена «Женихи»; Подколесина и Кочкарева здесь еще не было. Весной 1835 года закончена первая полная редакция комедии, где уже фигурировали Подколесин и Кочкарев. В этом виде Гоголь читал комедию 4 мая 1835 года у М. П. Погодина в Москве. Тогда же определилось и новое заглавие: «Женитьба». Осенью 1835 года Гоголь приготовил текст комедии для отдачи на театр, но, занявшись в октябре — декабре 1835 года «Ревизором», отложил

свое намерение. Сообщая Погодину 6 декабря 1835 года об окончании «Ревизора», он писал о «Женитьбе»: «Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр» (Н. В. Гоголь, т. X, стр. 379). Однако весной 1836 года под влиянием настойчивых просьб Щепкина, которому пьеса была обещана для бенефиса, Гоголь еще раз переделал ее, но и эта переделка не удовлетворила его. «Женитьба» была заброшена до 1841 года, когда Гоголь окончательно отделал ее для издания своих сочинений в 1842 году. Некоторые дополнения и поправки он внес в комедию во время ее печатания.

Впервые «Женитьба» появилась в печати в 1842 году в собрании сочинений Гоголя (том четвертый). Она была поставлена 9 декабря 1842 года в Петербурге (в бенефис Сосницкого) и 5 февраля 1843 года в Москве (в бенефис Щепкина). В Петербурге вследствие плохой игры актеров пьеса никакого успеха не имела. «Я сейчас из театра,— писал Белинский В. П. Боткину 9 декабря 1842 года тотчас после спектакля.— «Женитьба» пала и ошикана. Играна была гнусно и подло, Сосницкий (он играл Кочкарева.— *А. С.*) не знал даже роли. Превосходно играла Сосницкая (невесту) и очень, очень был недурен Мартынов (Подколесин); остальное все — верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют» (В. Г. Белинский, т. XII, стр. 125). В 1843 году в «Отечественных записках» Белинский поместил специальную заметку, в которой дал в качестве руководства для актеров характеристики всех персонажей комедии. При этом он особенно подробно остановился, в поучение Сосницкому, на роли Кочкарева. «Если актер, выполняющий роль Кочкарева,— писал он, намекая на Сосницкого,— услышав о намерении Подколесина жениться, сделает значительную мину, как человек, у которого есть какая-то цель,— то он испортит всю роль с самого начала» (В. Г. Белинский, т. VI, стр. 575). В Москве «Женитьба» была сыграна гораздо лучше, хотя и тут исполнители центральных ролей Щепкин (Подколесин) и Живокини (Кочкарев) были слабы. Роль Подколесина не удалась Щепкину. В сцене с невестой робость его, по словам С. Т. Аксакова, «напоминала городничего», а в последнем монологе неожиданная перемена настроения у Подколесина показана была чрезвычайно плохо. «Переходы от восторга, что он женится...— пишет Аксаков,— появление сомнения и потом непреодолимого страха даже в то еще время, когда слова, по-видимому, выражают радость,— все это совершенно пропало и было выражено пош-

лыми театральными приемами» (С. Т. Аксаков, Собр. соч., М. 1956, т. 3, стр. 253). Причиной сценической неудачи «Женитьбы» была необычная форма пьесы (отсутствие внешней интриги, медленное развитие действия, вставные эпизоды, и т. д.).

«Женитьба» была враждебно встречена реакционной критикой, торжествовавшей по случаю «падения» пьесы. «Ни завязки, ни развязки, ни характеров, ни острот, ни даже веселости — и это комедия!» — писал рецензент «Северной пчелы» (1842, № 279, 12 декабря). — Это, что называют французы, scènes à tiroirs» (сцены вроде выдвижных ящиков). «Сцены эти, набросанные кое-как, без достаточной завязки и развязки, невозможно назвать комедией,— говорилось в журнале «Репертуар и Пантеон» (1842, XXIV).— Для комедии, сверх того, требуется правдоподобие, а в «Женитьбе» нет ни того, ни другого». Нападая на «Женитьбу», враждебная Гоголю критика имела в виду общее сатирическое и реалистическое направление его творчества, столь резко выразившееся в только что вышедших тогда «Мертвых душах».

Стр. 99. *Пропустил мясоед* — то есть дождался поста, когда не венчают («мясоед» — дни, когда, по церковным правилам, разрешается мясная пища).

Стр. 105. *В алгалантьерстве* — в адмиралтействе.

Стр. 139. *Аматёр* — любитель (от франц. *amateur*).

Стр. 140. *В мой профит* (франц.) — в мою пользу.

Стр. 141. *Мыслéте* — старинное название буквы «М». Здесь в смысле: выделывает ногами зигзаги.

ИГРОКИ

Комедия «Игроки» была напечатана впервые в издании сочинений Гоголя 1842 года (том четвертый), в отделе «Драматические отрывки и отдельные сцены». Весь отдел датировался самим Гоголем периодом с 1832 по 1837 год. Окончательная обработка «Игроков» относится к 1842 году, но начата была пьеса, несомненно, раньше. Посылая ее Прокоповичу, Гоголь писал 10 сентября 1842 года из Германии: «Посылаемую ныне ⟨пьесу⟩ «Игроки» в силу собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать» (Н. В. Гоголь, т. XII, стр. 104). Эту первоначальную

рукопись «Игроков» Н. С. Тихонравов относил к периоду петербургской жизни Гоголя до 1836 года.

Гоголь много раз касался темы карточной игры в своих произведениях. Карты занимают видное место в характеристике Хлестакова в «Ревизоре» и двух чиновников в «Утре делового человека». О подобранной колоде говорится в «Мертвых душах». Ноздрев, подобно Ихареву, трудится над «подбиранием из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно было бы понадеяться, как на вернейшего друга» (глава X).

«Игроки» были поставлены в Москве 5 февраля 1843 года, в бенефис Щепкина, в один вечер с «Женитьбой». Щепкин играл Утешительного; в роли Замухрышкина выступил Пров Садовский. В Петербурге «Игроки» шли 26 апреля 1843 года. Главные роли исполняли А. Е. Мартынов (Ихарев), И. И. Сосницкий (Утешительный) и П. А. Каратыгин (Замухрышкин). Сценический текст был сильно искажен цензурой: уничтожены были все упоминания о «гусарах» и «гусарстве», выброшены были слова Замухрышкина о том, что «взятки берут и те, которые повыше», и т. д.

В Москве, как писал Гоголю С. Т. Аксаков 7 февраля 1843 года, постановка «Игроков» была встречена сдержанно, хотя «пьесу,— добавлял Аксаков,— все почти хвалят» (С. Т. Аксаков, Собр. соч., М. 1956, т. 3, стр. 254). В Петербурге «Игроки» приняты были холодно, что Белинский объяснял неразвитостью постоянных посетителей Александринского театра. «Это произведение,— писал Белинский,— по своей глубокой истине, по творческой концепции, художественной отделке характеров, по выдержанности в целом и подробностях не могло иметь никакого смысла и интереса для большей части публики Александринского театра» (В. Г. Белинский, т. VII, стр. 85—86).

В записной книжке 1841—1842 годов мы находим список карточных терминов, заготовленных, очевидно, для «Игроков». Уже во время печатания пьесы Гоголь дополнил ее еще одной карточной фразой, которую сообщил Прокоповичу в письме 26 ноября 1842 года из Германии: «Руте, решительно руте! просто карта фоска!» «Эту фразу включи непременно,— писал он.— Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства» (Н. В. Гоголь, т. XII, стр. 119).

Стр. 162. *Выжига* — чистый металл, выплавленный из золоченой или серебряной вещи.

Стр. 166. *Пароле* — термин, обозначающий ставку на выигрыш вдвое.

Маз — прибавка к ставке.

Атанде — подождите (от франц. *attendez*); в карточной игре обозначает остановку для подсчета.

Стр. 167. *Талия* — один оборот колоды, круг игры.

Стр. 171. *Асикурировать* (франц.) — поручиться.

Стр. 172. *Понтер* — участник игры в «банк»; тот, кто ставит на карту.

Стр. 177. *Астрея* — богиня справедливости в греческой мифологии (отсюда «астрея» — век первобытного блаженства).

Стр. 180. *Опекунский совет* — управление благотворительных учреждений, принимавшее капиталы на хранение за проценты.

Стр. 183. *Пароле пе* — термин, обозначающий ставку на выигрыш вдвое против «пароле».

Плие — термин, обозначающий загнутую карту (для обозначения своей ставки на данную карту).

Стр. 184. *Ва-банк* — термин, обозначающий ставку на всю сумму, лежащую в «банке».

«Руте, решительно руте! просто карта фоска!» — *Руте* — положение, при котором игрок выигрывает подряд несколько карт; *фоска* — простая карта (не фигурная и не туз).

Стр. 188. *«Бурцов ions, забияка»* — цитата из популярного стихотворения Дениса Давыдова, обращенного к гусару Бурцову.

УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Сцена была напечатана в 1836 году в пушкинском «Современнике» (т. I) и перепечатана с незначительными переменами в издании сочинений Гоголя 1842 года, том четвертый, в отделе «Драматические отрывки и отдельные сцены». Это была первая сцена, переделанная из неоконченной комедии «Владимир третьей степени». По содержанию она, видимо, относится к первому акту. Изображенный здесь Иван Петрович Барсуков, «деловой человек», и есть герой комедии, который должен был, по первоначальному плану, помешаться на ордене Владимира третьей степени. В пушкинском кругу эта сцена была известна уже с осени 1835 года. Пушкин цитирует ее в письме к Плетневу из Михайловского в октябре 1835 года: «Лангера заставь также

нарисовать виньетку без смысла (речь идет об издании альманаха.— *А. С.*). Были бы цветочки да лиры, да чаши, да плющ, как на квартире Алекс. Ив. (в окончательном тексте «Иван Петрович».— *А. С.*) в комедии Гоголя» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, 1949, стр. 56). В письме к Пушкину (в марте 1836 г.) Гоголь называл свою сцену «Утро чиновника». Возможно, что это заглавие было изменено цензурой.

Стр. 199. *Ренонс* — отказ от хода в карточной игре (при отсутствии нужной масти; от франц. *renonce*).

Робер, роббер — несколько партий, составляющих круг игры (от англ. *rubber*).

ТЯЖБА

«Тяжба» представляет собой переработку одной из сцен первого акта «Владимира третьей степени». Гоголь читал ее в марте 1840 года в Москве у Аксаковых. Впервые она была напечатана в издании сочинений Гоголя 1842 года. Пролетов, герой сцены, соответствует тому лицу, которое фигурирует в «Утре делового человека» под именем Александра Ивановича. Иван Петрович Барсуков из «Утра делового человека» переименован здесь в Павла Петровича Бурдюкова. «Тяжба» — единственная из сцен, которая шла на театре при жизни Гоголя (в Петербурге, в гастрольный бенефис Щепкина, 27 сентября 1844 г.). Щепкин играл Бурдюкова, Пролетова — Мартынов.

Стр. 211. *Штаметовые юбки* — искаженное название вязаных (стаметовых) юбок.

ЛАКЕЙСКАЯ

Из комедии «Владимир третьей степени» в сцену вошел только диалог дворецкого с Аннушкой, остальное написано позднее, в конце 1839 или в начале 1840 года. Действие происходит в лакейской главного лица комедии, Ивана Петровича Барсукова (здесь он назван Федором Федоровичем). Сцена напечатана впервые в издании 1842 года.

Стр. 218. *...какой-нибудь от инфантерии* — генерал от инфантерии (пехоты).

...*бонжур, коман ву франсе* — бессмысленная фраза, составленная из французских слов. *Бонжур* — добрый день; *коман ву франсе* — вместо «коман ву порте ву» («как вы себя чувствуете»).

ОТРЫВОК

«Отрывок» представляет собой переработку одной из сцен «Владимира третьей степени». Переработка начата в 1840 и закончена в 1842 году, позднее остальных сцен. Напечатан «Отрывок» впервые в издании сочинений Гоголя 1842 года. Первоначально сцена называлась «Сцены из светской жизни»; название это Гоголь переменил по совету Прокоповича. Марья Александровна из «Отрывка» (в рукописи — Марья Петровна), является сестрой Ивана Петровича Барсукова, героя неосуществленной комедии, выведенного в «Утре делового человека». Миша — тоже персонаж во «Владимире третьей степени»; по приказу матери он женится там на княжне Шлепохвостовой. Собачкин — дальнейшая разработка образа Закатищева из «Владимира третьей степени».

Стр. 226. *Фурьер* — чиновник по снабжению.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ

Впервые напечатано в собрании сочинений Гоголя 1842 года, в конце четвертого тома. Первые наброски сделаны в апреле — мае 1836 года, под впечатлением первого представления «Ревизора». Окончательно отделывая пьесу, Гоголь особенно старался придать ей принципиальное, обобщенное значение, чтобы она не выглядела только комментарием к «Ревизору». Он писал Прокоповичу из Германии 27 июля 1842 года о своей пьесе: «Ее нужно сделать несколько идеальней, то есть чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, как написанную по случаю «Ревизора» (Н. В. Гоголь, т. XII, стр. 84). «Более всего хлопот было мне с остальной пьесою «Театральный разъезд»...— писал он в другом письме (10 сентября 1842 г.).— Но она заключительная статья всего собрания сочинений и потому очень важна и требовала тщательной отделки» (там же, стр. 104). В речах «литератора» и «еще лите-

ратора» пародируются суждения Булгарина в «Северной пчеле» и Сенковского в «Библиотеке для чтения». Устами «второго любителя искусств» дается ответ Сенковскому, рекомендовавшему ввести в комедию «любовную интригу». Место действия — сени Александринского театра в Петербурге.

Стр. 239. *Коцебу* Август (1761—1819)— немецкий драматург, автор пошлых сентиментальных пьес, переводившихся на русский язык и постоянно ставившихся на сцене в первой четверти XIX века, агент Александра I, убитый за свою реакционную деятельность студентом Карлом Зандом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ К «РЕВИЗОРУ»

1. «Ревизор» (редакция первого издания, 1836 г.).

Первое издание «Ревизора» вышло незадолго до постановки комедии на сцене Александринского театра (цензурное разрешение подписано 13 марта 1836 года). Печатая комедию, Гоголь заказал несколько экземпляров с широкими полями (размером в четвертку). На одном из таких экземпляров был вписан новый, окончательный текст комедии для третьего ее издания в собрании сочинений 1842 года (частичные изменения были внесены уже во второе издание 1841 года). При переработке первой редакции некоторые сцены вычеркивались целиком и заменялись написанными заново (первые три явления первого действия; пятое, восьмое и десятое явления второго действия, последнее явление пятого действия и др.). В остальных случаях на полях вписывались изменения в репликах. Только немногие сцены остались свободными от всяких исправлений (пятое явление первого действия, первые три явления второго действия, первые четыре явления третьего действия и др.). Надо отметить, что Белинский в статье 1840 года, посвященной «Горю от ума» Грибоедова, разбирал «Ревизора» в редакции 1836 года.

Перед текстом комедии дается афиша первого представления «Ревизора».

2. Две сцены, выключенные и при первом издании, как замедлявшие течение пьесы.

Первая сцена (Анны Андреевны с Марьей Антоновной) впервые напечатана в приложении ко второму изданию «Ревизора» 1841 года; вторая (Хлестакова с Растаковским) — в «Москвитянине», 1841, ч. III.

Стр. 361. *Блондочка* (блонда) — шелковое кружево. *Экссельбант* (аксельбант) — шнуры на плече, которые носились адъютантами.

Стр. 362. *Румянцев-Задунайский* П. А., граф (1725—1796) — знаменитый полководец, главнокомандующий русской армией в войне с турками 1770—1774 годов. *Квартирмистр* (квартирмейстер) — офицер, заведовавший размещением войск.

3. Сцена, не внесенная автором в печатные издания «Ревизора». Впервые напечатана в «Библиографических записках», 1859, № 7. Извлечена из первоначальной редакции «Ревизора» 1835 года.

4. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. Впервые напечатано в качестве предисловия при втором издании «Ревизора» в 1841 году. В письме к С. Т. Аксакову 17 марта 1841 года Гоголь сообщал, что данная статья является неотправленным письмом к Пушкину. Возможно, что Гоголь действительно начал какое-то письмо к Пушкину о «Ревизоре»; однако черновые рукописи показывают, что «отрывок из письма» писался в 1840—1841 годах.

Стр. 366. *Дюр* Н. О. (1807 —1839) — рано умерший актер, имевший большой успех в водевилях.

Альнаскаров — герой комедии Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818).

5. Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». Впервые напечатано Н. С. Тихонравовым в 1886 году, при издании сценического текста «Ревизора». По предположению Н. С. Тихонравова, написано в 1842 году.

6. Развязка «Ревизора». Пьеса написана в 1846 году, в период усиления мистических настроений Гоголя, одновременно с подготовкой «Выбранных мест из переписки с друзьями». Гоголь послал ее из-за границы Плетневу для напечатания при новом издании «Ревизора». Одновременно он послал пьесу и Щепкину в Москву, с тем чтобы он поставил ее в свой бенефис. Однако резкий протест друзей Гоголя (Аксаковых, Шевырева

и др.) против «Развязки «Ревизора» заставил его отказаться от печатания и от постановки ее. Щепкин писал Гоголю в мае 1847 года: «По выздоровлении, прочтя ваше окончание «Ревизора», я бесился на себя, на свой близорукий взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев «Ревизора» как живых людей... Оставьте мне их, как они есть... Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти... Вы из целого мира собрали несколько человек в одно сборное место, в одну группу; с этими в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите их отнять у меня. Нет, я их вам не дам! не дам, пока существую. После меня переделайте хоть в козлов; а до тех пор я не уступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог» (М. Щепкин, Записки, СПб. 1914, стр. 173—174). «Развязка «Ревизора» впервые напечатана была в 1856 году, в посмертном собрании сочинений Гоголя.

7. Вторая редакция окончания «Развязки «Ревизора». Написано в 1847 году в связи с возражениями друзей против «Развязки «Ревизора».

ВЛАДИМИР ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ

Сохранившиеся листы неоконченной комедии Гоголя включены в тетради с текстом «Тяжбы» и «Лакейской». На этих листах находятся два отрывка: один представляет собой конец второй сцены комедии и сцену третью; другой — конец одного из актов (вероятно, второго). Части текста, не использованные для «Тяжбы» и «Лакейской», перечеркнуты; Закатищев из второго отрывка — первый набросок Собачкина в сцене «Отрывок».

АЛЬФРЕД

Впервые опубликовано в 1856 году П. А. Кулишем в «Записках о жизни Н. В. Гоголя». Рукопись драмы относится к 1835 году.

В дошедших до нас набросках повествуется о победе уэссекского короля Альфреда (849—900) над вторгшимися в Англию в 878 году скандинавскими дружинами.

Н. Г. Чернышевский отмечал, что «простота языка и мастерство в безыскусственном ведении сцен, уменье живо выставлять

характеры и черты быта не изменили Гоголю и в этом случае. Историческая верность строго выдержана» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М. 1947, т. III, стр. 527—528).

Стр. 407. *Сеорл* (англ. «керль») — мелкий землевладелец. *Тан* — рыцарь, знатный дворянин. *Бретон* — британец, бритт (древнее население Англии, обращенное в рабство англосаксами).

Стр. 408. Hydes *(гидес)* — земельная мера.

Стр. 412. Schirgemot *(ширгемот)* — суд графства. *Шир* — шериф, судья; *алдерман* — старшина.

Стр. 415. *...шестнадцать танов ситкундменов* — шестнадцать младших рыцарей-вассалов.

Стр. 416. *Витенагемот* — королевский совет (буквально — совет мудрых).

Стр. 417. *Берсеркеры* — богатыри (из скандинавской мифологии).

Стр. 418. *Валгал*, Валгалла — небесный чертог, где, по скандинавским верованиям, пируют погибшие в битве герои.

Стр. 421. *Гирд* — отряд.

НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ

Наброски относятся к 1839 году. Гоголь писал о своей драме С. П. Шевыреву 10 сентября 1839 года из Вены: «Труд мой, который начал, не идет; а чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны?» (Н. В. Гоголь, т. XI, стр. 248). М. П. Погодину он пишет (15 августа 1839 года): «Малороссийские песни со мною. Запасаюсь и тщусь, сколько возможно, надышаться стариной» (там же, стр. 240—241). О том же сообщает он через десять дней Шевыреву (25 августа 1839 года): «Передо мною выясниваются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их, или на душу мою нашло само собой ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается» (там же, стр. 241). Драма, однако, не была написана: оставшиеся наброски были впервые напечатаны П. А. Кулишем в журнале «Основа» (1861 г., январь).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Гоголь Николай Васильевич
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, т. 4

Редактор *С. Чулков*
Художественный редактор *И. Жихарев*
Технический редактор *З. Евдокимова*
Корректоры *М. Доценко* и *А. Чернявская*

Подписано в печать 27/IX 1959 г.
Бумага 84×108 1/32. 14,5 печ. л.
23,78 усл. печ. л. 21,43 + 10 вкл. = 21,93
уч.-изд. л. Тираж 350 000. Заказ № 761.
Цена 9 руб.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

Отпечатано с матриц 1-й Образцовой
тип. им. А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза

9 руб.